

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И
РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ВОРОНЕЖСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ИБЕРО-АМЕРИКАНСКОГО МИРА

М.В. Кирчанов

IMPÉRIO, ESTADO, NAÇÃO

*Политические модернизации и интеллектуальные
трансформации в Бразильской Империи
(1822 – 1889)*

Воронеж
«Научная книга»
2008

УДК 316 (323.1) / 130.2 (316.7)
ББК 66.1 (66.5) / 83.3
К 436

Рецензенты: доц., к.и.н. Дм. Офицеров-Бельский (Пермский государственный университет), преп., к.и.н. И.В. Форет (Воронежский государственный университет).

К 436 Кирчанов М.В. *Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889)* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, «Научная книга», 2008. – 155 с.

ISBN 978-5-98222-364-7

Настоящая книга представляет собой собрание текстов, посвященных проблемам истории Бразильской Империи и исторического воображения и переосмысления Империи в интеллектуальном дискурсе Бразилии, Аргентины, Франции. Автор анализирует проблемы истории Бразилии в контексте имперской истории и исследовательских практик, связанных с изучением национализма. Особое внимание уделено проблемам советского типа исторического воображения в контексте изучения истории Империи. Проанализированы проблемы, связанные с интеллектуальной историей Бразилии периода Империи, функционированием и развитием «высокой культуры», гендерными аспектами бразильской имперской истории.

ISBN 978-5-98222-364-7

УДК 316 (323.1) / 130.2 (316.7)
ББК 66.1 (66.5) / 83.3
К 436

© М.В. Кирчанов, 2008
© Факультет международных отношений, 2008
© Воронежское отделение РАИИМ, 2008
© НО ФМО ВГУ, 2008
© Научная книга, 2008
© <http://ejournals.pp.net.ua> 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарность / Agradecimentos / Acknowledgments	5
--	---

Введение	6
----------	---

Часть 1

Империя: теория

1) Имперская история и история Бразильской Империи как исследовательские проблемы	11
2) Бразильская Империя: теоретические проблемы функционирования	18
3) Империя без империализма: социо-культурный империализм «высокой культуры» vs (не)имперская политика имперского государства	22
4) Império do Brasil: история возникновения, развития и упадка Бразильской Империи	26

Часть 2

Империя: воображение, памяти, образы

1) Империя позитивного действия: проблемы истории империи в интеллектуальном дискурсе Бразилии 1930-х годов	31
2) «У бразильцев действительно есть родина»: поздняя империя во французском интеллектуальном дискурсе 1880-х годов	38
3) Воображая Бразильскую Империю: Бразильская Империя в восприятии аргентинского интеллектуала второй половины 1950-х годов	47
4) Империя литературная и интеллектуальная: к проблеме формирования альтернативного восприятия Бразильской Империи в поздней советской латиноамериканистике	53
5) Деимпериализация истории Бразильской Империи: Бразильская Империя в позднем советском дискурсе	59

Часть 3

Империя: дискурсы социального и национального

1) Escravos и de ganhos: антиимперский протест в Байе на раннем этапе существования Бразильской Империи	64
2) Сепаратисты, наемники, sarambagem, farrapos, balaiada, praeira и другие: политический и социальный протест в Бразильской Империи	71
3) Teuto-brasileiro, ítalo-brasileiro, luso-brasileiro, ucraniano-brasileiro: европейские сообщества в Бразильской Империи (идентичность, интеграция, ассимиляция)	79
4) Presença inglesa и influência britânica: английские мотивы в формировании идентичности и «высокой культуры» Бразильской Империи	87

Часть 4

Империя: детство, гендер, идентичность

1) <i>Império infantil</i> : дискурс детства в контексте «высокой культуры» в Бразильской Империи	94
2) Linda Marcela: феминность, мускулинность и культурно-социальный империализм в Бразильской Империи	100
3) Феминность в тени доминирующей мускулинности: женские образы в бразильской литературе эпохи Империи (на примере малой прозы Машаду дэ Ассиза)	107
4) Португальские (галисийские) эмигранты, негры, женщины, гомосексуалисты и буржуа: социальные роли и социо-культурный империализм в поздней Бразильской Империи	113
5) Гендер и секс, раса и принуждение: «A Carne» Жулиу Рибейру как участок социальной памяти в поздней Бразильской Империи	122
 Заключение	 135
 Библиография	 140
 Сокращения	 154

БЛАГОДАРНОСТЬ / AGRADECIMENTOS / ACKNOWLEDGMENTS

Автор благодарен нескольким коллегам, без которых эта книга могла быть не написанной вовсе или выглядела бы совершенно иначе.

Я хочу поблагодарить: профессора, доктора политических наук, заведующего кафедрой международных отношений и регионоведения А.А. Слинько, который смог показать мне потенциал изучения Латинской Америки, доктора исторических наук А.А. Сизоненко (ИЛА РАН), беседы с которым в период его пребывания в Воронеже позволили по-новому взглянуть на некоторые проблемы, связанные с историей Бразилии; профессора, доктора политических наук Б.Ф. Мартынова (ИЛА РАН, МГИМО/У/МИД РФ), лекции которого на факультете международных отношений ВГУ способствовали возникновению у автора интереса к Бразилии.

Мои представления о феномене национализма и возможных путях его изучения значительно расширились благодаря советам со стороны нескольких людей, которых следует упомянуть отдельно: Михаил Долбилов (Европейский Университет / СПбГУ), Сергей Екельчик (Университет Виктории, Канада), Игорь Кашу (Институт Истории, Республика Молдова), Игорь Крючков (Ставропольское отделение Российского общества интеллектуальной истории / Ставропольский государственный университет), Игорь Мартынюк (журнал «Ab Imperio», Казань), Дмитрий Офицеров-Бельский (Пермский государственный университет), Андрей Портнов (журнал «Україна Модерна», Киев).

Я так же хочу поблагодарить моих коллег из Европы и двух Америк: João Marcelo (Fundação Getulio Vargas, Rio de Janeiro), Don H. Doyle (University of South Carolina), Matias Spektor (Brazil), Tarcisio Botelho (Pontifical Catholic University of Minas Gerais), Roberto Moll (Universidade Federal Fluminense, Niterói, Brazil).

Я не могу не выразить благодарность сотрудникам Зональной Научной Библиотеки ВГУ, особенно – Отдела художественной литературы, Отдела обслуживания историков и международников, Отдела обслуживания гуманитарных факультетов за их помощь в подборе литературы.

Ценные советы и рекомендации многих из тех, кого я упомянул выше, помогли мне по-новому взглянуть на некоторые проблемы связанные с национализмом и идентичностью в Латинской Америке.

ВВЕДЕНИЕ

*Ты топчешь прах империи, смотри...
Байрон*

Сложно определить, когда автор задумался над написанием этой книги. Интерес к Латинской Америке и в частности Бразилии возник у автора в десятом классе гимназии, когда он случайно наткнулся на статью, посвященную истории правых экстремистов в Риу-Гранди-ду-Сул. Из этой прочитанной еще в школьные годы статьи в память врезалась только фамилия одного из лидеров местного немецкого сообщества – Маркс.

Позднее, когда автор уже был студентом исторического факультета Воронежского государственного университета, он прочитал классический советский труд по латиноамериканистике «Национализм в Латинской Америке»¹, который содержал раздел, посвященный и Бразилии. До 2005 года автор предпринимал периодические попытки написать что-то про Бразилию, но все работы, написанные им по этой теме с 2000 по 2005 год так и остались проектами и черновиками.

Реальные условия для активного изучения латиноамериканской (в первую очередь – бразильской) проблематики сложились в 2005 – 2006 годах, что связано с несколькими причинами. К 2005 году автор закончил написание своей кандидатской диссертации, посвященной, правда, не Бразилии, а Латвии. Кроме этого в 2005 году факультет международных отношений посетили сотрудники Института Латинской Америки РАН, в том числе и Б.Ф. Мартынов. Непродолжительное общение с доктором Б.Ф. Мартыновым утвердило автора в мысли о том, что в дальнейшем следует активизировать занятие бразильскими исследованиями.

В 2005 году после смерти профессора В.А. Артемова кафедру международных отношений и регионоведения возглавил профессор, доктор политических наук А.А. Слинько – крупнейший российский специалист по перуанскому апризму и человек компетентный в широком круге проблем, связанных с Латинской Америкой. В мае 2006 года автор защитил диссертацию, посвященную латышскому национальному возрождению, уже понимая, что в дальнейшем ему предстоит заниматься проблемами далекими от Балтии и связанными с Латинской Америкой. Тогда же, в мае 2006 года, автором была написана и первая статья, посвященная модернизационной

¹ Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения / ред. А.Ф. Шульговский. – М., 1976.

политике в Бразилии в период существования в стране авторитарного политического режима Жетулиу Варгаса².

Параллельно, примерно в то же время, весной 2006 года, автор начинает изучать и португальский язык в виду того, что изучение Бразилии, страны со столь ярко выраженной национальной, культурной и политической спецификой, невозможно без знания португальского языка.

Кроме этого некоторые другие причины этического характера, связанные не с автором, а с проблемами профессиональной этики некоторых коллег в рамках научного сообщества на факультете международных отношений ВГУ, побудили его отказаться от продолжения активного изучения региона Центральной и Восточной Европы.

На протяжении 2006 и 2007 года автор не только активно изучал португальский язык, но и читал литературу, посвященную региону Латинской Америки. В результате сложилось убеждение, что изучение Южной Америки таит не меньше научных и исследовательских перспектив, чем изучение Восточной Европы. Итак, в 2006 году автор написал свою первую статью, посвященную проблемам политической модернизации в Бразилии. Кроме этого, в 2006 и 2007 году автор написал еще несколько статей по бразильской проблематике, связанных с проблемами регионализации³, интеллектуальной историей Бразилии⁴, маргинализацией левых радикалов⁵.

Примерно в то же время возникает идея написания исследования, связанного с проблемами развития национализма и идентичности, функционированием национальных и националистических движений в Латинской Америке. Реальные условия для написания этой задуманной в 2006 году книги про национализм возникли зимой 2008 года. В течение февраля 2008 года, используя некоторые наброски и черновики 2006 – 2007 годов, автор

² См.: Кирчанов М.В. Модернизационные процессы в истории Бразилии в 1930 – 1945 годах / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова / под. ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2006. – С. 11 – 19.

³ Кирчанов М.В. Дискурсы бразильской регионализации в контексте политической модернизации / М.В. Кирчанов // Геополитика глобализирующегося мира. Материалы международной научной конференции / ред. А.А. Слинько, С.И. Дмитриева. – Воронеж, 2007. – С. 60 – 75.

⁴ Кирчанов М.В. Проблемы консервативной революции в контексте интеллектуальной истории бразильской модернизации 1920 – 1940-х годов / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, М.В. Кирчанов. – М. – Воронеж, 2007. – С. 25 – 37.

⁵ См.: Кирчанов М.В. Проблемы маргинализации левых радикалов в контексте модернизационных процессов в Бразилии (1930 – первая половина 1960-х годов) / М.В. Кирчанов // Проблемы политического экстремизма и терроризма: история и современность. Материалы научного семинара / ред. А.А. Слинько, В.Н. Морозова. – Воронеж, 2007. – С. 19 – 30.

написал книгу «*Ordem e progresso*: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке»⁶.

В состав книги вошли разделы, связанные не только с Бразилией, но и Чили, а так же теоретическими проблемами изучения национализма в странах Латинской Америки. Но в книге 2008 года совершенно четко просматривается бразильское ядро: из тринадцати тематических разделов десять посвящены бразильской проблематике. Из этих разделов в большинстве речь идет о проблемах национализма и идентичности в Республике, и лишь три раздела связаны с проблемами истории Бразильской Империи. Вместе с тем, на обложку книги 2008 года среди прочих автор поместил портрет и второго бразильского императора Педру II.

После написания и издания книги автору стало очевидно, что разделы, посвященные Империи, нуждаются в существенной переработке и в перспективе могут стать основой монографии, посвященной исключительно Империи. К написанию этой книги автор приступил в июле 2008 года, закончив к августу работу над текстом.

Настоящая книга не является продолжением «*Ordem e progresso*». Она, по мнению автора, должна ей, скорее, предшествовать в виду того, что большинство сюжетов, проанализированных в «*Ordem e progresso*» относятся к более позднему времени, чем проблемы, о которых речь пойдет ниже. Более того, автор отказался от идеи включения в состав настоящей книги некоторых переработанных и радикально переписанных разделов из «*Ordem e progresso*», полагая их самодостаточными, а эту книгу – отдельным исследованием, связанным с «*Ordem e progresso*» только тематически и методологически.

Следует отметить и то, что во время работы над этими монографиями оказался востребован опыт, приобретенный автором в период работы над кандидатской диссертацией, написанием статей, посвященных Латвии⁷, а так же другим проблемам, связанных с историей Большой Восточной Европы⁸. Автор полагает, что методы, используемые при изучении национа-

⁶ Кирчанов М.В. *Ordem e progresso*: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008.

⁷ См. например: Кирчанов М.В. Образ немцев в восприятии правых латышских интеллектуалов в межвоенный период / М.В. Кирчанов // Новейшая история Германии. Труды молодых ученых и исследовательские центры / сост. Б. Бонвеч, Б. Орлов, А. Синдеев. – М., 2007. – С. 92 – 101.

⁸ См. например: Кирчанов М.В. К проблеме переосмысления политического насилия в творчестве Освальда Бургхардта (Юрия Клэна) / М.В. Кирчанов // Политическое насилие в исторической памяти Германии и России. Сборник научных статей. – Кемерово, 2007. – С. 329 – 332; Кирчанов М.В. Песенная культура и национализм в Хорватии и Украине: параллели и особенности (первая половина XX века) / М.В. Кирчанов // Вопросы истории славян. Сборник научных трудов / ред. Н.П. Мананчикова. – Воронеж, 2007. – Вып. 18. – С. 236 – 247.

лизм в Восточной Европе, Украине⁹ или, например, Македонии¹⁰, вполне применимы для изучения национализма в Латинской Америке, в том числе – и в Бразилии. Несмотря на то, что географически Латинская Америка очень далека от Восточной Европы, изучением которой автор занимался ранее, реализация задач, связанных с изучением Бразильской Империи, не потребовала коренной и радикальной ломки прежней методологии.

Проблема состоит в этой ситуации в другом: наличие значительного числа публикаций, посвященных империям в Европе (в том числе, и работ автора¹¹), искушала меня брать и использовать готовые формулы и термины и, поэтому, иногда не поддаваться искушению было весьма сложно. Изучая национализм в Бразилии и / или Украине (Македонии, Латвии, Литве...), мы имеем дело, как правило, с отражением процессов модернизации и трансформации традиционных сообществ и формирования современной нации, отраженных в официальных документах, литературных текстах или мемуарах.

Кроме этого, мы используем в значительной степени аналогичные по структуре, содержанию и воздействию на общества источники – тексты интеллектуалов, носителей «высокой культуры», которые составляли основу национального / националистического движения, создавая нацию и

⁹ См.: Кирчанов М.В. Литовский роман-путешествие начала 1980-х годов («Поездка в горы и обратно» – колониальный роман?) / М.В. Кирчанов // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 27 – 29 апреля 2007 г.). – Ставрополь – Пятигорск – М., 2007. – С. 122 – 128.

¹⁰ См.: Кирчанов М.В. Национальная парадигма и язык написания истории (болгаризируя историю Македонии) / М.В. Кирчанов // Отечественная и зарубежная история: проблемы, мнения, подходы (Ученые записки кафедры отечественной и зарубежной истории). – Пятигорск, 2006. – Вып. 6. – С. 273 – 287.

¹¹ Речь идет о статьях, посвященных латышскому национализму в Российской Империи. См.: Кирчанов М.В. Основные идеологические концепции латышского национального движения в России (1860 – 1870-е гг.) / М.В. Кирчанов // Запад-Россия-Кавказ. Межвузовский научно-теоретический альманах. – Ставрополь – Москва, 2003. – Вып. 2. – С. 35 – 51; Кирчанов М.В. «Немец» и «немцы», «латыш» и «латыши» в Латвии во второй половине XIX - начале XX века: между реальностью и идеологией латышского и немецкого национализма / М.В. Кирчанов // Балтийские исследования. – Калининград, 2004. – Вып. 2 (Национальные и религиозные меньшинства в Балтийском регионе). – С. 11 – 18; Кирчанов М.В. Проблемы ранней истории латышского национального движения / М.В. Кирчанов // Новик. – Воронеж, 2004. – Вып. 9. – С. 127 – 134; Кирчанов М.В. Латышско-германские контакты и их роль в зарождении латышского национального движения / М.В. Кирчанов // Запад-Россия-Кавказ. Межвузовский научно-теоретический альманах. – Ставрополь, 2005. – Вып. 3. – С. 47 – 61; Кирчанов М.В. Интеллектуальный климат в Латвии в середине XIX века: два дискурса латышского национального движения / М.В. Кирчанов // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2005. – Вып. 8 (Материалы международной научной конференции «Факт-событие» в различных дискурсах. Пятигорск, 26 – 27 марта 2005 г.) – С. 153 – 167 и др.

формируя ее идентичность. В книге 2008 года «Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке» автор проводил некоторые параллели с развитием национализма в Восточной Европе. Не является исключением и настоящая книга. Несмотря на географическую отдаленность и кажущуюся непохожесть Бразильская Империя имела немало общего с европейскими континентальными империями.

Вероятно, следует остановиться и на названии этой книги – «Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889)». Название для российского научного дискурса выглядит несколько нетрадиционно и необычно. И хотя эта книга в некоторой степени историческая, она не содержит целостной картины истории Бразильской Империи. Поэтому, я намеренно отказался от использования самого слова «история» в названии. С другой стороны, в нем фигурирует своеобразная триада – «Império» (Империя), «Estado» (Государство), «Nação» (Нация) – проблемы, которые вызывали и стимулировали живейшие дискуссии интеллектуалов в Бразильской Империи, ибо на их глазах шли процессы строительства государства, формирования нации и развития идентичности. Вероятно, название может показаться и громоздким, но автору кажется, что оно в наилучшей степени отражает содержание последующих разделов и всей книги в целом.

Завершая это Введение, автор считает своим долгом поблагодарить рецензентов книги – доцента Дмитрия Офицера-Бельского (Пермь) и мою коллегу, преподавательницу кафедры международных отношений и регионоведения – Ирину Форет.

ЧАСТЬ 1

ИМПЕРИЯ: ТЕОРИЯ

ИМПЕРСКАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ БРАЗИЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Имперская история или история империй является междисциплинарной сферой гуманитарного знания. В рамках изучения истории империй могут использоваться методы и исследовательские практики из традиционной (политической) и интеллектуальной истории (истории идей), гендерных, культурных, региональных исследований. Имперские исследования самым тесным образом связаны с изучением национализма – анализом проблем истории националистических движений, национальных идентичностей, антиимперского протеста, трансформации традиционных крестьянских обществ в современные национальные государства¹². Таким образом, история империй – это не только политическая и культурная история имперского типа государства, но и история постепенного кризиса и упадка империй, формирования на их руинах национальных государств.

Современная российская традиция изучения империй начала формироваться относительно недавно. Определенные достижения в этой области гуманитарного знания связаны с изданием журнала «Ab Imperio» (с 2000 года)¹³, публикациями коллективных монографий¹⁴, исследованиями А.

¹² Настоящий и последующие разделы, касающиеся теоретических проблем, связанных с изучением империй, не претендуют на всеохватывающий характер. Их появление в исследовании вызвано исключительно тем, что исследовательские практики, которые ассоциируются с изучением национализма и имперской истории, почти не применяются в России в рамках анализа латиноамериканских сюжетов и, поэтому, неизвестны исследовательскому сообществу латиноамериканистов.

В теоретическом плане об имперских исследованиях см.: Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования / А.И. Миллер. – М., 2006; Чубарьян А. Тема империй в современной историографии / А. Чубарьян // Российская Империя в сравнительной перспективе / ред. А.И. Миллер. – М., 2004. – С. 10 – 14.

¹³ Журнал, выходящий четыре раза в год и активно популяризирующий европейские и американские методы подготовки научных печатных изданий (в частности – анонимное рецензирование), является крупнейшим российским проектом, посвященным изучению национализма, империй, идентичностей, исторической памяти и формирующий особую исследовательскую культуру и идентичность. О журнале см.: Что такое «новая имперская империя», откуда она взялась и к чему она идет? // Логос. – 2007. – № 1. – С. 218 – 238.

¹⁴ Первым сборником стала публикация, инициированная группой российских и американских исследователей, в основе которой лежали материалы совместных семинаров,

Миллера (посвященными проблемами имперских исследований в контексте изучения Российской Империи и Империи Габсбургов, украинского национального движения и трансформации крестьянских идентичностей в модерновые на территории Центральной и Восточной Европы¹⁵), М.Д. Долбилова (в центре которых различные аспекты, связанные с имперской политикой в Российской Империи, направленной на подавление протеста национальной периферии и ее удержание в составе Империи¹⁶), А.В. Ремнева (связанные с изучением проблем развития Российской Империи в региональной перспективе – на примере формирования имперских идентичностей и антиимперских проектов на территории Сибири¹⁷) и некоторых

проводившихся с 1993 года. Публикация 1997 года предвосхищает интерес российского исследовательского сообщества к имперской истории – три года спустя вышел первый номер журнала «Ab Imperio», специализирующегося на имперской проблематике. См.: Казань, Москва, Петербург. Российская Империя взглядом из разных углов / ред. Б. Гаспаров, Е. Евтухова, А. Осповат, М. фон Хаген. – М., 1997. За изданием 1997 года последовали и другие публикации. См.: Российская Империя в сравнительной перспективе / ред. А.И. Миллер. – М., 2004; Новая имперская история постсоветского пространства / ред. И.В. Герасимов и др. – Казань, 2004; Западные окраины Российской Империи / ред. М. Долбилов, А. Миллер. – М., 2006.

Эта и последующая сноски не претендуют на всеобъемлющий и универсальный характер. Число публикаций, посвященных Империям и национализму, значительно и продолжает расти. Автор составлял сноски, руководствуясь собственными исследовательскими интересами.

¹⁵ Миллер А.И. Украинские крестьяне, польские помещики, австрийский и русский император в Галиции 1872 года / А.И. Миллер // Центральная Европа в новое и новейшее время / ред. А.С. Стыкалин. – М., 1998. – С. 175 – 180; Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении / А.И. Миллер. – М., 2000; Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования / А.И. Миллер. – М., 2006.

¹⁶ Долбилов М.Д. Конструирование образа мятежа. Политика М.Н. Муравьева в Львовско-Белорусском крае в 1863 – 1865 гг. как объект историко-антропологического анализа / М.Д. Долбилов // Actio Nova. – М., 2000. – С. 338 – 409; Долбилов М.Д. Культурная идиома возрождения Россия как фактор имперской политики в Северо-Западном Крае в 1863 – 1865 гг. / М.Д. Долбилов // Ab Imperio. – 2001. – № 1 – 2. – С. 227 – 268; Долбилов М.Д. Превратности кириллизации. Запрет латиницы и бюрократическая русификация литовцев в Виленском генерал-губернаторстве в 1864 – 1882 гг. / М.Д. Долбилов // Ab Imperio. – 2005. – № 2. – С. 255 – 296.

¹⁷ Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества / А.В. Ремнев // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. – СПб., 1997. – С. 142 – 156; Ремнев А.В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант / А.В. Ремнев // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – М., 2001. – С. 317 – 344; Ремнев А.В. У истоков российской имперской геополитики: азиатские «пограничные пространства» в исследованиях М.И. Венюкова / А.В. Ремнев // Исторические записки. – 2001. – Т. 4 (122). – С. 344 – 369. О работах А.В. Ремнева см.: Миллер А. История Российской Империи в поисках масштаба и парадигмы / А. Миллер // Миллер А. Империя Романовых и национализм. – С. 24 – 25.

других. Кроме этого позитивно на отечественный исследовательский дискурс в качестве стимулирующего фактора влияют переводы, как отдельных статей¹⁸, так и исследований¹⁹. Примечательно и то, что работы отечественных авторов, посвященные империям и национализму, вполне интегрируются в западный дискурс, о чем, в частности, свидетельствуют их англоязычные переводы и версии²⁰.

Отличительная особенность современной российской имперской истории – сфокусированность почти исключительно на сюжетах, связанных с историей Российской Империи, Центральной и Восточной Европы, национальными движениями, антиимперским протестом. В ряде случаев в сферу интересов российских исследователей – проблемы, связанные с другими европейскими Империями – Австро-Венгерской или Османской – историческими противниками и конкурентами Российской Империи²¹.

Современные российские исследования национализма развиваются в условиях доминирования евроцентризма при использовании методологии, предложенной, в частности, Б. Андерсоном и Э. Геллнером. В этой ситуации примечательно то, что европейские сюжеты не всегда доминировали в исследованиях этих двух классиков, занимающихся анализом Юго-Восточной Азии и исламского мира. Например, Б. Андерсон полагал, что изучение национализма (в том числе – и в имперском измерении) может ока-

¹⁸ См. например: Беккер С. Россия и концепт империи / С. Беккер // Новая имперская история постсоветского пространства / ред. И.В. Герасимов и др. – Казань, 2004. – С. 67 – 80; Викс Т. Мы или они? Белорусы и официальная Россия, 1863 – 1914 / Т. Викс // Российская Империя в зарубежной историографии / сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. – М., 2005. – С. 589 – 609; Ливен Д. Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада / Д. Ливен // Российская Империя в сравнительной перспективе / ред. А.И. Миллер. – М., 2004. – С. 71 – 93; Рибер А. Сравнивая континентальные империи / А. Рибер // Российская Империя в сравнительной перспективе / ред. А.И. Миллер. – М., 2004. – С. 33 – 70.

¹⁹ См.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации и сознания эпохи Просвещения / Л. Вульф. – М., 2003; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад / А. Каппелер. – М., 2000; Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств / А. Мотыль. – М., 2004; Российская Империя в зарубежной историографии / сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. – М., 2005.

²⁰ См. например: Dolbilov M. The Political Mythology of Autocracy: Scenarios of Power and the Role of Autocrat / M. Dolbilov // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. – 2001, - Vol. 2. – No 4. – P. 773 – 795; Dolbilov M. Russification and Bureaucratic Mind in the Russian Empire's Northwestern Region in the 1860s / M. Dolbilov // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. – 2004. – Vol. 5. – No 2. – P. 245 – 271; Miller A. Shaping Russian and Ukrainian Identities in the Russian Empire during the 19th century: Some Methodological Remarks / A. Miller // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 2001. – Bd. 49. – H. 4. – S. 257 – 263.

²¹ Миллер А.И. Внешний фактор и формирование национальной идентичности Галицких русинов / А.И. Миллер // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / ред. О. Хаванова. – М., 1997. – С. 68 – 75.

заться продуктивным и для изучения националистического дискурса в Новом Свете²². Неевропейские сюжеты крайне редко оказываются в сфере внимания отечественных исследователей²³. Но и в тех случаях, когда речь идет об истории неевропейских неконтинентальных империй большинство исследований выполнено в русле традиционной политической истории, а исследовательский инструментарий «имперской истории» почти не используется.

На фоне исследований, посвященных европейским империям, крайне мало работ, которые затрагивают проблемы истории другой империи, которая существовала одновременно с Российской, Австро-Венгерской, Османской и исчезла с политической карты всего лишь за два с лишним десятилетия до краха европейских имперских государств. Речь идет о Бразильской Империи. С другой стороны, само бразилиоведение по числу публикаций явно уступает латиноамериканским исследованиям, которые касаются истории других стран Южной Америки.

В рамках советской латиноамериканистики, в значительной степени интегрированной в советский идеологический канон, изучение истории Бразильской Империи было весьма проблематично. Появлявшиеся исследования и / или разделы в коллективных изданиях не могли восполнить существовавший исследовательский пробел. Такая ситуация была вызвана причинами идеологического характера. Как подчеркивают редакторы коллективной монографии «Новая имперская история постсоветского пространства», совсем недавно сам термин «империя» использовался для дискредитации того или иного политического режима²⁴. В рамках советской модели гуманитарного знания Бразильская Империя представала как историческое недоразумение и как государство идеологически чуждое революционным традициям Латинской Америки. В советском латиноамериканистском дискурсе само словосочетание «Бразильская Империя» едва не стало синонимом и символом отсталости и реакционности.

Вероятно, уместно упомянуть предположение американского историка А. Рибера, который указывает на то, что «империя остается все еще недостаточно исследованной областью знания в сопоставлении с ее историческим и концептуальным соперником – национальным государством»²⁵. В бразильской перспективе российской латиноамериканистики им-

²² “We study Empires as we do dinosaurs”: Nations, Nationalism, and Empire in critical perspective. Interview with Benedict Anderson // *Ab Imperio*. – 2003. – No 3. – P. 69.

²³ Никитин М.Д. Черная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций / М.Д. Никитин. – Саратов, 2005.

²⁴ Новая имперская история постсоветского пространства / ред. И.В. Герасимов и др. – Казань, 2004. – С. 9. См. так же: К новой политической истории империи // *Ab Imperio*. – 2002. – No 2. – С. 9 – 13.

²⁵ Рибер А. Сравнивая континентальные империи / А. Рибер // Российская Империя в сравнительной перспективе / ред. А.И. Миллер. – М., 2004. – С. 33. См. так же: Рибер

перский период явно проигрывает в количественном отношении тем исследованиям, которые посвящены проблемам республиканской истории Бразилии.

Кроме этого российская латиноамериканистика является сферой достаточно закрытой и изолированной от других областей современного гуманитарного знания в России²⁶. Поэтому, использование новых исследовательских практик, а так же исследований, созданных американскими исследователями, в среде российских латиноамериканистов не приветствуется.

Но ситуация в российском латиноамериканистском дискурсе постепенно начинает меняться, появляются оригинальные, но немногочисленные, исследования²⁷, где заметны попытки отхода и отказа от догматических толкований истории Латинской Америки и политических процессов в латиноамериканских странах, но новые исследовательские методы в рамках современной латиноамериканистики почти не применяются.

Вероятно, если автор продолжал бы заниматься восточноевропейскими сюжетами, что он и делал до 2006 года, и писал книгу про Восточную и Центральную Европу, то не имело бы смысла включать в нее разделы теоретического характера, так как теории, связанные с изучением национализма и империй успешно применяются при анализе восточноевропейской проблематики, став частью особой исследовательской культуры.

В виду того, что книга сфокусирована на латиноамериканской (а именно – бразильской) тематике, то автор полагает необходимым сопроводить книгу теоретическими разделами, посвященными имперским исследованиям. Аналогичным образом автор поступил и в своей книге, посвященной национализму в Южной Америке, которая вышла в 2008 году. Автор отдает себе отчет, что не в его силах «приучить» отечественное исследовательское сообщество латиноамериканистов к восприятию без своеобразной методологической истерии, направленной против ссылок и цитат на исследования на русском, английском и других европейских языках, сфокусированных на проблемах империй и национализма в исследованиях латиноамериканистского характера.

А. Изучая империи / А. Рибер // Исторические записки. – 2003. – Т. 6 (124). – С. 86 – 131.

²⁶ Автор уже писал об этой проблеме. См.: Кирчанов М.В. Российская латиноамериканистика между традициями норматива и вызовами дискурса / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 (в печати).

²⁷ См. подробнее: Коваль Б.И. Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса / Б.И. Коваль. – М., 2005; Мартынов Б.Ф. «Золотой канцлер». Барон де Рио-Бранко – великий дипломат Латинской Америки / Б.Ф. Мартынов. – М., 2004; Слинько А.А. Переход к демократии в условиях террористической войны и политической нестабильности (политические процессы в Перу) / А.А. Слинько. – Воронеж, 2005.

С другой стороны, не лишним будет упомянуть то, что сами бразильские авторы, занимающиеся изучением национализма, идентичности и Империи, не видят ничего предосудительного в том, чтобы активно использовать достижения американских и европейских исследователей, посвященные национализму и сфокусированные, например, на Восточной Европе. Бразильский гуманитарный дискурс, связанный с изучением национализма успешно функционирует, интегрируя тот исследовательский инструментарий, который впервые был предложен в исследованиях европейских и американских авторов, которые доступны в португальских переводах.

В распоряжении бразильских исследователей национализма работы Б. Андерсона (посвященные проблемам национального / националистического воображения и воображаемых / воображенных сообществ²⁸), Ж. Баумана (затрагивающие проблемы, связанные с развитием идентичности²⁹), Дж. Брейли (сфокусированные на теоретических проблемах изучения национализма³⁰), а так же – Э. Хобсбаума³¹, Э. Смита³², Э. Геллнера³³, Г. Балакришана³⁴. По числу, качеству и направленности переводов с английского языка бразильское национализмовеждение явно превосходит русскоязычные достижения в этой сфере. Исследования бразильских коллег, посвященные проблемам интеллектуальной рефлексии³⁵, национализма, на-

²⁸ Anderson B. *Nação e consciência nacional* / B. Anderson. – São Paulo, 1989; Anderson B. *Comunidades imaginadas, reflexões sobre a origem e a expansão do nacionalismo* / B. Anderson. – Lisboa, 2005; Anderson B. *Problemas dos nacionalismos contemporâneos* / B. Anderson // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 16 – 26; Benedict Anderson: um inquitto observador de estrelas // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 9 – 15.

²⁹ Bauman Z. *Identidade* / Z. Bauman. – Rio de Janeiro, 2005.

³⁰ Entrevista: John Breuilly // TMRON. – 2006. – Vol. 2. – No 1. P. 12 – 47.

³¹ Hobsbawm E. *Nações e nacionalismo desde 1780* / E. Hobsbawm. – Rio de Janeiro, 1990 (2002); Hobsbawm E. *Nações e nacionalismo: programa, mito e realidade* / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1991; Hobsbawm E. *Era dos extremos: o breve século XX: 1914 – 1991* / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1995; Hobsbawm E., Ranger T. *A Invenção das tradições* / E. Hobsbawm, T. Ranger. – Rio de Janeiro, 1984.

³² Smith A. *A identidade nacional* / A. Smith. – Lisboa, 1997; Smith A. *O nacionalismo e os historiadores* / A. Smith // *Um mapa da questão nacional* / ed G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000; Gellner E. *O advento do nacionalismo e sua interpretação: os mitos da nação e da classe* / E. Gellner // *Um mapa questão nacional* / ed. G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000.

³³ Gellner E. *Nacionalismo e democracia* / E. Gellner. – Brasília, 1981.

³⁴ Balakrishan G. *A imaginação nacional* / G. Balakrishan // *Um mapa da questão nacional* / ed G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000.

³⁵ Amaral A. *Relações perigosas o imaginário freyriano no discurso governamental* / A. Amaral // TSRS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 163 – 186; Araujo R.B. *Guerra e Paz: Casa-Grande e Senzala e a obra Gilberto Freyre nos anos 30* / R.B. Araujo. – São Paulo, 1994; Bastos E.R. *Gilberto Freyre e a Questão Nacional* / E.R. Bastos // *Inteligência Brasileira* / ed. R. Moreas, R. Ferrante. – São Paulo, 1986; Gilberto Freyre e os estudos latino-americanos. – Pittsburgh, 2005; Luiz de Souza R. *Nacionalismo e autoritarismo em Alberto Torres* / R. Luiz

ционалистических движений и идентичностей³⁶, в том числе – и в Бразильской Империи³⁷, выглядят вполне уникально и оригинально, несмотря на то, что методологически интегрированы в западный исследовательский дискурс. С другой стороны, первые бразильские работы, связанные с национализмом (в том числе – и в Бразильской Империи), возникли не как рефлексия относительно западных достижений десяти-двадцатитридцатилетней давности, а появлялись одновременно с развитием и ростом исследований национализма в США и Европе³⁸.

Относительно российской латиноамериканистики автор вынужден констатировать, что исследований о национализме, которые содержали попытки применения западных исследовательских практик в контексте бразильской истории почти нет. Поэтому, первые разделы настоящей книги сфокусированы на теоретических аспектах изучений империй и имперского типа государственности в контексте перспектив использования достижений своеобразного имперского дискурса для изучения Бразильской Империи.

de Souza. – Sociologias. – 2005. – Vol. 7. – No 13. – P. 302 – 323; Luiz de Souza R. Método, raça e identidade nacional em Sílvia Romero / R. Luiz de Souza // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 9 – 30.

³⁶ Lopes M.A. A história do pensamento político dos Grands Doctinaires à história social de a idéias / M.A. Lopes // TSRS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 113 – 127; Santos A.C. A invenção do Brasil / A.C. Santos // RH. – 1985. – No 118. – P. 3 – 12; Oliveira L.L. A questão nacional na Primeira República / L.L. Oliveira. – São Paulo, 1990; Cardoso de Oliveira R. Identidade, Etnia e Estrutura Social / R. Cardoso de Oliveira. – São Paulo, 1976; De Luca T.R. A Revista do Brasil: um diagnóstico para a (N)ação / T.R. De Luca. – São Paulo, 1999; Domingos M., Martins M.D. Significados do nacionalismo e do internacionalismo / M. Domingos, M.D. Martins // TMRON. – 2006. – Vol. 2. – No 1. – P. 80 – 111; Reis J.C. As itentidades do Brasil / J.C. Reis. – Rio de Janeiro, 1999.

³⁷ Botelho T.R. Censos e construção nacional no Brasil Imperial / T.R. Botelho // TSRS. – Vol. 17. – No 1. – P. 321 – 341; Botelho T.R. População e nação no Brasil do século XIX / T.R. Botelho. – São Paulo, 1998; Ferreira T.M. Palácios de destinos cruzados: bibliotecas, homens, livros no Rio de Janeiro, 1870 – 1920 / T.M. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1999; Gauer R.M. A contrução do Estado-nação no Brasil / R.M. Gauer. – Curitiba, 2000; Langer J. A Cidade Perdida da Bahia: mito e arqueologia no Brasil Império / J. Langer // Revista Brasileira de História. – 2002. – Vol. 22. – No 43. – P. 127 – 152; Nunes Fr.A. Modernidade, Agricultura e Migração Nordestina: Os discursos e a atuação governamental no Pará do Século XIX / Fr.A. Nunes // Revista Eletrônica Cadernos de História. – 2007. – No 1 (<http://www.ichs.ufop.br/cadernosdehistoria>); Pessanha Mary C. A geografia no Brasil nos últimos anos do Império / C. Pessanha Mary // Revista da SBHC. – 2005. – Vol. 3. – No 2. – P. 156 – 171.

³⁸ Guimarães M.L. Nação e civilização nos tropicos / M.L. Guimarães // EH. – 1988. – Vol. 1. – P. 5 – 27; Marson A. A ideologia nacionalista de Alberto Torres / A. Marson. – São Paulo, 1979; Sússekkind F., Ventura R. História e dependência: cultura e sociedade em Manoel Bomfim / F. Sússekkind, R. Ventura. – Rio de Janeiro, 1981; Tavares J.N. Autoritarismo e dependência: Oliveira Vianna e Alberto Torres / J.N. Tavares. – Rio de Janeiro, 1979; Vieira E. Autoritarismo e corporativismo no Brasil / E. Vieira. – São Paulo, 1981.

БРАЗИЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Одна из центральных проблем в имперской истории – проблема определения империи, которая актуальна и в бразильском случае по причине значительной специфики Бразильской Империи от современных ей европейских империй. Вероятно, империя – это не просто особая политическая система и политическое устройство, отличное от ее оппонента и наследника – национального государства – но нечто более сложное³⁹.

Единой и общепризнанной в исследовательском сообществе, даже среди специалистов по имперским исследованиям, дефиниции самого слова «империя» не существует⁴⁰. Большинство авторов, которые занимаются изучением империй, полагают, что империя или имперский тип государства / государственности должен обладать несколькими характеристиками, которые, в свою очередь, сближают ее с другими империями, одновременно отличая от республик – национальных или активно национализирующихся государств.

Суммируя дискуссии, мы можем констатировать, что под империей нередко понимается «государственное устройство, при котором одна этническая группа устанавливает контроль над другими этническими группами в границах определенной территории»⁴¹. В какой степени эта дефиниция описывает Бразильскую Империю. Если в качестве других и чуждых этнических групп принять негров и индейцев, то Бразильская Империя бесспорно является империей.

С другой стороны, возникает проблема, которая сводится к следующему: осознавали ли себя правящие элиты в Бразильской Империи как доминирующих над этническими чуждыми сообществами. Вероятно, однозначно утвердительно на этот вопрос нельзя ответить в виду того, что имперское доминирование нередко носило не этнический характер, а имело выраженный социальный (или даже – классовый) бэк-граунд.

³⁹ О теоретических проблемах имперских исследований см. например: Taagepera R. Expansion and Contraction Patterns of Large Politics / R. Taagepera // *International Studies Quarterly*. – 1997. – Vol. 41. – No. 4. – P. 475 – 504; Taagepera R. Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves, 600 B.C. to 600 A.D. / R. Taagepera // *Social Science History*. – 1979. – Vol. 3. – P. 115 – 138; Taagepera R. Size and Duration of Empires: Systematics and Size / R. Taagepera // *Social Science Research*. – 1978. – Vol. 7. – P. 108 – 127; Taagepera R. Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves / R. Taagepera // *Social Science Research*. – 1978. – Vol. 7. – P. 180 – 196.

⁴⁰ Treadgold W. *A History of Byzantine Empire and Society* / W. Treadgold. – Palo Alto, 1997; Grousset R. *The Empire of Steppes* / R. Grousset. – New Brunswick, 1970; Kann R. *A History of Habsburg Empire, 1526 – 1918* / R. Kann. – Berkley, 1974.

⁴¹ Рибер А. Сравнивая континентальные империи. – С. 34.

Среди исследователей империй достигнут консенсус относительно двух важнейших характеристик, которые позволяют атрибутировать государство как империю. Эти имперские маркеры – многонациональность и политическая централизованность⁴². Но и эти два атрибута применимы не ко всем империям, точнее – они применимы к наиболее архаичным и наименее развитым европейским империям, к которым, вероятно, принадлежала, прежде всего, Российская Империя, отличавшаяся наибольшей национальной неоднородностью и значительной политической централизацией при условии полного отсутствия прав и свобод вплоть до первой русской революции.

Относительно Бразильской Империи может возникнуть вопрос относительно возможности применить к ней эти две характеристики. Что касается многонационального состава, то Бразильская Империя, вероятно, соответствует имперскому типу государственности. Наряду с бразильцами и португальцами на территории Империи существовали и функционировали другие национальные сообщества – немецкие, итальянские, французские...

Одновременно с ними существовала и масса индейских племен, которые в некоторой степени близки к российским инородцам, которых национальное воображение осваивало долго и мучительно. Бразильские интеллектуалы имперского периода выделяли несколько крупных имперских племен, наделяя их атрибутами нации, но это вписывалось в рамки романтического прочтения и создания истории Бразилии в то время, когда степень реальной консолидации индейских сообществ была незначительной.

Эта своеобразная «неполная» многонациональность Бразильской Империи компенсировалась, вероятно, благодаря неграм, на базе которых формировались различные группы и сообщества, хотя не исключено, что эта консолидация стимулировалась не процессами национальной активизации, но за ней стояли социальные факторы. В этой ситуации разнообразие идентичностей среди негров в Империи было социально и, вероятно, культурно детерминировано.

Американский исследователь Александр Мотыль, анализируя теоретические проблемы изучения империй, подчеркивал, что империя – это и такой тип государства, где заметно наличие ядра и периферий⁴³. Дихото-

⁴² См. подробнее: Doyle M. *Empires* / M. Doyle. – Ithaca, 1986; Kupchan Ch. *The Vulnerability of Empire* / Ch. Kupchan. – NY., 1994; Koeber R. *Empires* / R. Koeber. – NY., 1965; Snyder J. *Myths of Empires* / J. Snyder. – NY., 1991.

⁴³ Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств / А. Мотыль. – М., 2004. – С. 8. См. так же: Motyl A. *Imperial Collapse and Revolutionary Change: Austria-Hungary, Tsarist Russia and the Soviet Empire* / A. Motyl // *Die Wiener Jahrhundertwende* / ed. J. Nautz, R. Vahrenkamp. – Vienna, 1993. – P. 813 – 832; Motyl A. *Thinking about Empire* / A. Motyl // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation Building* / eds. K. Barley, M. von Hagen. – Boulder, 1997. – P. 19 – 29; Motyl A. *Revolutions, Nations, Empires: Conceptual Limits and Theoretical Possibilities* / A. Motyl. – NY., 1999;

мия «центр (ядро) / периферия (окраина)» проникла в имперские исследования из работ, посвященных восточно и центральноевропейским национализмам. В европейских империях, например – в Империи Габсбургов, мы можем предположить существование одного центра и нескольких периферий или двух центров, окруженных перифериями⁴⁴.

Эта дихотомия вполне вписывается и в изучение Бразильской Империи. Ядро Империи представляло собой зону наиболее старой португальской колонизации. На момент появления на политической карте мира Бразильской Империи административная карта самой Империи состояла из нескольких провинций. Среди них наиболее заселенными были Байя, Сан-Паулу, Санта-Катарина, Риу-Гранди-ду-Сул, Эспириту-Санту. При этом почти пятьдесят процентов территории Империи составляли три наименее освоенные провинции – Гран-Пара, Гойаз и Мату Гроссу⁴⁵. Для Бразильской Империи роль центра играла имперская столица Рио-де-Жанейро в то время, как в качестве периферий выступали провинции.

Отношения «центр – периферия» в Бразильской Империи не вписываются в некоторые континентальные (в первую очередь – имперские российские) модели отношения центра с регионами. В Бразильской Империи, которая вскоре после обретения независимости обрела и конституцию, статус провинций эволюционировал до широкой автономии, чему способствовали и попытки отделения, например, Риу-Гранди-ду-Сул, имевшие места в период регентства в Империи, длившийся с 1831 по 1840 год.

Вероятно, в этом историческом контексте Бразильская Империя вписывается в определение империи, предложенное А. Мотылем, полагающим, что империя являлась «...иерархически организованной политической системой, которую можно уподобить колесу без обода. Внутри этой системы элита ядра и созданное ею государство доминирует над периферийными элитами и обществами, выступая в роли посредников и управляя ресурсными потоками от периферии к ядру и обратно...»⁴⁶.

Политическая стратегия элит в Бразильской Империи в значительной степени была связана именно с направлением экономических потоков и их управлением. Имперские элиты доминировали до того времени пока интересы двух потоков относительно уравнивались и не пересекались.

Motyl A. Imperial Ends. The Decay, Collapse and Revival of Empires / A. Motyl. – NY., 2001.

⁴⁴ Muldoon J. Empire and the Order. The Concept of Empire, 800 – 1800 / J. Muldoon. – NY., 1999; Empires: Perspectives in Archaeology and History / ed. S.E. Alcock. – Camb., 2001.

⁴⁵ Кирчанов М.В. Дискурсы бразильской регионализации в контексте политической модернизации / М.В. Кирчанов // Геополитика глобализирующегося мира. Материалы международной научной конференции / ред. А.А. Слинько, С.И. Дмитриева. – Воронеж, 2007. – С. 60 – 75.

⁴⁶ Мотыль А. Пути империй. – С. 13.

Первый поток – это ввоз в Империю чернокожих рабов из Африки. Второй поток – вывоз бразильского кофе в Европу и Северную Америку. Второй поток возобладал – именно под него шла модернизация страны и создавалась инфраструктура. Именно он способствовал появлению политически активной национальной и националистически настроенной буржуазии, что в итоге и привело к кризису имперской государственности, отмене рабства и краху империи, на смену которой пришла республика, которая, правда, не внесла значительных корректив в процесс рекрутирования политических элит.

В исследовательской литературе, сфокусированной на проблемах империй, выделяется, как правило, несколько типов имперской государственности. Александр Мотыль, в частности, описывает разорванный, целостный и гибридный тип империй⁴⁷. В центре этой типологии – отношения между центром империи и имперскими перифериями. Разорванная и целостная империя олицетворяют различные управленческие, административные, политические и культурные стратегии центра, которые применялись в отношении периферий, варьируясь от строгого подчинения, подавления и централизации до относительно мирного и гармоничного сосуществования и одновременного функционирования центра и контролируемых им периферий.

Смешанный тип империи, в свою очередь, сочетает характеристики двух вышеописанных типов. В эту классификацию достаточно непросто вписать Бразильскую Империю. На протяжении своего существования имперские элиты пытались реализовать все эти три варианта. В период правления первого бразильского императора имели место попытки построения целостной империи, что привело к росту политической оппозиции и антиимперского протеста. Кроме этого столь радикальные попытки выстраивания имперской политической структуры привели к отречению Педру.

Регентство, вероятно, стало этапом, на котором Бразильская Империя функционировала как разорванная. Существовала политическая неясность путей развития Империи, имперский центр в незначительной степени контролировал провинции, которые не проявляли ни политического, ни экономического желания быть зависимыми от столицы. Правление второго бразильского императора может быть, вероятно, определено как период существования гибридной империи. Центр смирился с особым статусом провинций, которые сочли возможным принять политическое и экономическое доминирование центра, признав тем самым и свой периферийный статус.

⁴⁷ Мотыль А. Пути империй. – С. 39.

ИМПЕРИЯ БЕЗ ИМПЕРИАЛИЗМА: СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРИЛИЗМ «ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ» VS (НЕ)ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРСКОГО ГОСУДАРСТВА

В исследовательском дискурсе с империей нередко связывается и такое понятие как «империализм». Подобно империи империализм так же не имеет единой дефиниции. Немецкий исследователь Йохан Гальтунг⁴⁸, например, полагает, что империализм является системой, которая, с одной стороны, ведет к разделению социальных сообществ, а, с другой, особым образом выстраивает отношения между центром и перифериями. Таким образом, империализм представляет собой систему или совокупность определенных взаимоотношений между субъектами, отношения между которыми могут быть определены в категориях зависимости и подчиненности.

Эти отношения зависимости и подчиненности в различных формах проявлялись на протяжении всего периода существования Бразильской Империи. Вероятно, в классическом виде подчинения периферии центру существовало исключительно на раннем этапе развития Империи, достаточно быстро трансформируясь в отношения нового типа, в рамках которого имперская столица была вынуждена учитывать интересы провинций, считаясь с ними. Но это не означает того, что империализм постепенно исчез из политической жизни Империи.

Он трансформировался, обретая иные проявления. Корректируя определение Й. Гальтунга, А. Мотыль указывает и на то, что империализм представляет «определенный тип политики»⁴⁹. Функционирование империализма как политики империи или правящих политических элит, вероятно, маловероятно без сосуществования имперского ядра и имперских периферий. В рамках отношений между центром и периферией и проявляется империализм правящей (властвующей или доминирующей) политической элиты.

А. Мотыль, в связи с этим, подчеркивает, что «империи представляют собой структурно централизованные политические системы, в рамках которых элиты ядра доминируют над периферийными сообществами»⁵⁰. Вероятно, именно это доминирование и является формой и / или сферой бытования / существования / функционирования империализма⁵¹. С другой стороны, по мнению Й. Гальтунга непременным условием империализма

⁴⁸ См.: Galtung J. A Structural Theory of Imperialism / J. Galtung // Journal of Peace Research. – 1971. – Vol. VIII. – No 8. – P. 82 – 83.

⁴⁹ Мотыль А. Пути империй. – С. 28.

⁵⁰ Мотыль А. Пути империй. – С. 42.

⁵¹ Об империализме см. подробнее: Galtung J. The Structural Theory of Imperialism / J. Galtung // Journal of Peace Research. – 1971. – Vol. 8. – P. 81 – 117; Hobson J.A. Imperialism: A Study / J.A. Hobson. – L., 1905; Lichtheim J. Imperialism / J. Lichtheim. – NY., 1971; Mommsen W. Theories of Imperialism / W. Mommsen. – NY., 1980.

является такая система отношений, в рамках которых центральная нация в тех или иных формах доминирует над нациями периферийными⁵².

В связи с этим, А. Мотыль полагает, что сам феномен империализма способствует формированию новых исторических категорий – в частности, национального воображения⁵³. Именно в рамках такой системы доминирования и взаимоотношения господина с подчиненным идет процесс вырабатки нарративов, которые призваны описывать другое сообщество, конструируя образ чужого.

Для Бразильской Империи, вероятно, характерны похожие проявления империализма. Выше мы констатировали, что из сферы отношений между центром и периферией империализм переместился в другие области. Не исключено, что сферой доминирования империализма, империалистической рефлексии и особого империалистического воображения стала сферой бразильской культуры, в частности – литература.

В Империи доминировал своеобразный феномен культурного и социального империализма⁵⁴, который проявлялся в литературе, бывшей продуктом интеллектуальной активности интеллектуалов – носителей «высокой культуры». Границы интеллектуального сообщества в Бразильской Империи, вероятно, почти полностью совпадали с пределами распространения, влияния и доминирования «высокой культуры».

Именно в рамках интеллектуальной рефлексии носителей «высокой культуры» и проявлялся культурно-социальный империализм, связанный с формированием образом чужого – как в социальном, так и в этническом плане. Не исключено, что осознание социальной чуждости и инаковости воображаемых сообществ в функционировании культурного империализма играло большую роль, чем осознание и видение этнической чуждости и принятие факта неоднородности Империи. Анализируя Бразильскую Империю, не следует однако полагать, что империализм доминировал исключительно в выше обозначенных сферах.

Империализм в Бразильской Империи не поддается сравнению с империализмом других империй – Российской, Австро-Венгерской, Оманской, Китайской... Для этих империй империализм нередко проявлялся в способности адекватного ответа на внешние и внутренние вызовы, на подавление проявлений социального и национального протеста. Кроме этого для всех четырех вышеупомянутых империй империализм проявлялся и в способности относительно стабильного роста и присоединения новых территорий.

⁵² Galtung J. A Structural Theory of Imperialism. – P. 85.

⁵³ Мотыль А. Пути империй. – С. 29.

⁵⁴ Об этом см. подробнее: Sewell W. The Concepts of Culture / W. Sewell // Beyond the Cultural Turn / eds. V.E. Bonnell, H. Hunt. – Berkley, 1999; Dynasty, Politics and Culture / ed. R. Kann. – Boulder, 1991.

Османская империя смогла относительно динамично существовать около пяти веков, а империи Романовых и Габсбургов – четырех столетий. В отличие от этих европейских континентальных империй, Бразильская Империя не просуществовала и ста лет. Не стало ли это результатом того, что Империя не смогла выработать империализм, способный к нормальному функционированию и гарантирующий воспроизводство империи.

Вероятно, следует обратиться ко второму дискурсу бразильского империализма эпохи Империи – империализму внешнеполитическому. Империя имела определенные внешнеполитические амбиции, которые проявились в период ее войны против Парагвая. Война завершилась исходом нетипичным для большинства континентальных европейских империй, для которых успех в войне сопровождался присоединением новых территорий. Александр Мотыль предостерегает от искусственного включения истории всех империй именно в эту схему, полагая, что «следует признать безосновательными утверждения, согласно которым отношения доминирования должны быть продуктом исключительно военной экспансии, направленной на создание империи»⁵⁵.

Вероятно, оккупация и включение Парагвая в состав империи, а так усиление позиций в Уругвае и могло бы приблизить Бразильскую Империю к европейским империям, но бразильские правящие элиты отказались от присоединения территорий, занятых войсками. Для Бразильской Империи империализм был империализмом одного крупного военного конфликта, который завершился выводом бразильских войск и восстановлением независимости оккупированного государства. Бразильская Империя была империей нетипичного империализма – не способного к территориальной экспансии вовне империи, которая оказалась не в состоянии реагировать на внешние вызовы. Вероятно, именно это в значительной степени и предопределило падение империи⁵⁶.

Падение Империи и установление в конце 1880-х годов Республики свидетельствует о том, что институты и механизмы функционирования, характерные для имперской государственности сложились не в полной мере. Вероятно, европейские империи были более жизнеспособными в силу того, чтобы их империализм был явлением многоуровневым – культурно-социальным, этническим, но самое важное – внешнеполитическим.

Гарантией развития империй был их территориальный рост. В Бразильской Империи, из этой триады империализмов возник лишь соци-

⁵⁵ Мотыль А. Пути империй. – С. 62.

⁵⁶ О падении империй, как политическом процессе и историческом явлении см.: Ansprenger Fr. *The Dissolution of Colonial Empires* / Fr. Ansprenger. – L., 1989; Eisenstadt S. *The Decline of Empires* / S. Eisenstadt. – NJ., 1967; Stachey J. *The End of Empire* / J. Stachey. – NY., 1959; Motyl A. *Why Empires Reemerge: Imperial Collapse and Imperial Revival in Comparative Perspective* / A. Motyl // *Comparative Politics*. – 1999. – Vol. 31. – P. 127 – 145.

ально-культурный империализм, который проявлялся в достаточно успешном развитии «высокой культуры» и культивировании имперской идентичности. Возникновение этнического империализма, своеобразного ранжирования наций и формирования имперской иерархии наций в Бразильской Империи – стране со сложной расовой и национальной структурой – было в принципе маловероятно.

Внешнеполитический империализм Бразильской Империи погиб, не успев развиться в достаточной степени: на смену Империи пришла Республика, правящие элиты которой выбрали не империалистический (военный), а мирный вариант разрешения территориальных проблем, существовавших у Бразилии с соседними государствами.

IMPÉRIO DO BRASIL: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, РАЗВИТИЯ И УПАДКА БРАЗИЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Бразилия, вероятно, является единственным государством на территории Южной Америки, которое после отделения от Португалии и обретения политической независимости не сразу в качестве модели развития выбрала республику. С 1822 по 1889 год Бразилия существовала и функционировала как Империя, правящие элиты которой стремились создать необходимые атрибуты имперской государственности и выработать у подданных особый, имперский, тип политической идентичности и, соответственно, лояльности.

В российской (и тем более, советской историографии) история Бразилии имперского периода изучена крайне слабо. В советском бразилиоведении Империя изучалась и освещалась почти всегда по остаточному принципу. Это было вызвано требованиями политической лояльности искусственно культивируемому историографическому и в значительной степени идеологизированному канону. Империя не вписывалась в ту историческую схему, которая предлагалась и культивировалась в рамках советской латиноамериканистики.

Именно поэтому, во втором томе (вышедшем на излете советской эпохи в 1991 году под маркой АН СССР) четырехтомной «Истории Латинской Америки» имперскому периоду в истории Бразилии посвящено... всего одиннадцать страниц⁵⁷. Об истории Бразильской Империи в России написано крайне мало. По данной причине, эта, не совсем историческая книга, среди первых разделов содержит краткий очерк истории Бразильской Империи с 1822 по 1889 год.

Появление первой Империи европейского типа в Южной Америке имеет свою предысторию. В результате оккупации Наполеоном территории Португалии королевская семья вынужденно отправилась в изгнание. В качестве места пребывания короля, королевской семьи (династии Браганза) и двора была выбрана Бразилия - крупнейшая к тому времени колония португальской короны. За королем в Южную Америку устремились и многочисленные португальские аристократы.

Бегство короля и части правящей элиты в Бразилию на развитии колонии сказались самым позитивным образом, резко повысив ее статус. В 1821 году португальский король Жуан VI вернулся в Португалию, оставив в качестве правителя колонии, которая стала именоваться Королевством Бразилия, своего сына Педру. Однако в 1821 году португальские кортесы проголосовали за лишение Бразилии ее статуса и высказались за отправку

⁵⁷ Калмыков Н.П. Бразильская империя (1822 – 1889) / Н.П. Калмыков // История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века / ред. Н.М. Лавров. – М., 1991. – С. 237 – 248.

на ее территорию португальских войск, что способствовало росту политических антипортугальских настроений в Бразилии.

Педру было приказано вернуться в Португалию, но он, не согласившись, с этим решением остался в Бразилии, намереваясь подчинить растущее антипортугальское движение и на волне националистического протеста прийти к власти, но уже в качестве правителя полностью независимого государства. В январе 1822 года между бразильскими националистами и португальскими войсками состоялись первые столкновения в то время, когда Педру позволил Жозэ Бонофасиу ди Андрада и Силва, одному из лидеров раннего бразильского политического национализма, известного в бразильской историографии как «патриарх независимости», сформировать правительство в Сан-Пауло.

В сентябре 1822 года состоялось в значительной степени символическое событие на реке Ипиранга, в ходе которого Педру провозгласил независимость Бразилии, произнеся: «Моей кровью, моей честью и при помощи Божьей я сделаю Бразилию свободной! Час настал! Свобода или смерть! Мы отделяемся от Португалии!». Вскоре Педру был провозглашен Императором Бразилии, будучи коронованным в возрасте 24 лет 1 декабря 1822 года.

Таким образом, в 1822 году Бразилия стала независимой (что в 1825 году признала и Португалия) и до 1889 года существовала как единственная монархия в Южной Америке. В этот период Империей правили лишь два монарха – император Педру I (1822 – 1831)⁵⁸ и Педру II (1831 – 1889).

Ранняя история Империи связана со сложными процессами становления нового государства. Политический национализм сторонников независимости Бразилии должен был рано или поздно столкнуться с политическими амбициями Педру, который под давлением представителей бразильской политической элиты был вынужден созвать Конституционное Собрание. Педру не смог наладить отношения с представителями элит, которые двумя годами ранее привели его к власти. Поэтому, в 1824 году он распустил Собрание, не дождавшись написания его делегатами Конституции.

С другой стороны, Педру понимал, что именно Конституция является одним из важнейших атрибутов государственности. Поэтому, Педру сам написал текст Конституции, предварительно отвергнув проект, создателем которого был Жозэ Бонифасиу ди Андрада и Силва. По Конституции Бразилии, страна становилась Империей, существовали четыре ветви власти – исполнительная, законодательная, судебная, а так же сдерживающая, которая была представлена непосредственно императором. Законодательный орган империи, «Общие Сборы», состоял из двух палат – Палаты депутатов и Сената. Депутаты Сената назначались Императором по представлению Палаты Депутатов. Император по Конституции получал права на рос-

⁵⁸ Barman R.J. Brazil: The Forging of a Nation, 1789 – 1852 / R.J. Barman. – Stanford, 1988.

пуск и созыв парламента, на создание и расформирование Кабинета министров. Кроме этого именно император определял внешнюю политику.

Выше мы отмечали, что ранняя история Империи отличалась нестабильностью. Часть провинций не приняли Конституцию и попытались отделиться, создав Экваториальную федерацию. С другой стороны, в 1825 году на Бразильскую Империю напала Аргентина, которая стремилась отторгнуть часть приграничных территорий от Бразилии. В 1827 году Империя была вынуждена признать потерю части своих территорий при условии, что те не будут включены в состав Аргентины. Именно так на политической карте Южной Америки появилось государство Уругвай.

Во второй половине 1820-х годов политическая динамика в Бразильской Империи отмечена глубоким внутривластным кризисом. В 1826 году в Португалии скончался отец императора Педру – король Жуан. Политические противники и оппоненты Педру обвинили его в стремлении стать королем Португалии и присоединить к ней Бразилию. К 1831 году кризис достиг наивысшей точки, и император был вынужден отречься от престола в пользу своего пятилетнего сына Педру, а сам покинул страну.

Период с 1831 по 1840 год известен как «период регентства». На данном этапе Бразильская Империя управлялась регентами. Центральная власть отличалась значительной слабостью и неспособностью полностью контролировать регионы⁵⁹. Периодически Империю сотрясали бунты и восстания, цели которых варьировались от республиканских до монархических. Состав этих внесистемных движений с социальной точки зрения отличался значительным разнообразием. Среди восставших были индейцы и негры, рабы и свободные горожане, а так же белое население – лузо-бразильцы и немцы.

Новые тенденции в политической жизни Империи стали заметны в 1840 году, когда местные политические элиты и армия достигли компромисса, центральной фигурой которого был император, достигший к тому времени четырнадцатилетнего возраста. Парламент настоял на его коронации, которая состоялась 18 июля 1841 года⁶⁰. В 1842 году Педру II распустил слишком либеральный и оппозиционный парламент. В 1842 году состоялись новые выборы, в результате которых к власти пришли сторонники императора, что было вызвано частично подкупом, а частично фальсификацией результатов выборов.

Укрепив свои позиции Педру начал программу реформ, которые ставили целью постепенную модернизацию страны⁶¹. Одним из первых решений был запрет на работорговлю, вступивший в силу в 1850 году. В эконо-

⁵⁹ Graham A.H. Subject Guide to Statistics in the Presidential Report of the Brazilian Provinces, 1830 – 1889 / A.H. Graham. – Austin, 1977.

⁶⁰ Brazil: Empire and Republic, 1822 – 1930. – Cambridge – NY., 1989.

⁶¹ См.: Viotti da Costa E. The Brazilian Empire: Myths and Histories / E. Viotti da Costa. – Chicago, 1988.

мической сфере Педру стимулировал производство кофе, который становится главной доходной статьей бразильского экспорта. Для развития производства кофе, для ускорения его поставки в порты в Бразилии начинают строиться железные дороги. В 1868 году была введена в эксплуатацию железная дорога Сантос – Сан-Паулу – одна из первых дорог на территории Южной Америки.

В середине 1860-х годов обострились отношения Империи с соседями: Парагвай видел угрозу в отделившихся от Бразилии территориях, которые образовали государство Уругвай. Соседние Аргентина и Бразильская Империя были обеспокоены внешнеполитической активизацией Парагвая, который обладал самой крупной (64 тысячи человек) армией в Южной Америке. К тому времени армия Бразильской Империи составляла только 18 тысяч человек. Опасаясь угрозы со стороны Парагвая, Бразилия в 1864 году ввела войска в Уругвай, что привело к началу военных действий с Парагваем. Аргентина, Уругвай и Бразильская Империя заключили соглашение, которое предусматривало раздел территории Парагвая.

В свою очередь Парагвай, надеясь получить поддержку от населения провинции Риу-Гранди-ду-Сул, ввел на ее территорию войска. Однако, к осени 1865 года бразильские войска вытеснили парагвайцев, и военные действия были перенесены на территорию Парагвая. Но, спустя несколько месяцев, в 1866 году, аргентино-бразильские войска были разбиты при Курупайте. После этого, военные действия против Парагвая Бразильская Империя была вынуждена вести фактически без союзников. Война стала поводом для национальной консолидации. В начале 1869 года бразильский генерал Лима и Силва смог взять столицу Парагвая Асунсьон, после чего парагвайский президент и диктатор Солано Лопес был расстрелян.

К концу 1860-х годов Бразильская Империя, победившая в войне, не знала, как воспользоваться ее результатами. Приграничная провинция Рио-де-ла-Плата была истощена и нуждалась в восстановлении. Бразильские войска были вынуждены контролировать оккупированный Парагвай и фактически зависимый Уругвай. Кроме этого, Парагвай в войне потерял 7/8 всего населения, а Бразильская Империя была вынуждена восстанавливать экономику оккупированной страны.

В целом, для Империи война имела и позитивные результаты, что выразалась в национальной и политической консолидации, укреплении власти и влияния центра над провинциями. Кроме этого война в значительной степени способствовала развитию экономики, простимулировав экономический рост и строительство путей сообщения, в первую очередь – железных дорог.

С другой стороны, война привела к значительной политизации бразильского общества, активизировалось республиканское движение. Республиканцы требовали отмены рабства и проведения реформ, которые должны были ускорить модернизацию. В 1888 году республиканцы доби-

лись отмены в Бразильской Империи рабства⁶², что в значительной степени ослабило имперские политические институты, поколебав веру в незыблемость монархии и политическую стабильность. Конец истории Бразильской Империи положил государственный переворот, организованный военными в ноябре 1889 года. Педру II, подобно Педру I, отрекся от престола и эмигрировал в Европу. История Империи закончилась, вместе с ней закончилась эпоха попыток создания имперской политической идентичности и лояльности – на смену им пришли республиканские типы идентичности и политического участия.

В последующих разделах речь пойдет именно об имперском периоде в бразильской истории, особых идентичностных типах и различных идентичностных дискурсах, о «высокой» и «низкой» культурах, о судьбе Империи в бразильском историческом, культурном и интеллектуальном дискурсе. Это будут разделы об Империи и восприятии имперского прошлого в интеллектуальном сообществе.

⁶² Behell L. The Decline and Fall of Slavery in Nineteenth Century Brazil / L. Behell // Transactions of the Royal Historical Society. – 1991. – Vol. 1. – P. 71 – 88; Drescher S. Brazilian Abolition in Comparative Perspective / S. Drescher // The Hispanic American Historical Review. – 1988. – Vol. 68. – No 3. – P. 429 – 460; Graham R. Causes for the Abolition of Negro Slavery in Brazil: An Interpretive Essay / R. Graham // The Hispanic American Historical Review. – 1966. – Vol. 46. – No 2. – P. 123 – 137.

ЧАСТЬ 2

ИМПЕРИЯ:

ВООБРАЖЕНИЕ, ПАМЯТЬ, ОБРАЗЫ

ИМПЕРИЯ ПОЗИТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ИМПЕРИИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ БРАЗИЛИИ 1930-Х ГОДОВ*

История как наука и история как вид гуманитарного знания в значительной степени оказывали и продолжают оказывать влияние на развитие национализма, националистического движение, существование, функционирование и трансформацию различных идентичностей – культурных, политических, национальных. Историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма. Историки внесли весомый вклад в развитие национализма, заложив моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах⁶³. История принадлежит к числу тех наук, которые не просто отличаются своим особым статусом и междисциплинарным характером, но и требуют от того или иного сообщества постоянной работы исторической памяти и исторического воображения.

Именно поэтому история нередко использовалась для обоснования прав того или иного сообщества на существование, для легитимации исторических процессов, для придания легитимного статуса состоявшимся политическим изменениям. О связи исторических исследований и национализма, историографии и национальной памяти писали немало⁶⁴, но боль-

* Название настоящего раздела навеяно статьей Т. Мартина, русская версия которой вышла в 2002 году. См.: Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? / Т. Мартин // *Ab Imperio*. – 2002. – No 2. – С. 55 – 87.

⁶³ См. об этом подробнее: Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 236.

⁶⁴ См.: Jilge W. Historical Memory and National Identity Building in Ukraine since 1991 / W. Jilge // *European History: Challenge for a Common Future* / ed. A. Pok, J. Rugen, J. Scherrer. – Hamburg, 2002. – P. 111 – 134; Klid B. The Struggle over Mykhailo Hrushevs'ky: recent Soviet Polemics / B. Klid // *Canadian Slavonic Papers*. – 1991. – Vol. 33. – No 1. – P. 32 – 45; Kohut Z.E. History as a Battleground: Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine / Z.E. Kohut // *The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia* / ed. S.F. Starr. – NY., 1994. – P. 123 – 145; Le Caire H. New States, Old Identities? The Czech Republic, Slovakia and Historical Understanding of Statehood / H. Le Caire // *Nationalities Papers*. – 2003. – No 1. – P. 437 – 466; Troebst S. "We are Transnistrians". Post-Soviet Identity management in the Dniester Valley / S. Troebst // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – P. 437 – 466.

шинство работ отличается европоцентризмом, сфокусированностью исключительно на европейских сюжетах⁶⁵.

Категории «история» и «память» неотделимы. Память подвержена политическим и социальным влияниям. Это, в свою очередь, ведет к тому, что единой истории, в том числе – и истории Бразилии, не существует. На протяжении XX века история Бразилии претерпела значительные политические и методологические трансформации, переписываясь, воображаясь, создаваясь и конструируясь в зависимости от политической конъюнктуры. Занятия историей стимулировали у бразильских интеллектуалов два качества принципиально важных для гуманитария – способность к спекуляции и склонность к рефлексии.

Нередкие рефлексии и спекуляции над историческим прошлым в Бразилии не могли быть негативными и отрицательными сами по себе, в виду самого их существования в среде исследовательского сообщества. Рефлексия и спекуляция были в Бразилии важнейшими предпосылками для интеллектуальных поисков, для методологических новаций. Нередко исторические рефлексии и спекуляции были связаны с политическими событиями. Вероятно, не будет преувеличением утверждать, что в национальной бразильской истории наиболее важными были два события – провозглашение независимости и провозглашение республики.

На период между двух этих дат, между 1822 и 1889 годами, приходится история Бразилии как история Бразильской Империи. Современная бразильская идентичность формировалась на протяжении двух веков – XIX и XX столетий. Модерновая современная бразильская нация сложилась вероятно уже как нация республиканская – в конце XIX – начале XX века. История Бразилии в этой ситуации создавалась и воображалась, писалась и описывалась как именно республиканская история, как история свободной республиканской нации. Имперский этап в такую схему истории явно не совсем вписывался и интегрировался. Бразильцы были не единственной нацией, которая имела подобные исторические и идентичностные проблемы.

Политический республиканский и монархический опыт весьма трудно совместимы. Республиканская перцепция имперской части национального прошлого нередко может развиваться именно как спекуляция в на-

⁶⁵ Agićić D. Bosna ja naša! Mitovi i stereotipi o državnosti, nacionalnom i vjerskom identitetu te pripadnosti u novijim udžbenicima povijesti / D. Agićić // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 139 – 160; Aleksov B. Poturica Gori it turčina: srpski istoričari o verskim preobraćenjima / B. Aleksov // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 225 – 258; Goldstein I. Granica na Drini – značenje i razvoj mitologema / I. Goldstein // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 109 – 138; Kolstø P. Procjena uloge historijskih mitova u modernim društvima / P. Kolstø // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 11 – 38.

правлении провозглашения монархического периода как самой «черной» страницы в той или иной национальной истории. Комплекс политических и исторических нарративов, связанных, например, с историей Российской Империи, яркое тому подтверждение. В Бразилии сложилась иная ситуация. Бразильское интеллектуальное сообщество после провозглашения Республики в качестве модели развития выбрало не конфронтационный, а интеграционный вариант.

В этой ситуации была предпринята попытка интегрировать период Бразильской Империи в историю бразильской республиканской нации. Попытки подобной интеграции наиболее четко просматриваются в работах, которые претендуют (или претендовали) на статус классических в той или иной сфере исторического знания, изучения или преподавания истории.

Среди таких работ – «История Бразилии» Роши Помбу. Роша Помбу (1857 – 1933) был крупным бразильским историком⁶⁶, работы которого оказались востребованы обществом не просто в виде исследований, но в качестве учебника (что свидетельствует о некотором уровне признания), который использовался в Бразилии 1930 – 1940-х годов, неоднократно переиздаваясь⁶⁷.

Исторические учебники – важные звенья в процессе социализации нового поколения и формирования у него не просто исторической памяти, но национальной и политической идентичности. Л. Хэйн и М. Сэкдэн в связи с этим подчеркивают, что «школы и учебники – важные звенья в той цепи, при помощи которой современные общества сохраняют идею гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагают своему сообществу и будущее»⁶⁸. В эту республиканскую (и авторитарную – учебник применялся в 1930-е годы, в период правления Жетулиу Варгаса) идентичность требовалось интегрировать и имперский период в истории Бразилии.

В центре настоящего раздела будет интерпретация имперских сюжетов в преимущественной республиканской исторической схеме, которую мы находим у Роши Помбу – в его книге «История Бразилии»⁶⁹.

⁶⁶ Автор уже касался проблем, связанных с восприятием истории Бразилии в работах Р. Помбу в контексте развития бразильского национализма. См.: Кирчанов М.В. *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008. – С. 99 – 110 (глава «Конструируя историю Бразилии: национальное прошлое в дискурсах классического историописания»).

⁶⁷ См. например: Pombo R. *História do Brasil* / R. Pombo (7 edição. Revista e atualizada por Hélio Vianna). – Rio de Janeiro, 1956.

⁶⁸ Hein L., Sekden M. *The Lessons of War, Global Power and Social Change* / L. Hein, M. Sekden // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3.

⁶⁹ Вероятно, следует сказать несколько слов о судьбе этой «книги» в Зональной Научной Библиотеке Воронежского Государственного Университета, вышедшей на русском языке в 1962 году. Читатели ЗНБ, вероятно, припомнят, что на некоторых «старых»

Отличительной чертой той части исследования Роши Помбу, которая посвящена империи является преимущественно событийный характер описания и широкое использование «бразильской» лексики – то есть слов типа «Бразилия» и производных от него. Примечательно, что, описывая борьбу за независимость, Роши Помбу полагает, что в ней участвовали уже «бразильцы», а регент Педру (будущий император Педру I) обращался в своих воззваниях именно к «бразильцам»⁷⁰. Дальнейшие успехи «бразильцев» историк был склонен связывать с их патриотизмом⁷¹, под которым он, вероятно, понимал гражданский национализм. Вероятно, для Роши Помбу было характерно в значительной степени примордиалистское, как и для многих других националистов, отношение к истории, что пресекалось и соотносилось с социальными процессами того времени.

Написание истории является и результатом социальных позиций⁷². Эти социальные позиции формируют условия существования идентичности, которая служит для проявления самости. Элементы этой самости и идентичности Роша Помбу был склонен искать в истории Бразилии, в том числе – и в истории Бразильской Империи. Появление Бразильской Империи для Роши Помбу – результат развития именно бразильского национализма и деятельности Педру. Для текста Роши Помбу характерны некоторые элементы монархической идеологии в латентном виде.

Подобный контент, вероятно, свидетельствует о том, что бразильское интеллектуальное сообщество того времени не пережило процесса деимпериализации⁷³, приспособления исторических схем и нарративов к факту исчезновения империи. В частности, он без республиканского фанатизма описывал политические шаги Педру, а сам факт того, что тот отказался возвращаться в Португалию оценивался как позитивно. Комментируя это решение, Роша Помбу писал, что «это был самый блестящий и торже-

книгах стоит печать ВГУ, где фигурирует Министерство высшего и среднего профессионального образования РСФСР. На протяжении более чем двадцати лет у «Истории Бразилии» Роши Помбу не было читателей, и по этой причине она была отправлена в пассивный фонд. Автор впервые «нашел» книгу в 2006 году – до этого она выдавалась всего два (!) раза. До пассивного фонда книга дошла уже утратив более двадцати страниц, часть из которых касалась и истории Бразильской Империи.

⁷⁰ Помбу Р. История Бразилии / Р. Помбу / пер. с порт. Ю.В. Дашкевича и В.И. Похвалына, ред. и предисловие А.М. Хазанова. – М., 1962. – С. 306.

⁷¹ Помбу Р. История Бразилии. – С. 327.

⁷² См. об этом более подробно: Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. – 2001. – No 1. – P. 42.

⁷³ О термине см.: Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 218.

ственный эпизод в нашей истории»⁷⁴. Более того, предполагалось, что народ приветствовал Педру «с самым живейшим выражением радости»⁷⁵.

Усилиями Роши Помбу в национальный пантеон героев попали и несколько деятелей, связанных с Империей. Это, в частности, относится к Жозэ Бонифасиу ди Андрада и Силве, который, по словам Роши Помбу, «отвечал ударом на удар, парализуя происки»⁷⁶ врагов бразильской независимости. Сам акт провозглашения независимости, «клич на Ипиранге», в котором участвовал Педру, описан как одно из торжественнейших и счастливейших событий в истории Бразилии: «этот клич был многократно повторен всеми присутствующими... и прокатился по всей стране»⁷⁷.

Текст, посвященный истории Империи, изобилует описаниями проявлений монархизма. В частности Роша Помбу указывает, что после провозглашения независимости Педру посетил театр, где «его встретили бурной овацией»⁷⁸. Кроме этого описываются зрители, которые «в течение нескольких минут, пребывая в состоянии бурного порыва» выкрикивали «Да здравствует первый король Бразилии!»⁷⁹. Отречение первого бразильского императора Роши Помбу мотивировал тем, что в период своего короткого правления Педру... не смог правильно воспользоваться императорской властью⁸⁰, будучи не в силах лавировать между различными группировками и умерить свои амбиции.

Что касается периода регентства, когда императорская власть столкнулась с мощными вызовами, симпатии Роши Помбу, учебник которого использовался в период Республики, были явно на стороне Империи. Роша Помбу в частности писал, что «нельзя не проникнуться чувством глубокого восхищения людьми, стоящими во главе регентства, их изумительными усилиями, с которыми они справлялись с положением в стране, несмотря на то, что им приходилось... жить в гуще мятежей»⁸¹. Примечательно отношение Роши Помбу к восстаниям, которые в период регентства проходили под республиканскими лозунгами. Восставшие, в частности, оцениваются им как «вооруженные банды»⁸², которые оспаривали власть друг у друга и у центрального правительства.

Кроме этого, Роша Помбу полагал, что идея Империи пользовалась поддержкой большинства населения: «большинство представителей нации находились в полном согласии, признавая необходимость противо-

⁷⁴ Помбу Р. История Бразилии. – С. 311.

⁷⁵ Там же. – С. 311.

⁷⁶ Там же. – С. 313.

⁷⁷ Там же. – С. 317.

⁷⁸ Там же. – С. 317.

⁷⁹ Там же. – С. 317.

⁸⁰ Там же. – С. 336 – 341.

⁸¹ Там же. – С. 346.

⁸² Там же. – С. 347.

действовать всем демагогическим эксцессам и подрывным доктринам, которые сеяли повсюду смуту в империи»⁸³. Роша Помбу, таким образом, вероятно, полагал, что монархические настроения в Империи были достаточно сильны.

Анализируя объявление Педру II совершеннолетним, Роша Помбу уделил значительное внимание внешним проявлениям монархизма и особой имперской лояльности: «...сторонники признания императора совершеннолетним направились в сопровождении многочисленной ликующей толпы к зданию сената... по пути, на улицах и площадях, их бурно приветствовала взволнованная публика...»⁸⁴. Политика монархистов, сторонников провозглашения совершеннолетия императора, оценивалась Роши Помбу в республиканской Бразилии как единственная возможность спасения бразильской независимости⁸⁵. Роша Помбу ссылаясь и на «желание бразильской нации»⁸⁶ и на осознание Педру II своей «исторической миссии»⁸⁷.

Роша Помбу полагал, что успешная реализацией Бразильской Империей ее исторической миссии, «возрождение во всех сферах жизни нашей страны»⁸⁸ значительно повысили статус Империи среди других государств. Роша Помбу предполагал, что эта особая миссия императора и Бразильской Империи проявилась во внешней политике, в частности – в конфликте с Аргентиной, в ходе которого Бразилия способствовала отстранению от власти диктатора Хуана Росаса. Анализируя свержение Росаса, Роша Помбу полагал, что «Бразильская Империя могла годиться тем, что она выполнила свою миссию во имя торжества мира и справедливости»⁸⁹.

Подобным образом он оценивал и результаты войны против Парагвая, предполагая, что именно благодаря Бразилии в регионе Ла-Платы завершилась эпоха существования диктаторских военных режимов, на смену которым пришли режимы, не посягавшие на «общественные права человека», что стало началом «новой эры цивилизации на континенте»⁹⁰. Таким образом, Роша Помбу развивал миф, возникший еще в период Империи, о том, что имперской модели в Бразилии были присущи демократические атрибуты, а сама Империя отличалась значительным уровнем либерализма, будучи вполне современным и развитым для того времени государством.

Подводя итоги настоящего раздела, отметим, что восприятие истории Бразильской Империи в том виде, в котором мы наблюдаем в исследо-

⁸³ Там же. – С. 365.

⁸⁴ Там же. – С. 368.

⁸⁵ Там же. – С. 368.

⁸⁶ Там же. – С. 368.

⁸⁷ Там же. – С. 368.

⁸⁸ Там же. – С. 403.

⁸⁹ Там же. – С. 385.

⁹⁰ Там же. – С. 402.

вании Роши Помбу, вероятно, свидетельствует о том, что Республика того времени (времени появления и использования этой книги) испытывала немалые трудности со своей республиканской политической идентичностью. Историческая рефлексия об Империи подчеркивает это. Интерес к Империи в общественном и политическом дискурсе Бразилии 1930-х годов был вовсе не случаен. Сложные политические процессы, связанные с функционированием авторитарного режима президента Жетулиу Варгаса, стремление последнего радикальным образом трансформировать бразильскую государственность стимулировали интерес бразильцев к империи как длительному, но несостоявшемуся политическому проекту.

В тексте книги немало монархически-имперских образов и мотивов. К моменту установления Республики Роша Помбу был уже сложившимся исследователем. Вероятно, история Империи для Помбу – это частично и его собственная история. Не исключено, что именно с этим связан некоторый монархизм, присущий тексту, ностальгия о единении народа с государством вокруг фигуры императора. Эта своеобразная имперская ностальгия из бразильского исторического и интеллектуального дискурса исчезает окончательно лишь к 1960-м годам.

Историческое мифотворчество, рано или поздно, подвергается деконструкции. На смену спекулятивной (событийной и в значительной мере романтической, национально ориентированной) историографии, которая играла на чувствах патриотизма и национализма, пришла новая историческая наука, в основе методологического инструментария которой лежали идеи, почерпнутые из западной, англо-американской и французской, гуманистики. В рамках новой модели гуманитарного знания в Бразилии возникла и новая история Бразильской Империи.

«У БРАЗИЛЬЦЕВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЕСТЬ РОДИНА»: ПОЗДНЯЯ ИМПЕРИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ 1880-Х ГОДОВ

Бразильская Империя на протяжении нескольких десятилетий своего существования не развивалась в изоляции, активно контактируя с американскими и европейскими государствами. На территории Южной Америки ее важнейшими партнерами и порой соперниками были Аргентина, Уругвай и Парагвай. В Северной Америке важнейшим партнером были Соединенные Штаты. В Европе Бразильская Империя поддерживала отношения с многими государствами, но важнейшими партнерами были, разумеется, родственные в языковом и культурном плане, романские государства, среди которых бесспорным культурным и интеллектуальным ориентиром в течение длительного времени оставалась Франция.

За период существования Бразильской Империи Франция успела несколько раз сменить свое государственное устройство, что почти не повлияло на наличие устойчивого интереса в Бразильской Империи к французской литературе⁹¹, а во Франции – к далекой Южноамериканской Империи. Во Франции существовал значительный интерес к Южной Америке, который проявился в особом жанре литературы, обязанным своим появлением развитию печатного станка, тому, что книги становились более доступными, а круг их потребителей-читателей резко расширился за счет усиления буржуазных элементов, что было, в свою очередь, связано с кризисом «высокой культуры», которая базировалась на узком элитарном потреблении продукции, одной из характеристик которой была сингулярность.

Кризис «высокой культуры», вызванный развитием капитализма и политическим триумфом национализма, породил серийное и массовое, в том числе – и литературное, потребление. В XIX веке европейская литературная традиция обретает важное качество, которым стала серийность и массовость. Если в XX столетии наиболее серийной литературой была детективная, то в XIX веке подобная роль принадлежала жанру приключенческого романа и связанного с ним романа-путешествия – путевого очерка, путевых записок и воспоминаний. В тематическом разнообразии европейских французских романистов присутствовали и сюжеты, связанные с Латинской Америкой.

Среди крупнейших французских писателей, работавших в жанре приключенческого романа, был Густав Эмар (Оливье Глу, 1818 – 1883). Латин-

⁹¹ Подобного интереса не избежали и другие государства Южной Америки. См.: Carilla E. *El Romanticismo en la America Hispanica* / E. Carilla. – Madrid, 1958; Карилья Э. Романтизм в Испанской Америке / Э. Карилья / пер. с исп. М. Деев, ред. В. Маликов. – М., 1965.

ноамериканские сюжеты присутствуют, например, в романах «Твердая рука» и «Гамбусино»⁹², где затронуты проблемы политического характера, показаны освободительные движения латиноамериканских наций. В творческом наследии Г. Эмара выделяется книга «Новая Бразилия»⁹³, представляющая собой путевые очерки и записки, в центре которых – поездка французского писателя в Бразильскую Империю в начале 1880-х годов⁹⁴. Текст этот интересен в контексте развития национального и политического воображения⁹⁵, формирования своеобразной «воображаемой географии»⁹⁶, функционирования и изменения перцепции далекой латиноамериканской страны во Франции, где к моменту написания Г. Эмаром своей книги республиканская идентичность была достаточно устойчивой и развитой.

Обратимся непосредственно к интересующему нас тексту, в котором мы можем выделить несколько дискурсов, связанных с Бразильской Империей.

Первый дискурс – это дискурс окраинности, периферийности.

В этом контексте Рио-де-Жанейро в ранней Бразильской Империи предстает как тоπος архаичности: «...улицы эти были узки, грязны, темны, плохо мощены, молчаливы и безлюдны, с плотно опущенными занавесями и жалюзи окон, за которыми слышался иногда визгливый женский смех;

⁹² Россия / СССР / РФ пережили несколько волн интереса к творчеству Густава Эмара. Первая волна – дореволюционная – связана, в частности, с появлением на русском языке двенадцатитомного собрания сочинений писателя (Эмар Г. Собрание сочинений / Г. Эмар. – СПб., 1899. – Т. 1 – 12). Вторая волна – это эпизодические советские публикации, большинство из которых совпало со временем заката СССР. На данном этапе предпочтение отдавалось изданию книг, которые можно было интегрировать в советский идеологический канон (Эмар Г. Твердая рука. Гамбусино / Г. Эмар. – М., 1982). Третья волна представлена изданиями 1990-х годов, когда, в частности, были вновь опубликованы дореволюционные переводы (Эмар Г. Фланкер. Новая Бразилия / Г. Эмар. – М., 1994).

⁹³ Эмар Г. Фланкер. Новая Бразилия / Г. Эмар. – М., 1994.

⁹⁴ В разделе все цитаты из книги «Новая Бразилия» приводятся по электронной версии: http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

⁹⁵ Anderson B. Nação e consciência nacional / B. Anderson. – São Paulo, 1989; Anderson B. Comunidades imaginadas, reflexões sobre a origem e a expansão do nacionalismo / B. Anderson. – Lisboa, 2005; Anderson B. Problemas dos nacionalismos contemporâneos / B. Anderson // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 16 – 26; Benedict Anderson: um inquito observador de estrelas // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 9 – 15; Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. – NY., 1983; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001; Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Б. Андерсон. – Київ, 2001.

⁹⁶ В теоретическом плане см.: Balakrishnan G. A imaginação nacional / G. Balakrishnan // Um mapa da questão nacional / ed G. Balakrishnan. – Rio de Janeiro, 2000; Балакришан Г. Национальное воображение / Г. Балакришан // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 264 – 282; Чаттерджи П. Воображаемые сообщества: кто их воображает / П. Чаттерджи // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 283 – 296.

лавки и магазины, грязные и темные, отличались каким-то особым зловонием. Навстречу попадались лишь грязные негры и негритянки да два-три европейца, случайно заблудившихся в безлюдной пустыне этих улиц...»⁹⁷. Подобные образы были призваны подчеркнуть и продемонстрировать чуждость Бразильской Империи на начальном этапе развития просвещенной и образованной Европе.

Отсталость ранней Империи проявлялось, по мнению Г. Эмара, и в отношении женщин («...в то время бразильские дамы были совершенными невидимками, они никогда никуда не показывались, а пешком даже среди дня ни одна женщина, уважающая себя, не решилась бы выйти на улицу; только дамы *mediro – pelo* – метиски – осмеливались на это, да и то очень редко...»⁹⁸), что проявлялось в полном доминировании мужчины, что, в глазах француза 1870 – 1880-х годов, выглядело как проявление архаики, патриархальности и традиционности.

Второй дискурс – дискурс прогресса и развития, успешной модернизации, которую смогла провести Бразильская Империя.

Эта модернизация нередко имела чисто внешние проявления, что, в частности, отразилось на имперской столице – Рио-де-Жанейро. Комментируя перемены, которые произошли с главным городом Империи, Густав Эмар писал, что «...положительно не узнавал Рио-де-Жанейро! Роскошные магазины, кафе и рестораны встречались на каждом шагу; комфортабельные отели, чудные богатые дома; оживленная толпа веселых и деловитых лиц, какую можно встретить только на улицах Лондона и Парижа, роскошные и элегантные экипажи, всадники на щегольских конях – все это шло, ехало, стремилось куда-то. Женщины и мужчины, дамы и кавалеры, мастеровые и монахи толпились на тротуарах, и сверх всего этого трамваи, запряженные то парой, то четверкой рослых мулов, во всю прыть мчались по улицам взад и вперед...»⁹⁹. Эмар констатировал значительные перемены в имперской столице («...лет тридцать тому назад все население города не превосходило цифры в сто пятьдесят тысяч душ, но с тех пор, благодаря всевозможным революциям, эмиграциям и удобству сообщения, население возросло с невероятной быстротой и теперь уже достигает шестисот тысяч душ, причем, как все заставляет предполагать, рост его на этом не остановится...»¹⁰⁰), создавая некую футуристическую перспективу развития города, связанную с модернизацией и социальными изменениями.

Третий дискурс – мода на Францию и все французское, характерное для носителей «высокой культуры» в Бразильской Империи.

⁹⁷ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

⁹⁸ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

⁹⁹ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹⁰⁰ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

Это, в частности, выражалось в том, что почти все представители политической элиты, а так же некоторые государственные служащие в империи знали французский язык. На французском языке, по свидетельству современников, прекрасно говорил второй бразильский император, знавший еще несколько европейских языков. Кроме этого Г. Эмар констатировал, что встречающие их имперские таможенные чиновники прекрасно говорили по-французски¹⁰¹. На французском языке говорили и некоторые рабы¹⁰², жившие в домах бразильских франкофилов. Самая дорогая и роскошная гостиница в Рио-де-Жанейро в период пребывания Г. Эмара называлась «Франция»¹⁰³. «Французское» присутствовало в жизни бразильской буржуазии. В частности, Г. Эмару, как почетному гостю, было предложено «позавтракать по-французски»¹⁰⁴. В Бразильской Империи была известна и оказалась востребованной французская литература, в том числе – и произведения Г. Эмара, которые издавались не только в португальских переводах, но и читались в оригинальных версиях¹⁰⁵. Кроме этого, по свидетельству Г. Эмара, к концу 1870-х годов в Рио-де-Жанейро существовала и французская колония, которая насчитывала более двадцати тысяч человек¹⁰⁶.

Столь значительное знание Франции позитивно отличало Империю от самой Франции, где о Бразилии вышла одна книга обобщающего характера («Живописная Бразилия» Риебейроля, 1859), а многие почти ничего не знали: «...многие считают Бразилию полудикой страной, из которой мы получаем кофе и ничего более. Таково наше отношение к стране, в которой любая провинция чуть ли не больше целой Франции и которая имеет население в двенадцать миллионов душ, год от года увеличивающееся с поразительной быстротой...»¹⁰⁷. В этом контексте путевые заметки Г. Эмара – попытка преодолеть стереотипы (этнические, политические и социальные) и сформировать новую позитивную «воображаемую географию» Бразильской Империи.

Четвертый дискурс – это политическое измерение Бразильской Империи.

Густав Эмар констатировал достаточно высокую степень развития свобод в Бразилии, как Империи, указывая на то, что «...газеты и журналы здесь в большинстве случаев все прекрасно организованы и поражают глубиной мысли и меткостью взгляда на вещи. Здесь царит безусловная свобода печати благодаря императору, который не допустил в этом деле ника-

¹⁰¹ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹⁰² http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹⁰³ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹⁰⁴ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹⁰⁵ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹⁰⁶ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹⁰⁷ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

ких ограничений. Сатира полновластно клеймит и бичует все вызывающее насмешку или заслуживающее порицания, не щадя ни духовенства, ни монашества, ни каких бы то ни было высших учреждений, и император первый от души смеется...»¹⁰⁸. Вероятно, в этом контексте заметна не только некоторая присущая для Г. Эмара идеализация Империи, но и попытка преподнести бразильский вариант развития политической прессы как универсальную модель, которую, возможно, следовало применить и в Европе.

Значительное внимание Густав Эмар уделил двум бразильским императорам.

Первый бразильский император, по его мнению, был «...натурой живой, сангвинической, из числа тех богатых энергией горячих натур, которые, когда их пыл умерен разумным воспитанием и образованием, а инстинкты направлены в хорошую сторону, страстно увлекаются всем прекрасным, совершают подвиги добра и становятся героями; если же они предоставлены самим себе или плохо направлены и необузданны, то предаются безумным излишествам и почти всегда губят себя...»¹⁰⁹. Эмар создает образ первого императора как почти народного правителя: «...принц сумел прислушаться к народному голосу и различить известную нотку в гомоне толпы; видя, что Рио, его столица, открыто вступает в борьбу, он добровольно принял временное собрание, санкционировал все права, присвоенные им себе от имени, народа, раскрыл двери всех тюрем, переполненных по его же приказу в день апрельского государственного переворота, словом, любезничал и заискивал перед жунтой...»¹¹⁰. Первый бразильский император для Г. Эмара, гражданина республиканской Франции – создатель бразильского политического национализма – политик и человек «великого ума», который был и первым «примерным гражданином»¹¹¹.

В центре внимания Г. Эмара оказался и второй бразильский император.

По мнению французского писателя (писавшего за несколько лет до падения Империи в Бразилии), второй император обладал несравнимо большими политическими талантами, чем его отец, которого вынудили отречься от престола и покинуть Империю. Если первый император – первый политический националист, то второй император для Г. Эмара – первый правитель Бразилии, рожденный именно в этой стране и, поэтому, «принятый ее народом»¹¹². Густав Эмар давал Педру II весьма позитивные оценки, указывая на то, что император был «простым и непривычным к пыш-

¹⁰⁸ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹⁰⁹ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹¹⁰ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹¹¹ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹¹² http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

ности и праздности, он предпочитал науку и занятия празднествам и увеселениям»¹¹³.

Густав Эмар культивировал образ Педру II как монарха-либерала и конституционалиста: «...конституция эта точно определяла все права и все обязанности каждого – и государя, и народа. Она провозглашала независимость Бразилии, верховную власть народа и независимость граждан. Это был своего рода контракт, или письменное условие, между государем и государством. Дон Педру II присягнул этой конституции сорок лет тому назад. Это по нашим временам весьма долгий срок для хартии... человек, принесший присягу этой конституции, никогда ни на мгновение не забывал этой присяги, честно исполнял данное им слово, ставя свой долг выше всего остального и во всем сохраняя и постоянно соблюдая данную им клятву... тщательный блюститель конституции, дон Педру II требовал исполнения всех законов конституции – карательных и оградительных, всех приговоров и постановлений суда с неумолимой твердостью и хладнокровием. Потому-то следует обвинять в некоторых, быть может, излишних строгостях не императора, а только конституцию...»¹¹⁴.

Густав Эмар констатировал наличие особого типа социальной коммуникации между бразильским императором и его подданными. Эмар был очевидцем еженедельных приемов императором граждан: «...по субботам от двух до пяти часов пополудни император еженедельно давал аудиенцию каждому, кто имел до него надобность, просьбу или жалобу. Каждый, кто только желал видеть императора и имел сказать ему что-нибудь, отправлялся по субботам прямо во дворец Сан-Кристобаль без всяких испрошений аудиенции, все просто входил во дворец, поднимался по большой парадной лестнице на первый этаж, проходил длинную галерею и входил в аудиенц-зал, причем никто не интересовался входящими...»¹¹⁵. Процедура имела открытый характер, а на прием к императору могли прийти не только бразильцы, но и приезжие европейцы, для которых визит императорского дворца в Сан-Кристобаль был частью местной бразильской элиты. Подобная ситуация, по мнению Г. Эмара, была не проявлением политической архаичности Империи и тем, что император был вынужден играть патерналистские роли. Эмар полагал, что, это, наоборот, свидетельствует о политической открытости, либерализме и демократизме правящих элит, то есть является проявлением тех качеств, которые французы той эпохи не могли наблюдать в собственных политических элитах.

По мнению Г. Эмара, институт императорской власти в Бразилии имел позитивное значение («...в Европе такого рода вещи не долговечны: во Франции, например, случились бы, конечно, беспорядки, которые рано или поздно должны были бы кончиться революцией. Но в Бразилии, слава Бо-

¹¹³ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹¹⁴ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹¹⁵ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

гу, дела эти обстоят иначе. Там общие законы всегда живы и уважаемы и всякий покоряется им до мелочей. Никаких ложных толкований закона, никаких изысканий, чтобы выявить его слабые стороны и недостатки...»¹¹⁶), будучи источником политической стабильности, что существенно отличало Бразильскую Империю от современной для Г. Эмара Франции. Образ второго бразильского императора в интерпретации Г. Эмара – это образ почти идеального правителя, своеобразный идеал, которого не достигли европейские политики того времени. Политическая система Империи в такой ситуации почти трансформируется в ту модель, некоторые элементы которой, как полагал французский писатель, следовало применить в Европе.

Пятый дискурс – расовая и, как следствие, национальная специфика характерная для Бразильской Империи.

Густав Эмар (подобно Машаду дэ Ассизу¹¹⁷) полагал, что социальные отношения среди негров и мулатов отличаются значительной сложностью. Комментируя ситуацию, Г. Эмар писал, что «...здесь есть и негритянки лавочницы, местные матроны, патрицианки рынка, с ключами от дома на крючке у пояса. Эти бразильские торговки соблюдают своего рода важность; они имеют своих рабов, которые раскладывают товар, предлагают его покупателям и ведут с ними переговоры, между тем как хозяйка лавки весело хохочет и переговаривается с товарками, а затем произносит свое решающее слово, когда торг между ее подручным и покупателем уже почти окончен. Этих же рабов хозяйка лавки часто отправляет с ручным ларьком, нагруженным товаром, на углы улицы заманивать изнемогающих от жажды или же просто любопытных покупателей. Но не думайте, что эти черномазые аристократки, лавочницы или торговки, имеют хоть каплю сострадания к своим несчастным сестрам и братьям, к своим одноплеменникам, находящимся в силу сложившихся обстоятельств у них в услужении, – нет, они крайне безжалостны по отношению к ним, не видя ничего в жизни, кроме денег...»¹¹⁸. Таким образом, между бразильскими неграми и мулатами существовали различные формы социальных и экономических отношений, связей и коммуникации, формы патроната и зависимости, которые нередко были аналогами аналогичных процессов, которые существовали среди белого населения.

Французский писатель констатировал, что расовые отношения в Бразильской Империи отличаются значительной степенью динамизма. В частности, им констатировалось и то, что негры являются не только рабами, но

¹¹⁶ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹¹⁷ См.: Кирчанов М.В. *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008. – С. 89 – 98 (глава «Создавая новую идентичность: Машаду дэ Ассиз и ранний бразильский модернизм»).

¹¹⁸ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

среди них – немало и свободных граждан, которые обладают разными социальными статусами и ролями: «...свободные мулаты представляют собой в Рио особый класс людей, деятельных и умных, из которых постепенно образовывается, так сказать, своего рода третье, или среднее, сословие. Теперь их уже можно встретить и на высших ступенях административной власти, и в судебных палатах, и в ряду сухопутных и морских офицеров, и в мире художественном и ученом, и в области свободных профессий, словом, всюду. Эти люди принимают самое деятельное участие в судьбах своей родины и во всех делах и явлениях своего времени. Дело в том, что в Бразилии для всех широко раскрыты двери: для чернокожих и мулатов, для индейцев и для метисов; как только они свободны, им всюду открыта дорога. Здесь закон не исключает никого, и самый характер нации охотно подчиняется этому справедливому требованию закона. Будущее принадлежит этой смешанной расе, которая с каждым днем становится на ноги все тверже и тверже...»¹¹⁹. Столь разнообразные социальные и политические отношения, расовое смешение привели к тому, что уже в период пребывания в Бразилии Г. Эмара в Империи была достаточно сильна и развита особая политическая и национальная идентичность.

Шестой, и вероятно, наиболее важный дискурс в заметках Г. Эмара связан с осознанием того факта, что в Бразильской Империи формируется и развивается особая, бразильская, нация.

Густав Эмар полагал, что бразильцев следует отличать от португальцев, с которыми их объединяет язык. Описывая португальцев, Г. Эмар формировал весьма негативный образ, полагая, что они «...ничем не брезгают и берутся за всякое ремесло, лишь бы только оно было доходным. Все они по большей части пьяницы, обжоры, страшные хвастуны, злые и мстительные люди, не способные ни на какое доброе чувство; при этом они отъявленные воры. Понятно, что есть среди них и исключения, также среди них встречаются и весьма почтенные люди, но, к сожалению, они очень редки...»¹²⁰. Бразильцы, в отличие от португальцев, «...в большинстве своем люди умные, развитые и образованные, но они настолько ленивы и небрежны в своих делах, что вся торговля сосредоточивается главным образом в руках португальцев...»¹²¹. Бразилия, как полагал французский писатель, позитивно изменила португальских колонистов, превратив их в бразильцев: «...здесь образовался, благодаря скрещиванию различных рас, настоящий бразильский народ. Это истинные сыны Бразилии, и теперь у бразильцев действительно есть родина!...»¹²². Посетив Бразильскую Империю, французский писатель оказался склонным к интерпретации местной действительности в европейских категориях, распространив и тер-

¹¹⁹ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹²⁰ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹²¹ http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

¹²² http://lib.aldebaran.ru/author/yemar_gustav/yemar_gustav_novaya_braziliya/

мин «нация» на поданных бразильского императора. Это, вероятно, свидетельствует, что за несколько десятилетий существования Империи европейцы оказались готовы воспринимать Бразильскую Империю как равное им государство, как отдельную нацию.

Текст «Новая Бразилия» демонстрирует те перемены, которые произошли в восприятии Бразильской Империи за несколько десятилетий ее существования во Франции. Бразильские образы во французском интеллектуальном дискурсе не были статичными, изменяясь от восприятия Бразилии как дикой и отсталой периферии в сторону видения в ней развитой страны европейского типа. Подобная трансформация произошла не только в силу естественных причин, связанной с модернизационными процессами и объективными переменами в стране. Республиканская идентичность французов в XIX веке была не столь однозначной и не исключала позитивного воображения в отношении монархий и империй. Кроме этого, вероятно именно благодаря усилиям писателей, принадлежавших к французскому интеллектуальному сообществу, в Европе возник и развивался миф о Бразилии как империи нового типа – либеральном государстве политических прав и свобод.

Образ Бразильской Империи, созданный в «Новой Бразилии» Г. Эмаром, отличался от реальности европейских империй того времени, словно показывая альтернативные пути политического и культурного развития. Проблема, вероятно, лежала в другой сфере. Вскоре после появления книги во Франции Бразильская Империя перестала существовать. Европейские общества, словно, не заметили этого, пребывая в плену иллюзий и стереотипов относительно прочности и устойчивости имперской государственности (росту которых мог поспособствовать и текст Г. Эмара, рисующий идиллическое функционирование Империи в Бразилии), которые были характерны и для политических элит Бразильской Империи.

Падение Бразильской Империи было только началом конца имперского типа государственности, а «Новая Бразилия» Г. Эмара так и останется интересным текстом – совокупностью размышлений гражданина республиканской Франции о достоинствах Бразильской Империи.

ВООБРАЖАЯ БРАЗИЛЬСКУЮ ИМПЕРИЮ: БРАЗИЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ В ВОСПРИЯТИИ АРГЕНТИНСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-Х ГОДОВ

Бразилия на протяжении XIX столетия значительно выделялась среди своих соседей по Южной Америке не только португальским языком и размерами территории, но и имперским политическим строем. Этот фактор был не только объектом для критики со стороны бразильских республиканцев, но и причиной интереса к Бразилии со стороны ее соседей. Особенно значительным интерес к Бразилии наблюдался в Аргентине, отношения с которой у Бразильской Империи развивались не совсем ровно.

Но политические и экономические противоречия не могли подорвать интереса со стороны аргентинских интеллектуалов к истории Бразильской Империи, в первую очередь – к истории бразильской литературы. Этот интерес был взаимным и возник в период Бразильской Империи. В частности, один из аргентинцев, проезжавших по Бразилии в 1852 году, в письме на Родину писал: «...в настоящее время я еду в Рио-де-Жанейро из Петрополиса, немецкой колонии и резиденции императора, с которым в течение я почти по-дружески беседовал несколько часов о наших людях, проблемах и традициях... император собрал почти все, что написано аргентинцами... имена наших писателей знает и почитает...»¹²³.

Интересу к Бразилии, Бразильской Империи со стороны аргентинцев способствовала общность некоторых процессов, характерных для развития культурной, литературной и интеллектуальной жизни стран Южной Америки. Аргентинские интеллектуалы нередко подчеркивали, что интерес к бразильской культуре эпохи империи вызван не просто географическим соседством, а стремлением понять механизмы функционирования и развития литературы столь географически близкого и этнически родственного народа¹²⁴.

В испаноязычных странах Южной Америки, в том числе – и в Аргентине, к моменту появления исследования Э. Карильи, о котором речь пойдет ниже, появилось несколько исследований, посвященных Бразилии и португалоязычной культуре¹²⁵. Португалоязычную Бразилию с ее испаноязычными соседями сближал политический и гражданский национализм, проявлявшийся, в том числе, и в литературе.

¹²³ Alberdi. Obras Completas / Alberdi. – Buenos Aires, 1886. – Vol. IV. – P. 133 – 134.

¹²⁴ Merou M.G. El Brasil intelectual / M.G. Merou. – Buenos Aires, 1900.

¹²⁵ Fidelino de Figueiredo, Historia literaria de Portugal / Fidelino de Figueiredo. – Buenos Aires, 1949; Freyre G. Interpretación del Brasil / G. Freyre. – Mexico, 1943; Calmon P. Brasil. El Imperio y la República / P. Calmon // Historia de América / ed. R. Levene. – Buenos Aires, 1941. – Vol. XIII.

Важнейшим проявлением этого национализма в литературно жизни был романтизм – течение одинаково влиятельное и принципиально важное для испаноязычных стран республик Южной Америки и для Бразильской Империи. Романтизм, романтическое наследие в культуре XX века нередко выступали в качестве факторов, стимулирующих интеллектуальную рефлексию интеллектуалов в Латинской Америке. Романтизм активно изучался не только с целью выяснения культурной самобытности и идентичности, но дабы подчеркнуть единство народов Южной Америки, показав мощь, силу и влияние националистического чувства.

В центре настоящего раздела – проблемы исторического воображения, конструирования истории бразильской культурной романтической традиции, восприятия истории Бразильской Империи глазами аргентинского интеллектуала, историка литературы Эмилио Карильи, во второй половине 1950-х годов. Эмилио Карилья был известен как исследователь латиноамериканской испаноязычной литературы – бразильская литература в сферу его непосредственных интересов не входила. Именно на этом фоне интересна попытка аргентинского исследователя вписать и интегрировать историю Бразилии в общий южноамериканский интеллектуальный и культурный контекст.

Обратимся непосредственно к перцепции интеллектуальной истории Бразильской Империи в том виде, в котором она представлена в исследовании Э. Карильи¹²⁶, посвященном романтизму в Южной Америки.

Значительное внимание Эмилио Карилья уделил проблемам исторической специфики Бразилии, полагая, что именно Империя способствует выделению этой страны из ряда своих соседей. Комментируя имперский этап в истории Бразилии, Э. Карилья писал, что «империя представляет собой исключение из общего правила, каким явилось возникновение в бывших испанских колониях республиканских правительств»¹²⁷. Для Э. Карильи понятия «империя» и «национализм» были в значительной степени идентичными.

Поэтому для Э. Карильи как аргентинского интеллектуала, утверждавшего, что «история Бразилии XIX века – это история ее независимости и империи»¹²⁸, не был характерен антиимперский политический тренд, который был чрезвычайно развит, например, в советской латиноамериканистике того времени и более позднего периода. Для Э. Карильи империя не ассоциировалась с архаичным и несовременным, и поэтому – изначально антидемократическими и контрпрогрессивными, политическими трендами.

¹²⁶ Carilla E. El Romanticismo en la America Hispanica / E. Carilla. – Madrid, 1958.

¹²⁷ Карилья Э. Романтизм в Испанской Америке / Э. Карилья / пер. с исп. М. Деев, ред. В. Маликов. – М., 1965. – С. 381.

¹²⁸ Карилья Э. Романтизм в Испанской Америке. – С. 381.

Карилья полагал, что имперский тип политической организации соответствовал интересам бразильской государственности, указывая, что Бразильская Империя «отнюдь не находилась на более низком уровне развития чем молодые испаноамериканские республики»¹²⁹. Э. Карилья рисует весьма позитивный образ второго бразильского императора, который «проявлял большой интерес к науке, искусству, литературе и старался развивать просвещение»¹³⁰.

Для Эмили Карильи характерно и умеренное восхищение успехами и достижениями Бразильской Империи: «этой империи могли позавидовать другие страны Американского континента... Императорская Бразилия была той страной, чья устойчивость и мирная жизнь составляли резкий контраст с бурной политической жизнью большинства латиноамериканских республик»¹³¹. Подобная перцепция бразильской истории в корне отличалась от советских интерпретаций того времени.

Именно поэтому, советские редакторы предпочли сопроводить этот пассаж в книге Э. Карильи комментарием политического, а не методологического плана. Советский редактор В. Маликов предостерегал советского читателя от буквального восприятия понимания Бразильской Империи в том виде, в котором мы наблюдаем это у Э. Карильи: «Эмилио Карилья, не являясь знатоком истории Бразилии, впадает в ошибку, солидаризируясь с распространенными, но неверными оценками социальных и культурных явлений... исторические факты не позволяют рассматривать империю как... положительное явление... и характеризовать ее как историческое благо»¹³². Подобный идеологический контроль и диктат подчеркивает, что советский латиноамериканистский дискурс того времени, особенно те его сегменты, которые были связаны с изучением Империи, развивался в условиях доминирования требований политической лояльности.

Эмилио Карилья связывал утверждение романтизма в культурном дискурсе с триумфом национализма в политической сфере, что проявилось в создании независимых государств в Южной Америке¹³³. Карилья полагал, что национализм в Бразилии был более развит чем национализм в бывших испанских колониях, что проявлялось в крайне незначительной роли португальской литературы и культурной традиции в отличие от испанского культурного влияния в государствах Латинской Америки¹³⁴. Э. Карилья подчеркивал, что «бразильский романтизм отвернулся от португальских образцов»¹³⁵.

¹²⁹ Карилья Э. Романтизм в Испанской Америке. – С. 382.

¹³⁰ Там же. – С. 385.

¹³¹ Там же. – С. 382.

¹³² Там же. – С. 382.

¹³³ Там же. – С. 379.

¹³⁴ Там же. – С. 396.

¹³⁵ Там же. – С. 396.

С другой стороны, предполагалась, что дихотомия национализм – романтизм, хотя и является устойчивой, тем не менее – романтические культурные тренды имели и другие истоки помимо политического национализма. Для восприятия романтизма в Бразильской Империи для Э. Карильи характерно принятие другой дихотомии «литература – политика»: «в эпоху романтизма литератор занимался и общественной деятельностью... в Америке чаще, чем в Европе, мы встречаемся с типом писателя-политика или политика-писателя»¹³⁶. Для романтизма вообще, по мнению Э. Карильи, характерен националистический тренд в виду того. Что именно романтизм учит представителей того или иного сообщества быть им, «ценя местный колорит»¹³⁷.

Иными словами, значительная часть бразильских писателей-романтиков эпохи Империи были не просто и не только интеллектуалами, но и политиками, бразильскими гражданскими и политическими националистами. Анализируя особенности раннего бразильского романтизма, Э. Карилья показывал, с одной стороны, причастность романтиков к политической жизни и борьбе¹³⁸, росту бразильского национализма, указывая, с другой, и на то, что романтические тренды в культурном дискурсе возникли в условиях значительного европейского, французского и английского¹³⁹, а так же немецкого (почти не характерного для испаноязычных литератур в Южной Америке¹⁴⁰) влияния.

Это французское влияние проявилось и в языковой сфере, когда в период Империи бразильские националисты-романтики, вероятно, сознательно вводили в язык лексические заимствования из французского языка¹⁴¹, стремясь укрепить независимый статус бразильской идентичности и ее инаковость и непричастность к португальской идентичности. Карилья подчеркивал, что европейское влияние позитивно сказалось на литературе Бразильской Империи, что выразилось в создании «подлинно национальных шедевров»¹⁴².

Эмилио Карилья полагал, что романтическая литература была плодородной почвой для развития национализма в виду того, что именно романтики первыми в Бразильской Империи «поставили проблему национальной литературы»¹⁴³. Националистический романтический дискурс в Бразильской Империи отличался значительным своеобразием, проявляясь в идеализме, который, по словам Э. Карильи, стал для бразильских романтиков

¹³⁶ Там же. – С. 381.

¹³⁷ Там же. – С. 406.

¹³⁸ Там же. – С. 390.

¹³⁹ Там же. – С. 395.

¹⁴⁰ Там же. – С. 399.

¹⁴¹ Там же. – С. 415 – 416.

¹⁴² Там же. – С. 450.

¹⁴³ Там же. – С. 406.

«главной национальной темой»¹⁴⁴. С другой стороны, романтики активно экспериментировали с португальским языком, стремясь создать в политическом плане бразильский язык для Бразильской Империи.

Это языковое воображение, которое стимулировалось бразильскими индейцами и неграми¹⁴⁵, приносящими в португальский язык, новые лексические элементы, в значительной степени способствовало развитию в Империи особого типа национализма. Романтизм, по мнению Э. Карильи, в период Империи пересекался с национализмом и в географической сфере – точнее, в изучении Бразилии, формировании и культивировании образа Бразилии как единого целого. В этом деле бразильским географам-националистам значительную помощь оказали романтики-националисты, которые «видели символ своего национализма прежде всего в природе»¹⁴⁶.

Романтизация и национализация географического пространства (замеченная и проанализированная аргентинским исследователем до появления воображаемой географии, возникшей в США) была одной из форм национального и / или националистического воображения, что оказывало значительное влияние и на развитие идентичности в Бразилии – в том числе и особого варианта имперской бразильской идентичности.

Подводя итоги, восприятия бразильской истории имперского периода, акцентируем внимание на нескольких аспектах. В случае Бразильской Империи романтизм, по мнению Э. Карильи, представляет в значительной степени архаичный тип политической культуры в виду доминирования в испаноязычных государствах республиканской формы правления. С другой стороны, для Э. Карильи была очевидная значительная взаимосвязь в Бразильской Империи между культурными и политическими трендами. Иными словами, бразильский романтизм оказался связан с бразильским национализмом.

Примечательно и то, что ранние этапы политической истории Бразилии в качестве независимого государства связаны именно с Империей. В такой ситуации Империя становится позитивной и прогрессивной, по мнению аргентинского интеллектуала, формой государственного устройства, что примечательно на фоне почти безраздельного доминирования в Аргентине республиканских политических настроений. В такой ситуации историческая роль Империи состояла в формировании и укреплении бразильской идентичности (в ее имперской форме), на смену которым позднее пришли новые современные формы идентичности, связанные с установлением Республики.

События конца 1880-х годов в Бразилии оказались связаны не только со сменой формы политического устройства, но привели к значительным культурным изменениям. Постепенно на смену романтизму и национа-

¹⁴⁴ Там же. – С. 407.

¹⁴⁵ Там же. – С. 410 – 414.

¹⁴⁶ Там же. – С. 421.

лизму «высокой культуры» приходят реализм, а позднее и модернистские литературные тренды, связанные с массовыми культурными идентичностями. Гибель Бразильской Империи совпала с кризисом и отмиранием тех культурных традиций, которые составляли основу политического национализма имперского периода.

ИМПЕРИЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ВОСПРИ- ЯТИЯ БРАЗИЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОЗДНЕЙ СОВЕТСКОЙ ЛАТИ- НОАМЕРИКАНИСТИКЕ

На излете советской эпохи началась реализация двух крупных издательских проектов, связанных с латиноамериканистикой. Речь идет о начале издания многотомной «Истории Латинской Америки» и «Истории литератур Латинской Америки». Идея этих крупных издательских проектов возникла в рамках двух академических исследовательских институтов – Института всеобщей истории и Института мировой литературы им. А.М. Горького.

Степень (со)причастности этих институтов к официальному советскому научному дискурсу и степень интегрированности в него была различной. Институт всеобщей истории и связанный с ним Институт Латинской Америки были более консервативны и причастны к выработке советской модели гуманитарного знания. Тон в исследовательской деятельности этих преимущественно исторических институтов задавали консерваторы, которые полагали, что советская модель знания, основанная на марксистско-ленинской методологии, является исключительно верной и единственно правильной. Именно поэтому, издания и публикации, выходившие из недр этих двух академических структур, были важнейшим условием функционирования и воспроизводства советского научного дискурса.

Издания этих институтов, вероятно, в полной мере отвечали требованиям «советского идеологического текста»¹⁴⁷, что делало их автоматически причастными ко всем «концептуальным изъянам»¹⁴⁸ историографии, в том числе – и бразилиоведения, советского периода. Политические и некоторые поверхностные методологические перемены, связанные с перестройкой и гласностью, этих институтов коснулись в наименьшей степени. Пересмотр устоявшихся исторических нормативов и схем не соответствовал интересам этих центров, которые фактически оказались сосредоточием советского научного консерватизма.

В Институте мировой литературы сложилась совершенно иная ситуация. Исследования историй литератур в странах Латинской Америки, в том числе – и в Бразилии, были в меньшей степени подвержены идеологиче-

¹⁴⁷ О функционировании «идеологического текста» в советской модели гуманитарного знания см.: Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – С. 150.

¹⁴⁸ О термине см.: Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // *Ab Imperio*. – 2003. – No 3. – С. 343.

скому диктату, контролю и влиянию. В такой ситуации литературоведческий латиноамериканистский дискурс в Советском Союзе был более либеральным и открытым. Это свидетельствует о том, что политические нарративы, которые проявлялись в академических публикациях в СССР, были далеко незаконченными проектами¹⁴⁹, но подвергались постоянной ревизии и переосмыслению со стороны представителей исследовательского сообщества.

Работы советских литературоведов в значительной степени отличались от исследований их коллег-историков и обществоведов, которые занимались изучением Бразилии, но выводы советских латиноамериканистов-«либералов» не могли поколебать силу «официального дискурса»¹⁵⁰. Не исключено, что литературоведение было сознательным выбором, в рамках которого исследователи пытались избежать обязательного обслуживания советского канона и выполнения идеологического заказа. И хотя литературоведческие исследования не были формой диссидентства, тем не менее, они не были чужды латентного несогласия с официальным советским дискурсом.

Иными словами, литературные исследования давали больше возможностей для маневра, что проявляется, в частности, в «Истории литератур Латинской Америки». Том, посвященный литературным процессам и национальным литературам в период от Войны за независимость до 1870-х годов, вышел в 1988 году под эгидой Академии наук СССР и Института мировой литературы. Автором раздела по Бразилии была известная в Советском Союзе исследовательница бразильской и испанской литературы И.А. Тертерян (1933 – 1986), работы которой, посвященные литературам Бразилии, Испании и Португалии¹⁵¹, весьма сложно соотносились с большим советским дискурсом и канонам написания исследований, посвященных истории литературы¹⁵².

¹⁴⁹ О сочетании и соотношении политических и исторических нарративов см.: Hein L., Sekden M. *The Lessons of War, Global Power and Social Change* / L. Hein, M. Sekden // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3.

¹⁵⁰ О соотношении официального и неофициального в гуманитарных науках авторитарных обществ см.: Цвиклински С. Татаризм vs болгаризм: «первый спор» в татарской историографии / С. Цвиклински // *Ab Imperio*. – 2003. – No 2. – С. 364.

¹⁵¹ См.: Тертерян И.А. Бразильский роман XX века / И.А. Тертерян. – М., 1965; Тертерян И.А. Современный испанский роман / И.А. Тертерян. – М., 1972; Тертерян И.А. Испытание историей: очерки испанской литературы XX века / И.А. Тертерян. – М., 1973.

¹⁵² Автор кратко останавливался на работах И.А. Тертерян в одной из своих предыдущих книг. См.: Кирчанов М.В. *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008. – С. 46 – 59 (глава «Существует ли советская / российская традиция в изучении национализма в Латинской Америке?» – речь о вкладе И.А. Тертерян: С. 53 – 54).

Раздел, посвященный Бразилии, был одной из ее последних работ, которую подготовила к изданию редколлегия. Обратимся непосредственно к тексту И.А. Тертерян¹⁵³, сосредоточив внимание на основных моментах ее авторского видения и восприятия литературной динамики в контексте истории бразильской литературы эпохи Империи. Подобно советским историкам, И.А. Тертерян уделила значительное внимание политической истории и политической динамики Бразильской Империи¹⁵⁴, показав соотношение между различными политическими трендами – монархическими и республиканскими.

Анализируя перипетии бразильской истории, И.А. Тертерян была далека от примордиального республиканизма, присущего в значительной степени идеологизированному исследовательскому историческому сообществу. Текст И.А. Тертерян развивается вокруг анализа того, что в современной российской гуманистике признается предметом интеллектуальной истории. Именно поэтому, она уделила значительное внимание идейным и политическим исканиям тех, кого в современной гуманистике называют интеллектуалами, показав то, что культурный и литературный дискурс Бразилии развивался в условиях значительного европейского влияния, в частности – в сфере идеологии Просвещения, в первую очередь – французского¹⁵⁵. Тертерян в связи с этим подчеркивала, что «уже в первые десятилетия века (XIX – М.К.) до бразильцев доносится из Европы дыхание нового искусства, новых идей»¹⁵⁶.

И.А. Тертерян подчеркивало и то, что крупнейшие писатели имперского периода (например, Жозе дэ Аленкар, который в исследованиях И. Тертерян почти превращается в националиста – она предполагала, что он внес значительный вклад в формирование «национального самосознания»¹⁵⁷) испытали мощнейшее влияние именно европейской культуры и литературной традиции¹⁵⁸. Иными словами, культурные и литературные процессы в Бразилии в значительной степени были аналогичны тем, которые протекали в европейском культурном контексте.

Кроме этого И.А. Тертерян признавала, что значительную роль в Бразильской Империи играл национализм и, хотя этот термин и не использовался ею (что и понятно для советского научного дискурса), тем не менее

¹⁵³ О научной деятельности Инны Арташесовны Тертерян см.: Затонский Д. Об авторе и его книге / Д. Затонский // Тертерян И.А. Человек мифотворящий. О литературе Испании, Португалии и Латинской Америки / И.А. Тертерян. – М., 1988. – С. 5 – 12.

¹⁵⁴ См.: Тертерян И.А. Литература Бразилии / И.А. Тертерян // История литератур Латинской Америки: От Войны за независимость до завершения национальной государственной консолидации (1810 – 1870-е годы) / глав. ред. Г.В. Степанов, отв. ред. В.Н. Кутейщикова. – М., 1988. – С. 515 – 517.

¹⁵⁵ Тертерян И.А. Литература Бразилии. – С. 516, 517.

¹⁵⁶ Там же. – С. 519.

¹⁵⁷ Там же. – С. 544.

¹⁵⁸ Там же. – С. 536.

показаны основные направления эволюции и развития бразильского культурного национализма¹⁵⁹ – речь идет и о гражданском патриотизме, и о той роли, которую в Бразильской Империи сыграли первые бразильские литераторы в утверждении бразильской государственности. Комментируя ту роль, которую в Бразилии играл национализм, И.А. Тертерян писала, что «идея независимости оставалась центром интеллектуального мира бразильских писателей»¹⁶⁰.

Формирование национального литературного дискурса И.А. Тертерян связывала с утверждением в Бразилии романтизма¹⁶¹. По ее мнению, возникновение романтизма стало проявлением того, что в рамках бразильского литературного поля шел процесс «поиска национального качества литературы»¹⁶². Текст И.А. Тертерян в значительной степени выделяется из советского историографического дискурса того времени. Немалое внимание она уделила проблемам географического освоения Бразилии, формирования образа Бразилии как единого целого¹⁶³ и изучения особенностей отдельных регионов сертанов и тропической сельвы.

Примечательно и то, что интерес бразильских интеллектуалов к этим природным ландшафтам вылился в целые литературные направления, которые возникли в период Империи – сертанизм и тропикализм¹⁶⁴, способствовавшие укреплению национальной бразильской идентичности. Таким образом, в ее исследовании возник своеобразный новый дискурс, который в современной российской гуманистике известен как воображаемая география.

Укрепление бразильской идентичности, начало ее доминирования в литературе И.А. Тертерян связывала с утверждением бразильского романтизма, предполагая, что в творчестве бразильских романтиков, пронизанном «национальным чувством», доминировала именно «идея национальной самобытности»¹⁶⁵. И.А. Тертерян показала и то, что именно литература в Бразильской Империи была той сферой, где формировались и развивались национальные мифы, связанные, в том числе, с гендером и гендерными ролями.

В частности, анализируя творческое наследие Жоакима Мануэла ди Маседо (1820 – 1882), она предполагает, что именно ему бразильская литература обязана архетипным образом женщины¹⁶⁶. В этом контексте мы мо-

¹⁵⁹ Там же. – С. 519.

¹⁶⁰ Там же. – С. 529.

¹⁶¹ Некоторые работы И.А. Тертерян посвящены проблемам романтизма. См.: Тертерян И.А. Романтизм как целостное явление / И.А. Тертерян // Вопросы литературы. – 1983. – № 4.

¹⁶² Тертерян И.А. Литература Бразилии. – С. 520.

¹⁶³ Там же. – С. 521 – 522.

¹⁶⁴ Там же. – С. 532.

¹⁶⁵ Там же. – С. 523.

¹⁶⁶ Там же. – С. 525 – 526.

жем предположить, что в исследованиях И.А. Тертерян существовал особый дискурс, связанный с изучением формирования гендера как явления в литературе, что в современной российской гуманистике проявляется в «женской истории».

Текст И.А. Тертерян, вошедший в «Историю литератур Латинской Америки» отличается значительной оригинальностью и, поэтому, отходит от официального советского канона историописания, в том числе – и истории литературы. Это, в частности, проявляется и в восприятии такого явления, характерного для интеллектуальной жизни Бразильской Империи, как индеанизм¹⁶⁷, которое интерпретировалось как проявление «потребности самоутверждения молодой нации»¹⁶⁸. И. Тертерян предполагала, что индеанизм¹⁶⁹ был формой бразильского национализма (хотя этот термин ей в силу политической конъюнктуры не использовался).

В связи с этим она писала, что бразильские писатели, причастные к развитию индейских образов и культивированию подобных нарративов стремились создать в Бразилии «национальную литературу, которая помогла бы народу почувствовать себя нацией с единой историей, собственными традициями, мифологией, фольклором»¹⁷⁰. Индеанизм представлял собой сложный культурный феномен, связанный с формированием и развитием в рамках бразильского интеллектуального и политического сообщества индейских образов и нарративов. И. Тертерян показала, что идеологию индеанизма в наибольшей степени восприняли носители «высокой культуры». В этом контексте научное наследие И.А. Тертерян в наибольшей степени близко к современной интеллектуальной истории.

Конструкции И.А. Тертерян в значительной степени отличались от советской латиноамериканистики того времени, которая отличалась значительной степенью политизированности и мифологизации не только отдельных событий, но и целых исторических периодов и культурных явлений. Исследования И.А. Тертерян были своеобразной попыткой деконструкции господствовавшего метода написания и описания истории Бразильской Империи.

Вероятно, мы можем констатировать, что в работах И.А. Тертерян, посвященных бразильской литературе, была предложена альтернативная версия прочтения и написания культурной истории Южной Америки. С другой стороны, исследования И.А. Тертерян не привели к тому, что в за-

¹⁶⁷ Там же. – С. 529.

¹⁶⁸ Там же. – С. 531.

¹⁶⁹ См.: Тертерян И.А. Бразильский индеанизм / И.А. Тертерян // Формирование национальных литератур Латинской Америки. – М., 1970.

¹⁷⁰ Тертерян И.А. Литература Бразилии. – С. 520.

падной гуманістике нередко называют «интеллектуальным прорывом»¹⁷¹. Тертерян многое не успела завершить, а исследовательское сообщество проявляло значительный консерватизм и не было готово принять столь радикально отличные от советского канона попытки прочтения и интерпретации истории бразильской литературы имперского периода.

Тем не менее именно с исследованиями И.А. Тертерян была связана либеральная и возможно (про)западная тенденция в советской латиноамериканистике позднего советского периода, попытки формирования нового, более открытого и свободного, интеллектуального пространства.

¹⁷¹ Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 221.

ДЕИМПЕРИАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ БРАЗИЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ: БРАЗИЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПОЗДНЕМ СОВЕТСКОМ ДИСКУРСЕ

Во всей системе и иерархии советского гуманитарного знания латиноамериканистика была, вероятно, не только наиболее закрытой, но и в наибольшей степени идеологизированной сферой советского гуманитарного дискурса. К отечественной латиноамериканистике советского периода вполне применимо определение «крайняя политизация историографии»¹⁷². Объективно история Латинской Америки, в том числе – и Бразилии в советский период, как и любая другая история, писалась (воображалась, создавалась и конструировалась) в «определенном контексте и представляла собой проект определенного типа»¹⁷³.

Латинская Америка для советского человека, не чуждого влияния со стороны официальной идеологии и пропаганды, была регионом, окруженным революционным ореолом. Латинская Америка ассоциировалась не только с проникновением в регион американского капитала и империализма, что могло оцениваться исключительно негативно и отрицательно, но и с героической борьбой латиноамериканского рабочего класса и прогрессивной интеллигенции против США.

В советской латиноамериканистике такой своеобразной идеологической обработке подверглись практически все страницы истории региона, что вело к формированию особой, советской, модели «интеллектуального пространства»¹⁷⁴. Правда, США не всегда играли роль главного врага. В зависимости от ситуации и политической конъюнктуры образами врага могли наделяться Испания, душившая соответственно патриотические порывы латиноамериканских революционеров, или же местные политические режимы.

По причине того, что все режимы относились к тому типу, который в СССР и советском общественном сознании определялся как «буржуазные», то советским латиноамериканистам не следовало искать особого повода для критики. В такой ситуации в рамках советской латиноамериканистики регион Латинской Америки воображался как революционный – антимонархический и антиимпериалистический. Подобное прочтение истории, сознательное конструирование именно такого исторического дискурса оказало

¹⁷² Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // *An Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 485.

¹⁷³ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. – 2001. – No 1. – P. 41.

¹⁷⁴ О термине см.: Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 222.

немалое влияние на построение работ, посвященных Латинской Америки, которые издавались в СССР до 1991 года.

Тому, что не вписывалась в эту жесткую догматическую схему в советском историческом воображении почти не было место. С другой стороны, в прошлом на территории Латинской Америки существовали государства, которые в этот канон историописания и историонаписания, не вписывались. Таким государством оказалась крупнейшая в Южной Америке страна – Бразилия. Для советских историков, принадлежавших к официальному дискурсу и испытывавших устойчивую идиосинкразию ко всему монархическому и тем более – имперскому (вспомним отношение к «Истории СССР до 1917 года»), бразильская история 1822 – 1889 годов была идеологически и социально чуждой.

Но с этой историей надо было что-то делать. Советские историки вообще имели немалый опыт именно «делания» и написания истории в соответствии с политическими канонами, заказами, конъюнктурами и традициями. Именно по этим негласным, но очевидно идеологическим и идеологизированным, канонам писалась история Бразильской Империи. Классический пример подобного идеологически выверенного отношения к истории и написания истории мы находим в «Истории Латинской Америки», вышедшей в 1991 году под эгидой Института всеобщей истории АН СССР.

Многотомная история Латинской Америки задумывалась давно, но первый том вышел на излете советской эпохи, и остальные уже издавались под иной, российской, научной атрибутикой. Тем не менее, книга, вышедшая семнадцать лет назад, интересна как «участок памяти» российской латиноамериканистики. В настоящем разделе мы остановимся на той части этой книги, которая была посвящена истории Бразильской Империи.

Раздел, посвященный Бразильской Империи, написан Н.П. Калмыковым – известным в то время советским латиноамериканистом и специалистом по бразильской истории. В этой части исследования в центре нашего внимания будет именно «текст». Автор отдает себе отчет в том, что к 1991 году Н.П. Калмыков не мог писать иначе, а если бы он это делал – ему, вероятно, не нашлось места ни в этом коллективном издании, ни в одном советском университете и академическом институте. Подобная ситуация в рамках поздней советской латиноамериканистики была вызвана «монополизацией историографического производства»¹⁷⁵.

Итак, обратимся непосредственно к тексту.

Согласно Н.П. Калмыкову история Бразилии полностью вписывалась в схемы классовой борьбы, и именно классовые противоречия были основными движущими силами исторических изменений в Бразилии. Это признавалось и самим Н.П. Калмыковым, написавшим Предисловие к кол-

¹⁷⁵ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность. – С. 491.

лективной монографии. В Предисловии он открыто декларировал, что «...труд написан с марксистских методологических позиций. Теория смены общественно-экономических формаций – теоретическая канва при анализе исторического процесса и убедительный способ его объяснения...»¹⁷⁶.

Это, вероятно, подчеркивает, что в советской модели исторического знания история Бразилии писалась и создавалась как определенный концепт, основанный не на принадлежности и причастности к методологии исследования, а на выражении социальных и транслировании политических позиций¹⁷⁷. По мнению Н.П. Калмыкова, которое не оригинально, а характерно для советского исторического дискурса, появление независимой Бразилии было не результатом националистического движения, а «острой классовой и политической борьбы»¹⁷⁸.

В концепции истории Бразилии, не предлагаемой, а разделяемой к началу 1990-х годов Н.П. Калмыковым, не было место для политического и гражданского национализма. Это было вызвано общим состоянием советской латиноамериканистики того времени, которое неотделимо от тенденций развития советской модели гуманитарного знания в целом. Анализируя особенности советской историографии, татарская исследовательница Д. Усманова предполагает, что ее отличительными особенностями были «...целенаправленное создание истории классов и классовой борьбы, жесткий идеологический пресс, тотальный контроль, отрицание историографического наследия прошлого... унифицированность исторического мышления и ограниченность методологического кругозора...»¹⁷⁹.

Предполагалось, что появление независимой бразильской государственности стало результатом «противостояния двух классов – крупных земельных собственников и массы безземельных или малоземельных сельских жителей»¹⁸⁰. Историческая динамика почти не интересовала советских историков, когда речь шла об Империи – поэтому, и установление Республики описывалось крайне поверхностно, рассматриваясь почти как число механическая смена одной формы правления другой¹⁸¹. В рамках со-

¹⁷⁶ История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века / ред. Н.М. Лавров. – М., 1991. – С. 6.

¹⁷⁷ О позиции исследователя в контексте конъюнктуры см.: Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 41 – 42.

¹⁷⁸ Калмыков Н.П. Бразильская империя (1822 – 1889) / Н.П. Калмыков // История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века / ред. Н.М. Лавров. – М., 1991. – С. 237.

¹⁷⁹ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // Ab Imperio. – 2003. – No 3. – С. 351.

¹⁸⁰ Калмыков Н.П. Бразильская империя (1822 – 1889). – С. 237.

¹⁸¹ Там же. – С. 248.

ветского историографического дискурса история Империи предстает как история стагнации.

В частности, Н.П. Калмыков утверждал, что провозглашение независимости не повлияло на характер социальных и экономических отношений¹⁸². Собственно история Империи советскую историографию почти не интересовала. Исследования, посвященные Империи, превратились в перечислении ее политических неудач, существовавших тогда социальных и экономических противоречий. Более того, советская историография порой доходила до теоретического абсурда, сводя всю историю Империи в Бразилии к исключительно истории... республиканского движения и различных восстаний¹⁸³, в том числе – и сепаратистских, которые в советском историографическом дискурсе оценивались позитивно как антиимперские движения, несмотря на то, что приводили ко временному отколу от Бразилии целых провинций.

История Империи в советской историографии фактически не была историей империи, но представляла как история непрерывной классовой борьбы, антиимперского и республиканского движения. «Борьба между монархистами и республиканцами никогда не утихала»¹⁸⁴ – универсальная формула бразильской истории, которая, по мнению Н.П. Калмыкова, объясняла исторические процессы в Бразилии. Советскую историографию при этом не смущало то, что подобный подход вел к фактическому исключению из сферы исследовательского внимания значительного числа проблем, непосредственно связанных именно с историей Империи.

Симпатии советского историка были явно на стороне республиканцев: «...с жадностью ловили бразильские республиканцы вести из Европы, где снова стали возрождаться революционные настроения...»¹⁸⁵. По мнению советских латиноамериканистов, появление Империи досадное недоразумение, историческая случайность. Поэтому, республиканское движение, которое в Империи существовало, в советском историографическом дискурсе идеализировалось, преподносилось как почти единственная реальная политическая сила в Бразильской Империи.

В большинстве процессов бразильской истории имперского периода советские историки были склонны искать республиканские и революционные тенденции: даже то, что в Бразильской Империи установилась конституционная монархия (по определению Н.П. Калмыкова, «монархия была поставлена в конституционные рамки»¹⁸⁶) позиционировалось как... шаг в сторону республиканского правления. Советские историки были вы-

¹⁸² Там же. – С. 239.

¹⁸³ Там же. – С. 239 – 243.

¹⁸⁴ Там же. – С. 241.

¹⁸⁵ Там же. – С. 237.

¹⁸⁶ Там же. – С. 238.

нуждены констатировать и значительный прогресс, который хронологически совпал с существованием в Бразилии имперского строя.

При этом для Н.П. Калмыкова характерны попытки сократить до минимума использования слова «империя» и производных от него. Вероятно, именно поэтому история предстает обезличенной – в ней нет места умеренному в своих политических взглядах императору Педру II. История в этом контексте – история социальных перемен, экономического роста и развития капитализма¹⁸⁷, но не история Бразильской Империи.

В заключение настоящего раздела подведем его итоги.

В советской модели латиноамериканского гуманитарного знания история играла важную роль, будучи подвергнутой сознательной идеологизации. Именно поэтому в советском научном дискурсе история Латинской Америки, в том числе – и история Бразилии, была, по выражению З.Е. Когута¹⁸⁸, сферой, где проходила битва за идентичность. Формирование и поддержание, а так же постоянное воспроизводство советской политической идентичности в исследовательской и академической сфере стимулировало сохранение особого типа политической лояльности. Эта лояльность базировалась на нормах советской идеологии, отвечая требованиям, предъявляемых системой тем, кто входил в нее.

В такой ситуации все советские гуманитарии были вовлечены в процесс постоянного производства и воспроизводства политических нарративов, которые «прикладывались» не только к государственной, но и исследовательской сфере. Вероятно, именно в силу этого советские латиноамериканисты, занятые изучением бразильской истории имперского периода, занимались ни чем иным как «деимпериализацией» интеллектуального и исторического пространства, критикуя империю более рьяно, чем их бразильские коллеги.

¹⁸⁷ Там же. – С. 244 – 245.

¹⁸⁸ Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 219.

ЧАСТЬ 3

ИМПЕРИЯ: ДИСКУРСЫ СОЦИАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО

ESCRAVOS И DE GANHOS: АНТИИМПЕРСКИЙ ПРОТЕСТ В БАЙЕ НА РАННЕМ ЭТАПЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ БРАЗИЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

История Империй – это и история антиимперских движений, движений внесистемных, альтернативных, движений социального протеста, сопротивления и несогласия. Существование любой империи в истории неизбежно порождает и антиимперский протест. Формы этого протеста и несогласия в зависимости от эпохи и социальных условий, политических процессов и религиозных предпочтений населения могут значительно варьироваться и различаться. Империи представляли собой тот тип государственности, который отличался тенденциями к последовательной иерархизации общества.

В истории империй, вероятно, просматривается определенная тенденция, связанная со степенью современности или архаичности имперских политических структур, а так же социальных и экономических отношений. Это характерно для империй европейского типа, которые существовали на протяжении второй половины XVIII, всего XIX и начала XX столетий.

В наиболее развитых современных империях, в частности – в Германской, Австро-Венгерской и Британской, условия для применения политического и физического насилия в рамках протестных движений были минимальны. Исключения составляют имперские периферии Британии, Ирландия и Индия, где политический национализм переплетался с этническим, развиваясь и функционируя в совокупности с социальными проблемами и религиозными противоречиями.

На протяжении XIX века наиболее архаичными империями являлись Российская, Османская и Бразильская, европейскость которых может быть в одинаковой степени оспорена. Исключим из этой триады Османскую Империю в виду того, что в XIX столетии этот «больной человек Европы» воспринимался как человек восточный, нежели действительно европейский. Российская и Бразильская Империя были близки в виду значительной социальной архаики экономических и производственных отношений на фоне европейского характера политических элит.

Близость носителей «высокой культуры» в Бразильской Империи к европейским традициями и нормам была, вероятно, даже больше чем у

российских правящих элит. В этой ситуации Бразильская Империя, расположенная в Южной Америке, была более европейской, чем Российская Империя, частично расположенная в Европе. Выше мы констатировали, что эти две Империи близки в сфере социальных отношений, точнее – их архаики, которая проявлялась в существовании в Бразилии института рабства¹⁸⁹, а в России – крепостничества.

И рабство, и крепостное право были теми факторами, которые в наибольшей степени стимулировали протест рабов в Бразилии и крепостных крестьян – в России. Динамика и проявления крестьянских войн, восстаний и бунтов в Российской Империи относится к числу тем достаточно изученных – поэтому, не имеет смысла останавливаться на особенностях крестьянского протеста в России.

В настоящем разделе мы остановимся на социальном протесте в Бразильской Империи, сосредоточив внимание на восстаниях негров-рабов, которые проходили под мусульманскими лозунгами, протекая как протест в одинаковой степени социальный и религиозный.

Истоки социального протеста негров в Бразильской Империи разнообразны. По мнению Абу Альфа Мухаммада Шарифа бин Фарида нередко они были связаны со спорадическими вспышками «восстания, сопротивления и постепенной социальной трансформации»¹⁹⁰, которые размывали традиционные отношения в рамках негритянских сообществ в Империи¹⁹¹, последовательно способствуя их радикализации и переходу к насильственным методам в политический процесс, из которого они в силу своего статуса были фактически исключены¹⁹².

Негры, проживавшие в Бразильской Империи, и которые являлись рабами в Империю попадали или естественным путем, или будучи привезенными из Африки¹⁹³. Африканские культурные нормы, принесенные неграми через океан были архаичными и традиционными. В Бразильской Империи они сталкивались с новыми культурами и идентичностями, в том

¹⁸⁹ Patterson H.O. *The Sociology of Slavery* / H.O. Patterson. – Rutherford, 1969.

¹⁹⁰ Abu Alfa Muhammad Shareef bin Farid, *The Islamic Slave Revolts of Bahia, Brazil. A Continuity of the 19th Century Jihaad Movements of Western Sudan* / Abu Alfa Muhammad Shareef bin Farid. – Pittsburgh, 1418. – P. 6.

¹⁹¹ Costa Brito Ê.J. da, Malandrino B.C. *História e Escravidão: Cultura e Religiosidade Negras no Brasil – Um Levantamento Bibliográfico* / Ê.J. da Costa Brito, B.C. Malandrino // *Revista de Estudos da Religião*. – 2007. – dezembro. – P. 112 – 178.

¹⁹² Luna F.V. *São Paulo: População, Atividades e Posse de Escravos em Vinte e Cinco Localidades (1777-1829)* / F.V. Luna // *Estudos Econômicos*. – 1998. – Vol. 28. – No 1. – P. 99 – 169.

¹⁹³ Mahdi A. *The delivery of Slaves from the Central Sudan to the Bight of Benin in the Eighteenth and Nineteenth Centuries* / A. Mahdi // *The Uncommon Market: Essays in the Economic History of the Atlantic Slave Trade* / eds. H.A. Gemery, J.S. Hodgendorf. – NY., 1979. – P. 163 – 180; Curtin Ph. D. *The Atlantic Slave Trade: A Census* / Ph. D. Curtin. – Madison, 1969; Davidson B. *The African Slave Trade* / B. Davidson. – Boston, 1961.

числе и связанными с негритянскими сообществами. Эти культуры объективно были более развиты, чем нормы, принесенные из Африки, что способствовало размыванию и разрушению традиционных негритянских идентичностей.

Те негры, которые родились в Империи проходили социализацию в условиях культуры, которая была в значительной степени европейской и, вероятно, единственным языком их общения мог быть португальский с некоторыми лексическими негритянско-африканскими лексическими заимствованиями. Нередко их социализация протекала и в рамках христианской католической модели в то время, когда часть негров, доставленных из Африки, исповедовала ислам.

В условиях Бразильской Империи ислам был формой социального протеста негров против их статуса. В этой ситуации социальный вызов, направленный против Империи, сочетался и смыкался с религиозным. В той ситуации, когда негры в Империи идентифицировали себя именно с религиозными и культурными нормами способствовало тому, что «угнетаемая группа имеет возможность защищать свою собственную идеологию и культуру, что проявлялось в насилии»¹⁹⁴, направляемом против доминирующего сообщества и его культуры.

Ситуация с негритянским протестом в Бразильской Империи, в частности – в Байе, осложняется и тем, что исламские тренды были представлены не только рабами, но и свободными жителями города¹⁹⁵, которые сохранили часть культурно-религиозных норм, принесенных из Африки, в том числе – и ислам. Байя была одним из экономических центров в Бразильской Империи, где проживало значительное число мусульман. Кроме этого в Империи Байя относилась к числу наиболее развитых регионов, который сформировался как экономический центр, чему способствовала торговля сахаром, спрос на который на внешних рынках возрос в 1800-е годы¹⁹⁶.

В Байе проживало немало мусульман, которые принимали участие в восстаниях 1822, 1826, 1827, 1828, 1830 и 1835 годов. Несвободное черное население, например, в Байе к 1807 году составляло 25.052 человека, в то время когда свободных белых (как правило, лузо-бразильцев) в городе проживало 14.260 человек. Третьей категорией было свободное цветное население, составлявшее 11.350 человек¹⁹⁷.

¹⁹⁴ Abu Alfa Muhammad Shareef bin Farid, *The Islamic Slave Revolts of Bahia, Brazil. A Continuity of the 19th Century Jihaad Movements of Western Sudan*. – P. 7.

¹⁹⁵ Ibid. – P. 7.

¹⁹⁶ Schwartz S.B. *Sugar Plantations in the Formation of Brazilian Society: Bahia, 1550 – 1835* / S.B. Schwartz. – Cambridge, 1989.

¹⁹⁷ Prince H. *Slave Rebellion in Bahia: 1807-1835* / H. Prince. – Columbia University, 1972 (PhD Dissertation). – P. 56 – 57.

К 1850 году, к моменту прекращения экспорта рабов в Бразильскую Империю, в страну было ввезено около трех миллионов африканцев¹⁹⁸. Процент несвободного населения был очень значителен, что делало социальную ситуацию в тогда еще португальской Бразилии, а позднее – и в Бразильской Империи, крайне нестабильной.

Негры, которые жили на территории Империи в 1820-е годы, условно могут быть разделены на две группы – рабов (*escravo*) и полунезависимых негров, связанных с бывшими хозяевами (*de ganho*)¹⁹⁹. *Cantos de pretos* – оживленные места Байе, связанные с рынками – использовались двумя категориями негров для встреч, что вело к обмену информацией между представителями этих сообществ.

К категории *de ganho* в социальной структуре Байи были близки мулаты. Мулаты представляли собой особую категорию в социальной организации бразильского общества периода Империи. Мулаты могли быть крупными собственниками и обладать всеми политическими правами, не уступая в своем статусе белым, а иногда и превосходя их экономическим влиянием. Но такие мулаты в официальных документах могли значиться как белые. При этом, чем белее была их кожа – тем больше шансов у них было в деле продвижения вверх по социальной лестнице. Среди мулатов большинство составляли католики. Часть мулатов достигла в Империи высокого положения. В 1831 году Жозе Корнейра ди Силва писал, что среди мулатов немало рабовладельцев, собственников плантаций и обширных пастбищ, которые занимают государственные должности²⁰⁰.

Среди рабов было немало мусульман, что относится к неграм, привезенным из Африки и принадлежавшим к этническим группам хауса, нупе, фулани и малинке. Негры из групп йоруба, асанте, дахоми принадлежали к сообществам, которые подвергались исламизации²⁰¹. Ислам был важным фактором, который способствовал консолидации черных рабов в Бразильской Империи на раннем этапе ее существования. Именно ислам способствовал консолидации черных сообществ, содействовал росту грамотности, так как обучать негров-рабов португальскому языку было запрещено. Факторы религиозной непринадлежности к вере господ (католицизм) и нерав-

¹⁹⁸ Bivar Marquese R. de, *The dynamics of slavery in Brazil – Resistance, the slave trade and manumission in the 17th to 19th centuries* / R. de Bivar Marquese // *Novos estudos*. – 2006. – No 2.

¹⁹⁹ Klein H.S. *African Slavery in Latin America and the Caribbean* / H.S. Klein. – Oxford, 1986; Klein H.S. *The Colored Freedmen in Brazilian Slave Society* / H.S. Klein // *Journal of Social History*. – 1969. – Vol. 3. – No 1. – P. 30 – 52; Pierson D. *Negroes in Brazil* / D. Pierson. – Chicago, 1942.

²⁰⁰ Bivar Marquese R. de, Parron T.P. Azeredo Coutinho, *Visconde de Araruama and Memória sobre o comércio dos escravos de 1838* / R. de Bivar, T.P. Parron // *Revista de História*. – 2005. – Vol.152. – No 1. – P. 122.

²⁰¹ Abu Alfa Muhammad Shareef bin Farid, *Op. cit.* – P. 25.

ноправный социальный статус провоцировали восстания с участием бразильских мусульман.

Часть восстаний приходится на ранний этап существования Бразильской Империи – период между 1822 и 1830 годами. Создание Империи принесло освобождение лузо-бразильцам, а так же незначительному числу местных креолов и мулатов. В Байте в период ранней Империи среди собственников плантаций определенный процент составляли мулаты и креолы. 1822 год был отмечен не только появлением Империи, но и тремя восстаниями негров, которые частично протекали под мусульманскими лозунгами. Волнения начались в поселении Сан Матеус. Лидерами восстания были Клаудину ди Езус и Луиз Бенгуела, которые руководили отрядам из семидесяти негров. Восстание было подавлено сравнительно быстро, более пятидесяти восставших было убито.

В 1822 году произошло восстание в Итапарике, которое так же было быстро подавлено, а негры, принимавшие в нем участие, частично были убиты, частично подвергнуты наказаниям. Наиболее крупное восстание 1822 года произошло в Сальвадоре²⁰². На подавление восстания были отправлены войска генерала Педру Лабутата. В результате действия правительственных войск 21 человек был убит в ходе сражения, 51 казнен после подавления восстания, 12 – подвергнуто публичным наказаниям. В 1826 году состоялось восстание, которое возглавил Жозэ да Силва Баррос, принадлежавший к этнической группе йоруба. Восстание было сравнительно быстро подавлено.

Восстания 1822 и 1826 годов сближает то, что рабы пытались реорганизовать социальные отношения в рамках контролируемого ими сообщества. Лидеры восставших объявляли себя королями, пытаясь реанимировать африканские традиции и обычаи. В этом контексте антиимперский проект был, вероятно, не антиимперским по своей природе, а направленным на восстановление архаики, разрушение которой связывалось с пленением и переселением из Африки на территорию Бразильской Империи.

В декабре 1826 года состоялось восстание негров в Уруба. Более ста негров сбежали с плантации и собрались в месте, называемом «quilombo», где она занялись совершением обрядов, сочетавших христианские и языческие традиции²⁰³. Восставшие напали на одно из лузо-бразильских селений, убив при этом несколько белых. Первоначально восстание пытались подавить местные плантаторы. Во время стычки с неграми трое нападавших на них были убиты. Среди убитых оказался и один из местных земельных собственников, который был мулатом. Восстание было подавлено только спустя несколько недель.

²⁰² Andrade M.J. A Mão-de-Obra Escrava em Salvador, 1811-1860 / M.J. Andrade. – São Paulo, 1988.

²⁰³ Abreu M.C. O império do divino: festas religiosas e cultura popular no Rio de Janeiro, 1830-1900 / M.C. Abreu. – Rio de Janeiro – São Paulo, 1999.

На протяжении 1828 – 1830 годов восстания негров проходили в городах, в том числе – и в Сальвадоре. В апрельском восстании 1830 года приняли участие, как рабы, так и полусвободные негры, нападавшие на рынок, освободившие около ста новопривезенных рабов и убившие несколько белых. Восстание, как и другие, было быстро подавлено. В подавлении приняли участие, как войска, так и местные белые, а так же мулаты.

Наиболее крупным восстанием, которое проходило под исламскими лозунгами, было январское восстание 1835 года²⁰⁴. Организаторами восстания были свободный житель Байи, торговец табаком Элисбау ду Карму и раб Луис, чье мусульманское имя было Санним. Оба исповедовали ислам. Восстание было одним из наиболее организованных и готовилось в течение года. Восставшие захватили тюрьму, освободив негров и убив двух охранников. Но и это восстание, подобно другим, несмотря на организацию и размеры было подавлено в течение двух дней.

Подводя итоги этого раздела, следует акцентировать внимание на нескольких особенностях негритянских восстаний в Бразильской Империи, которые частично протекали под исламскими лозунгами. Значительная часть восстаний имела стихийный характер, протекая под традиционалистскими лозунгами. В такой ситуации мы, вероятно, можем предположить, что на раннем этапе существования Бразильской Империи политический и социальный антиимперский дискурс не сложился. Поэтому, восстания 1820-х годов были, скорее всего, не антиимперскими, не антисистемными, но традиционалистскими. Африканские и частично исламские традиции, которые предлагались восставшими в качестве культурной, политической и социальной альтернативы не могли конкурировать с политическими традициями белого и креольского населения.

Восстания имели важные последствия для развития бразильского национализма и идентичности. Лузо-бразильцы, а так же мулаты, которые стояли на более высоких ступенях социальной лестницы, чем черные рабы, осознали, что успешное функционирование экономики, частично основанной на труде рабов, вероятно, невозможно без изменения отношения к неграм, привезенным и привозимым из Африки. Восстания стали стимулом для развития, с одной стороны, национального воображения, в рамках которого формировался образ негра, а, с другой, стимулировали попытки плантационной администрации и других социальных акторов, направленные на некоторую негров в бразильский португалоязычный культурный контекст.

²⁰⁴ Kent R.K. African Revolt in Bahia: 24 – 25 January 1835 / R.K. Kent // Journal of African History. – 1970. – Vol. 3. – No 4. – P. 334 – 356; Reis J.J. Slave Rebellion in Brazil: The African Muslim Uprising in Bahia, 1835 / J.J. Reis. – University of Minnesota, 1983 (PhD Dissertation); Barickman B.J. A Bahian Counterpoint: Sugar, Tobacco, Cassava, and Slavery in the Recôncavo, 1780-1860 / B.J. Barickman. – Stanford, 1998.

Вероятно, такой литературный персонаж как рабыня Изаура, созданный воображением Бернарду Гимараэша и «жившая» в первые годы правления второго бразильского императора, так и не возник бы без той социально-религиозной активизации негров на раннем этапе существования Бразильской Империи.

СЕПАРАТИСТЫ, НАЕМНИКИ, CABANAGEM, FARRAPOS, BALAIADA, PRAEIRA И ДРУГИЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В БРАЗИЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Бразильская Империя принадлежала к числу имперских государств, что, в свою очередь, влекло формирование не просто особого типа политической культуры и идентичности, но так же и особой политической лояльности, которая принималась не всеми жителями страны. Традиционно в Империях определенный процент их жителей в силу тех или иных причин склонен не принимать сам имперский тип политической организации, отторгая и не признавая имперские политические институты.

Такие люди, протест которых против Империи нередко развивался под республиканскими лозунгами, сознательно не принимали и отторгали Империю, приписывая ей архаичный характер, полагая, что республиканский тип правления в наибольшей степени соответствует предпочтениям граждан. В советской латиноамериканистике доминировал своеобразный «большой нарратив», согласно которому вся история Империи была историей республиканских антиимперских движений, стремившихся установить в Бразилии республиканское правление²⁰⁵.

В Бразильской Империи существовали не только условия для политического протеста, но и традиции антиимперских политических движений, которые развивались под влиянием различных факторов – внутренних и внешних. Вероятно, важнейшим внешним фактором, который стимулировал антиимперский протест, было то, что все государства, которые сложились в Латинской Америке в результате национальных движений, всплеска политического и гражданского национализма, отделения от Испании, избрали в качестве модели развития республику.

Успехи республиканцев в строительстве национальных государств в других странах Южной Америки, вероятно, в значительной степени стимулирующее влияли на антиимперский протест. С другой стороны, хотя Бразилия и стала Империей после провозглашения независимости, политический режим был относительно либеральным, что создавало не только условия для политического участия, но и для открытого политического протеста, в том числе – и против Империи.

Восстания имели разный состав участников, которые являлись носителями различных социальных и культурных идентичностей. Особым проявлением протеста были восстания негров – рабов, а так же различных ка-

²⁰⁵ Это, в частности, характерно для раздела посвященного Бразильской Империи в четырехтомной «Истории Латинской Америки». См.: Калмыков Н.П. Бразильская Империя (1822 – 1889) / Н.П. Калмыков // История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века / отв. ред. Н.М. Лавров. – М., 1991. – С. 237 – 247.

тегорий свободного и полусвободного населения²⁰⁶. Восстания были реальной проблемой для имперских властей почти на протяжении всего периода существования Бразильской Империи.

В настоящем разделе мы остановимся на антиимперских политических движениях, точнее – на наиболее крупных из них – восстаниях середины 1820-х, конца 1820-х – первой половины 1830-х, конца 1830-х – первой половины 1840-х, конца 1840-х – начала 1850-х, середины 1870-х годов.

Бразильская Империя была не самым стабильным в политической сфере государством имперского типа, периодически сталкиваясь с вызовом со стороны массовых движений, которые ставили под сомнение ее легитимность. Столь частые внесистемные активизации подданных Империи, вероятно, свидетельствует о правоте предположения американского исследователя Э. Хоффера²⁰⁷, считавшего, что отличительной особенностью массовых движений является их взаимосвязь и сменяемость, генетическая связь между ними.

Одним из первых крупных проявлений антиимперского протеста в Бразильской Империи, которое протекало под республиканскими лозунгами, было восстание 1824 года, которое вылилось в попытку отделения части провинций, провозгласивших Конфедерацию Экватора (*Confederação do Equador*). Восстание развернулось на Северо-Востоке Бразилии, его инициаторами выступили крупные земельные собственники недовольные внутренней политикой Педру I.

Центрами восстания были Пернамбуко, Цеара, Ресифи. Восстание, ставшее проявлением националистического гражданского (политического) националистического возбуждения, протекало под лозунгами республиканского национализма. Именно поэтому на флаге Конфедерации в качестве девиза значилось «Religião, Independência, União, Liberdade». Четыре эти категории, заявленные в качестве политических приоритетов и ориентиров, вероятно, свидетельствует о том, что национализм в Конфедерации Экватора был далек от своего институционального и идеологического оформления, о чем, в частности, свидетельствует то, что наряду с тремя светскими, вполне приемлемыми для гражданского национализма категориями («независимость», «союз» и «свобода»), декларировалась и «религия».

Подобный набор политических лозунгов-символов подчеркивает и то, что идеологами восстания были носители «высокой культуры», а сам местный национализм развивался как совокупность политических трендов,

²⁰⁶ Этой проблеме посвящен раздел «*Escravos и de ganhos*: антиимперский протест в Байе в 1820 – 1830-е годы» в настоящей книге.

²⁰⁷ См. подробнее: Хоффер Э. Истинноверующий. Мысли о природе массовых движений / Э. Хоффер. – Мн., 2001. – С. 33. См. так же: Hoffer E. The True Believer / E. Hoffer. – NY., 1962.

инициаторами и вдохновителями которых были элиты, в том числе – и традиционалистские, о чем, в частности, свидетельствует наличие «религии» среди лозунгов сепаратистов. Попытка отделения стала не просто проявлением политического протеста и несогласия с политикой Империи – восстание в этой ситуации было своеобразным массовым движением, по определению американского исследователя Э. Хоффера, «средством перемен»²⁰⁸.

Политическим поводом для восстания стал роспуск Педру Учредительного собрания, призванного разработать Конституцию и попытки монарха править самостоятельно, без парламента. Лидером восстания стал Мануэл ди Карвальо, который 2 июля 1824 года провозгласил Конфедерацию, пытаясь создать независимое государство от Байи до Гран-Пары. Конфедерация Экватора была относительно быстро разгромлена правительственными войсками, прекратив свое существование к 9 ноября 1824 года.

Следующим крупным восстанием были волнения ирландских и немецких наемников в 1828 году. Ирландцы и немцы были наняты имперским правительством для участия в войне против Аргентины в 1825 – 1828 годах. Ирландским и немецким наемникам обещали не только денежное жалование, но и свободные земли на территории Империи. Поэтому, большинство ирландцев, принявших участие в восстание, составили представители наиболее беднейших слоев городского населения, нанятых в Ирландии полковником Вилльямом Коттэром по заказу бразильского императорского правительства.

Восстание немецких и ирландских наемников началось в виду плохих социальных условий и того, что обещания вербовщиков не соответствовали предоставленным им условиям. Восстание началось 9 июня 1828 года. Инициаторами волнений стали немецкие наемники, которые вступили в конфликт с бразильским офицером. Вскоре к немцам присоединились и ирландцы²⁰⁹. 10 июня 1828 года власти Рио-де-Жанейро приступили к подавлению восстания.

Вероятно, размах восстания поразил их настолько, что они пошли на вооружение черных рабов и направление их на подавление восстания наемников. Помощь в подавлении восстания оказали британцы и французы,

²⁰⁸ Хоффер Э. Истинноверующий. – С. 19.

²⁰⁹ Об этом восстании см. подробнее: Allendorfer F. von, *An Irish Regiment in Brazil, 1826-1828* / F. von Allendorfer // *The Irish Sword*. – 1957. – Vol. III. – No 10. – P. 18 – 31; Basto F.L.B. *Ex-Combatentes Irlandeses em Taperoa* / F.L.B. Basto. – Rio de Janeiro, 1971; Bruce D.R. *Irish Mercenary Soldiers in Brazil, 1827-1828* / D.R. Bruce // *The Irish Link*. – 1998. – No 3; Koebel W.H. *British Exploits in South America: A History of British Activities* / W.H. Koebel // *Exploration, Military Adventure, Diplomacy, Science, and Trade in Latin America*. – NY., 1917; O'Maidin P. *An Irish Mutiny in Brazil and a Betrayal* / P. O'Maidin // *The Cork Examiner*. – 1981. – May, 21; Rees R. *Some Other Place than Here: St. Andrews and the Irish Emigrant* / S. Rees. – Dublin, 2000.

несколько военных кораблей, которые находились на рейде Рио-де-Жанейро. Окончательно восстание было подавлено лишь к 12 июня 1828 года. После подавления восстания перед имперскими властями встала задача окончательного урегулирования и разрешения конфликта.

Что касается ирландцев, то их принудительно отправили в Ирландию, хотя части из них удалось переселиться в США и Канаду. Поступить аналогичным образом с немцами, выслав их в Европу, имперские власти не решились. В результате немецкие наемники, принявшие участие в восстании, были переселены на Юг Империи, в частности – в Риу-Гранди-ду-Сул. Впрочем, позднее выяснилось, что подобная тактика относительно немцев была не самым лучшим вариантом в виду того, что в провинции возникли компактные немецкие поселения, а местные немцы стали социальной базой последующих антиимперских движений и восстаний.

Среди этих движений одним из наиболее крупных и массовых было восстание сабанagem, охватившее провинцию Гран-Пара с 1835 по 1840 год, приведшее к сокращению сотысячного населения провинции до шестидесяти тысяч. Слово сабанagem в бразильском варианте португальского языка в Империи означало тип жилища, который использовался наиболее бедными слоями – метисами и мулатами, индейцами и бывшими рабами.

Наиболее важными причинами, которые побудили провинцию восстать, был неравный статус с другими провинциями Империи, а так же крайне высокий уровень социальной напряженности в регионе²¹⁰. Социальный состав участников движения отличался разнообразием: наряду с социальными и культурными маргиналами в нем принимали участие и представители местной землевладельческой элиты, движимые не социальными, а политическими амбициями.

Восстанию предшествовало распространение среди местной элиты федералистских идей, которые активно использовались ими в борьбе с центральным правительством ради повышения своего собственного статуса и статуса провинции среди других территорий Бразильской Империи. Восстание началось в январе 1835 года с захвата восставшими города Белем, убийства служащих местной администрации и освобождения заключенных.

Восставшие создали новую администрацию во главе с Клементом Малчером, Франсиско Винагри и Эдуарду Анжелимом²¹¹. В этом отношении восстание не отличалось уникальностью. Комментируя подобные движения Э. Хоффер писал, что лидеры таких движений, как правило, связаны с политической элитой, выражают недовольство своим положением,

²¹⁰ Об этом массовом движении периода регентства в истории Империи см. подробнее: Cancian R. Cabanagem (1835-1840): Uma das mais sangrentas rebeliões / R. Cancian <http://noticias.uol.com.br/licaodecasa/materias/fundamental/historia/brasil/>

²¹¹ Клемент Малчер (Malcher) был землевладельцем английского происхождения в то время, как Фр. Винагри и Э. Анжелим были связаны с лузо-бразильской аристократией.

но преувеличивая свои возможности, идут на открытый конфликт с системой, пытаясь ее разрушить²¹².

Лидеры восстания не были удовлетворены своим политическим статусом и положением провинции в составе Империи. Вскоре среди лидеров восстания произошел раскол: К. Малчер полагал необходимым сохранить провинцию в составе Империи, начав с центральным правительством переговоры о ее статусе; Ф. Винагри и Э. Анжелим настаивали на отделении от Бразильской Империи и создании независимого государства²¹³.

В восстании возобладали радикальные тренды: Клемент Малчер был убит, а его труп в течение дня возили по улицам Белема. Но Ф. Винагри и Э. Анжелим не были в состоянии удержать контроль над провинцией и в июле 1835 года в Белем вошли правительственные войска, откуда к августу того же года их вновь выбили повстанцы, которые после этого в течение десяти месяцев контролировали провинцию. Весной 1836 года правительственные войска вновь попытались взять мятежную провинцию под контроль. В мае 1836 года восставшие были вытеснены из столицы, что не означало окончательного подавления восстания, которое продолжалось до 1840 года, охватив внутренние районы провинции.

Почти одновременно с восстанием *cabanagem* началось и движение *farrapos*, известное как *Guerra dos Farrapos* и *Revolução Farroupilha*, продолжавшееся с 1835 по 1845 год. Восстание, возглавляемое бразильскими генералами Бенту Гонсалвишем да Силвой и Антониу де Соуза Нету, протекавшее под сепаратистскими и республиканскими лозунгами, охватило территорию провинций Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул.

Восстанию способствовала специфика местной экономики, которая была ориентирована в отличие от других провинций не на внешний рынок, а на другие регионы Бразильской Империи. Восстанию способствовала и конкуренция с Аргентиной и Уругваем, которые подобно Риу-Гранди-ду-Сул были крупными поставщиками мяса на рынок Империи. В конкуренции с ними провинция явно проигрывала.

Политическая ситуация в провинции была напряженной. Первым президентом стал Антониу Родригес Фернандес Брага, которого вскоре отстранил от власти генерал Бенду Гонсалвиш. Новым президентом стал Марсиану Пирейра Рибейру. Одновременно в рамках восстания резко активизируются маргинальные группы, которые представляли радикальные тренды и течения сепаратистского движения. Они известны под названием «*farrapos*» (фаррапос) или – «оборванцы». К осени 1836 года провинцию контролировал мятежный генерал Антониу де Соуза Нету, который 11 сентября провозгласил независимость провинции.

²¹² Хоффер Э. Истинноверующий. – С. 27.

²¹³ См. подробнее: Chiavenato J.J. *Cabanagem, o povo no poder* / J.J. Chiavenato. – São Paulo, 1984; Chiavenato J.J. *As lutas do povo brasileiro* / J.J. Chiavenato. – São Paulo, 1988.

Но этот политический шаг к тому времени имел чисто символический характер, будучи неудачной попыткой придать легитимность тем преобразованиям, которые пытались провести сепаратисты. Однако попытка расколоть Империю завершилась неудачей: начиная с 1836 года политическая инициатива была уже в руках центральных властей. В 1839 году сепаратисты в Риу-Гранди-ду-Сул и Санта-Катарине вновь попытались предпринять активные действия, заручившись поддержкой со стороны итальянских наемников, которых возглавил Джузеппе Гарибальди.

Фаррапос при поддержке итальянцев захватили город Лагуну, столицу Санта-Катарины, но, спустя несколько месяцев, в условиях наступления правительственных войск, оставили город. В начале 1840-х годов центральное правительство предприняло шаги, направленные на урегулирование конфликта. В частности, в 1840 году участникам восстания была объявлена амнистия. Но только в марте 1845 года мятежные провинции заключили соглашение с центральными властями, которые гарантировали не только амнистию сепаратистам, но и содержали пункты, касающиеся приема лидеров сепаратистов в армию Бразильской Империи на офицерские должности, а так же выплатой Империей всех долгов провинции.

В период восстания фаррапос на территории Бразильской Империи имело место и другое социальное массовое движение – балайада на территории провинции Мараньян. Движение продолжалось с 1838 по 1841 год. Восстание имело преимущественно экономические причины: регион был ориентирован на внешний рынок и не выдерживал конкуренции с динамично растущей экономикой США. На территории провинции шла напряженная борьба между местными либералами и консерваторами. Либералы имели поддержку со стороны мелких и средних собственников в то время, как консерваторы опирались на традиционные политические элиты, связанные с лузо-бразильской аристократией²¹⁴.

Восстание началось со стычек средних собственников со сторонниками аристократов, что привело к нападению на город Кашиас и освобождение заключенных из местной тюрьмы. На раннем этапе движения местные либералы пытались взять его под свой контроль, но тенденции к радикализации оказались очень значительными. На подавление восстания были направлены войска под командованием генерала Луиса Алвеса де Лимы и Силвы, которые к 1841 году установили контроль над территорией провинции.

²¹⁴ Dias C.M. *Balaaios e Bem-te-vis: a guerrilha sertaneja* / C.M. Dias. – Teresina, 2002; Mônaco Janotti M. *A Balaiada* / M. Mônaco Janotti. – São Paulo, 1987; Otávio R. *A Balaiada* / R. Otávio. – Rio de Janeiro, 1942; Otávio R. *A Balaiada 1839: depoimento de um dos heryis do cerco de Caxias sobre a Revolução dos "Balaaios"* / R. Otávio. – São Paulo, 2001; Villela Santos M.J. *A Balaiada e a insurreição de escravos no Maranhão* / M.J. Villela Santos – São Paulo, 1983.

Крупным социальным и протестным движением было восстание в Пернамбуку, длившееся с 1848 по 1852 год и в некоторой степени ставшее отголоском европейских революций 1848 года. Движение стало результатом недовольства местных элит консолидацией Бразильской Империи. События 1848 – 1852 годов были серией городских волнений и восстаний, возникших в результате противоречий между местными либералами, противниками монархии и сторонниками раскола Империи на несколько республик, и консерваторами, выступавшими за сохранение Империи и ее консолидацию.

Вероятно, последним крупным восстанием в Бразильской Империи было движение конца 1874 – начала 1875 года, известное как «*revolta do Quebra-Quilos*»²¹⁵. Движение было вызвано введением новых мер веса на Северо-Востоке Бразильской Империи, что привело к разрушению сложившихся торговых отношений. Попытка введения новых налогов так же стимулировало восстание, которое было относительно быстро подавлено местными силами.

Подводя итоги, настоящего раздела следует акцентировать внимание на нескольких аспектах. Большинство восстаний в Бразильской Империи были проявлениями националистического движения, точнее – его наиболее радикальных трендов, которые развивались под республиканскими политическими лозунгами, предлагая альтернативные модели политического и гражданского национализма, основанные не на имперской лояльности, но на республиканской политической идентичности.

Эти националистические движения были явлениями двойственного, переходного, плана, сочетая в себе как тренды, связанные с традициями «высокой культуры», так и внесистемным протестом. Именно эта переходность и была, вероятно, основной причиной поражения восстаний в Бразильской Империи, что было вызвано и относительной стабильностью, а так же устойчивостью имперской идентичности и политической лояльности.

Анализируя массовые протестные движения в Бразильской Империи следует принимать во внимание и то, что Империя представляла собой конструирующуюся нацию, которая выстраивала не только свою национальную и политическую идентичность, но элиты которой трансформировали социальные и культурные отношения, формируя новую, более современную, идентичность. Перед центральными и региональными элитами существовал выбор модернизационной стратегии.

Император и его приближенные полагали, что модернизация должна представлять собой процесс постепенного реформирования и приближения Империи к европейским и американским стандартам в рамках сохранения

²¹⁵ См.: Macêdo M.K. de, *Revoltas populares na Província do Rio Grande: o “Quebra-Quilos”* // <http://www.seol.com.br/rnnaweb/historia/imperio/revoltas.htm>

выбранной политической (имперской) модели развития. Этот вариант представлял, таким образом, модернизационную стратегию, инициаторами которой являлись правящие элиты.

Альтернатива постепенной модернизации сверху была связана с внесистемными националистическими движениями, которые предлагали альтернативный вариант модернизации. Эта стратегия была более радикальной, развиваясь в рамках насильственно предлагаемой республиканской модели. Вероятно, основными методами, которыми сторонники этой модели пытались и стремились реализовать свой модернизационный проект было насилие и политическая сецессия. Но на том этапе Империя была достаточно жизнеспособной, отвечая на насилие ограниченными репрессиями или стремясь интегрировать сепаратистов-мятежников в структуру имперской политической элиты.

Неудачи массовых внесистемных движений способствовала не просто устойчивость Империи, но и тот фактор, что политическая модернизация в Бразильской Империи на том этапе делала свои первые шаги. Кроме этого ограниченные модернизационные мероприятия всецело контролировались и инициировались властями. Успехи модернизации в период правления второго бразильского императора не только сократили число антиимперских радикальных и внесистемных выступлений, но и создали условия для единственного удачного антиимперского движения, которое привело к свержению Империи и установлению в Бразилии Республики.

TEUTO-BRASILEIRO, ÍTALO-BRASILEIRO, LUSO-BRASILEIRO, UCRANIANO-BRASILEIRO: ЕВРОПЕЙСКИЕ СООБЩЕСТВА В БРАЗИЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ (ИДЕНТИЧНОСТЬ, ИНТЕГРАЦИЯ, АССИМИЛЯЦИЯ)

Империи были иерархическим типом государственности, а имперская иерархия базировалась не только на различных социальных ролях и статусах, но так же и на национальной и / или конфессиональной принадлежности подданных. В различных империях эта национальная иерархия имела разнообразные формы и проявления. Подчинение одних групп другим, доминирования одних наций над другими имело территориальные и социально-статусные проявления.

Классическими в этом отношении были, вероятно, две европейские империи и Османская Империя, европейская принадлежность, которой является дискуссионной проблемой. Набор определенных прав, привилегий и обязанностей четко соотносился с национальной и конфессиональной идентичностью, завися и соотносясь имперскими бюрократами (которые выстраивали систему социальных и национальных ролей в империях) с национальной и / или конфессиональной принадлежностью. В частности в Российской Империи неравноправный этнический статус определенных сообществ был связан с тем, что имперская администрация не признавала их в качестве русских. Например, украинцы воспринимались имперскими бюрократами и националистами как неправильные русские.

Своеобразным синонимом национальной и религиозной несправедливости в Российской Империи были евреи, исключенные из системы социальных ролей, вытесненные в локальные, культурные и социальные, сферы коммуникации. Подобное распределение национальных ролей существовало и в Империи Габсбургов, но функционировало в отличие от России в более мягких формах, в условиях фактического признания национального и культурного разнообразия Империи, в атмосфере дискуссий о ее возможной федерализации. Аналогичное по жесткости распределение национальных и социальных статусов, вероятно, действовало в Османской Империи, где христиане и нетурки были выставлены за пределы политического курса.

Нередко неравный характер взаимоотношений в империях был результатом их территориального складывания и пространственного роста. Европейские империи в отношении новых территорий избирали диаметрально противоположные стратегии доминирования и управления. Австро-Венгрия представляла собой конгломерат территорий с четко выраженной национальной, языковой, и иногда религиозной спецификой. В отношении новых территорий Вена руководствовалась стратегией интеграции, что оз-

начало сближение с Империей, но не исключало сохранение национальной и языковой специфики.

Стратегия Российской Империи, которая формировалась как империя в результате территориальных захватов, начавшихся в протоимперский период, в 1550-е годы, была совершенно иной. Россия присоединяла территории, населенные теми, кто в официальном дискурсе Российской Империи известен как «инородцы». Эта «инородческая» политика Империи могла варьироваться в зависимости от региона, но, как правило, сводилась к распространению на новые территории имперского территориального деления и имперской администрации, что позднее выливалось в различные формы ассимиляции, проводимой центром в отношении имперских периферий.

Классические примеры подобной территориальной и национальной политики – Украина и Литва, присоединенные к Империи с разницей в несколько десятилетий. В этих регионах политика Империи относительно местного населения, украинцев и литовцев, сводилась почти исключительно к их национальному угнетению и пресечению попыток национального освобождения. Подобная политика имела разные формы: в частности, на украинские территории Империи было распространено крепостное право, а украинский язык пребывал под запретом до начала XX века. Немногим отличалась политика и в отношении литовцев, которых имперские власти стремились ассимилировать в языковой и религиозной сферах. Литовский язык, подобно украинскому, не только попал под запретом, но имперской администрацией была предпринята попытка принудительной кириллизации литовского алфавита, что, впрочем, закончилось провалом.

Европейские континентальные империи, уровень развития которых в значительной степени отличался (среди них наиболее современной и склонной к трансформацией была Империя Габсбургов, а наименее развитой и, как результат, наиболее авторитарной и склонной к насилию в отношении меньшинств – Империя Романовых), таким образом, демонстрируют различные стратегии политики в отношении национальных территорий и связанных с ними национальных меньшинств, которые базировались на интеграционной или ассимиляционной модели.

В эти стратегии почти не вписывается Бразильская Империя – империя в значительной степени европейская в культурном плане, но южно-американская – в географическом. Территориальные границы и очертания Бразильской Империи, возникшей в 1822 году, сформировались в результате португало-испанского раздела Южной Америки еще в колониальный период. Демографическая ситуация в Империи была неразрывно связана с колонизацией региона европейцами, которые столкнулись и / или встретились в этом регионе с индейцами. Особенности культурного и социального развития индейских групп в Бразильской Империи фактически исключали их из системы имперской национальной и социальной иерархии. В такой

ситуации в качестве меньшинств в Бразильской Империи возникают группы европейского происхождения, численно уступавшие португалоязычным бразильцам – потомкам португальских эмигрантов.

На протяжении существования Бразильской Империи лузо-бразильцы составляли большинство населения, численно доминируя в Империи. Меньшинства возникли в результате колонизационных и миграционных потоков из Европы, которые численно не могли сравниться с португалоязычным лузо-бразильским большинством. Постепенно в Империи возникают национальные сообщества, генетически связанные с Европой, среди которых наиболее крупным и влиятельным были немцы. Из других групп европейского происхождения, которые возникли в имперский период, следует упомянуть итальянцев, англичан²¹⁶ и украинцев. Отдельно следует выделять португальцев, которые образовали своеобразное «невидимое» меньшинство в Империи.

Настоящий раздел будет посвящен проблемам функционирования, социальных трансформаций, интеграции и ассимиляции европейских сообществ в Бразильской Империи.

Крупнейшим непортугалоязычным сообществом были немцы. В бразильской традиции бразильские немцы известны как «teuto-brasileiro» или «germano-brasileiro». Исторически немецкая колонизация в имперский период была направлена на территории Риу-Гранди-ду-Сул, Санта-Катарина и Парана. Первые немцы в Бразильской Империи появились в 1820-е годы²¹⁷, хотя немецкоязычное население зафиксировано и на более раннем этапе, когда Бразилия была португальской колонией. На раннем этапе иммиграции бразильское правительство поручило этническому немцу, офицеру бразильской армии, майору Георгу Антону фон Шефферу вербовать

²¹⁶ В настоящей части исследования речь не идет об англичанах в Бразильской Империи. Проблемы, связанные с выходцами из Британской Империи, затронуты в других («Сепаратисты, наемники, *cabanagem*, *farrapos*, *balaiada*, *praeira* и другие: политический и социальный протест в Бразильской Империи» и «*Presença inglesa e influência britânica*: английские мотивы в формировании идентичности и “высокой культуры” в Бразильской Империи») разделах настоящей монографии. Проблемы, связанные с социо-культурным империализмом, о котором частично речь идет в настоящей части, анализируется так же в разделах «*Linda Marcela*: феминность, мускулиность и культурно-социальный империализм в Бразильской Империи» и «Португальские (галисийские) иммигранты, негры, женщины, гомосексуалисты и буржуа: социальные роли и социо-культурный империализм в поздней Бразильской Империи».

²¹⁷ О ранней истории немцев в Бразильской Империи см.: Hunsche C. *Obiênio 1824/25 da imigração e colonização alemã no Rio Grande do Sul* / C. Hunsche. – Porto Alegre, 1975; Hunsche C. *O ano 1826 da imigração e colonização alemã no Rio Grande do Sul* / C. Hunsche. - Porto Alegre, 1977.

потенциальных иммигрантов. Усилиями Шеффера с 1824 по 1829 год в Империю въехало около пяти тысяч немцев²¹⁸.

Для ранней немецкой иммиграции в Бразильскую Империю характерно то, что приехавшие немецкоязычные мигранты не имели немецкой идентичности, но были носителями регионального самосознания, говоря на различных диалектах немецкого языка. Среди первых немцев в Бразилии были выходцы из разных германских регионов Европы – немецких, австрийских, швейцарских земель. Незначительный процент составляли немцы, приехавшие в Империю из испаноязычных государств Латинской Америки. По подсчетам бразильских исследований, в период существования Империи динамика въезда немцев была различной. В частности, с 1824 по 1847 год в Империю въехало 8.176 немцев, с 1848 по 1872 – 19.523, с 1872 по 1879 – 14.325, с 1880 по 1889 – 18.901. таким образом, за период существования Империи в Бразилию въехало носителей 60.925 немецких диалектов.

В период Империи степень консолидации немецкого сообщества была достаточно высокой, значительное внимание уделялось сохранению языка. В частности, в 1852 году начала выходить одна из первых немецкоязычных газет в Империи «Der Kolonist». Как правило, бразильские немцы в период Империи говорили на диалектах Hunsrückisch, Plautdietsch, Pommersch. Немцы, сохранявшие язык и традиции, выделялись на фоне португальско-лузо-бразильского большинства.

Совершенно иная ситуация сложилась с иммигрантами из Португалии, которых с бразильцами сближал язык и религиозные предпочтения. В то время, как немецкие иммигранты нередко иммигрировали в Бразилию сознательно, успешно интегрируясь в имперское общество, то история португальского сообщества в значительной степени отлична от немецкого опыта. Многие португальцы в период Империи были склонны видеть в Бразилии бывшую португальскую колонию, в отношении которой в Португалии существовали национальные и политические стереотипы.

Показательным примером отношения португальцев к Империи является тот факт, что в середине 1820-х годов после отделения от Португалии страну покинуло несколько тысяч человек. Но в конце 1830-х годов иммиграция португальцев в Бразилию, которая стимулировалась экономическими факторами, началась вновь, хотя на протяжении 1831 – 1840 годов в Империю въехало на постоянное жительство только 629 португальцев. Однако до середины 1850-х годов численность въезжающих была незначительной. Имперское правительство предприняло шаги к привлечению иммигрантов лишь после запрета работорговли, который мог привести к экономическим трудностям.

²¹⁸ Об иммиграции немцев в Бразильскую Империю см.: Hunsche C., Astolfi M. O Quadriênio 1827-1830 da Imigração e Colonização Alemã no Rio Grande do Sul / C. Hunsche, M. Astolfi. – Porto Alegre, 2004.

Относительно поздно на территории Бразильской Империи возникли итальянское и украинское сообщество. Первые итальянцы, численность которых статистически учитывалась, в Империи появились в 1870-е годы. Массовый приток иммигрантов из Италии начался в последние годы существования Империи – во второй половине 1880-х годов. Например, с 1184 по 1893 год на Территорию Бразилии въехало 510533 итальянских иммигрантов²¹⁹. В такой ситуации и при подобной динамики миграции именно итальянцы стали в Бразилии наиболее крупным сообществом, несмотря на то, что первые массовые миграции начались только в период поздней Империи.

Приезд первых украинцев в значительной степени хронологически совпадает с началом итальянской иммиграции. Первые украинцы на территории Бразильской Империи появились в 1872 году, поселившись в провинции Парана. Итальянское и украинское сообщество в Бразильской Империи сближает почти полное отсутствие опыта жизни в Бразилии, достаточно высокая степень национальной консолидации и наличие тенденций к этнической изоляции. Поэтому, процессы интеграции и ассимиляции бразильских итальянцев и украинцев начались позднее, чем аналогичные процессы среди немцев и португальцев.

Немецкие иммигранты внесли свой вклад и в урбанизацию Империи. В 1824 году на Юге Бразилии немецкие иммигранты основали поселение Сан Леополду (São Leopoldo), ставшее первым крупным и компактным поселением немецкого сообщества. Позднее часть немцев покинула это поселение и с другими группами немецких иммигрантов основала новую немецкую колонию – Нову Хамбургу (Novo Hamburgo)²²⁰. Иммиграция немцев стимулировалась правящей династией Браганза, которая имела родственные связи с немецкими княжескими домами. В 1830-е годы некоторое количество бразильских немцев проживало в Петрополисе – резиденции императора. Значительный вклад в развитие города внес архитектор немецкого происхождения Жулиу Фредерику Кёлер (Júlio Frederico Koeler). Первые бразильские немцы были крестьянами и, поэтому, бразильское правительство проводило политику, направленное на компактное расселение немцев в виде колоний (colônias) в сельскохозяйственных районах, стимулируя развитие сельского хозяйства.

²¹⁹ См. подробнее: Alvim Z. Brava gente! Os italianos em São Paulo, 1870-1920 / Z. Alvim. – São Paulo, 1986; Bertonha J.F. Os italianos / J.F. Bertonha. – São Paulo, 2005; Cenni Fr. Os italianos no Brasil / Fr. Cenni. – São Paulo, 2003; Trento Â. Do outro lado do Atlântico / Â. Trento. – São Paulo, 1988.

²²⁰ О немецкой истории в Империи см.: Koliver I.M. Taquara do Mundo Novo / I.M. Koliver. – Porto Alegre, 2004. Обширная библиография работ по этой теме доступна на: <http://www.genealogy.net/reg/WELT/brasil.html> Полезным может оказаться и другой ресурс. См. так же: <http://infomotions.com/etexts/gutenberg/dirs/1/7/3/6/17361/17361.htm> Кроме этого, доступна подробная хронология истории немецкого сообщества в Империи. См.: <http://www.rootsweb.ancestry.com/~brawgw/alemanha/Cronologia.htm>

Подобно немцам, португальские иммигранты так же имели, как правило, крестьянское самосознание, но в силу экономических причин лишь незначительный процент португальцев, которые въехали в Бразильскую Империю, смогли поселиться на сельскохозяйственных территориях. Большинство португальцев осело в городах, что привело к существенной трансформации крестьянской идентичности, постепенно способствуя ассимиляции. Именно смена сельской местности на город привела к тому, что португальское сообщество в Империи было вынуждено институционализироваться – именно так возникли различные благотворительные общества, кассы взаимопомощи, португальские организации, наиболее крупными из которых были «Club de Regatas Vasco da Gama» и «Associação Portuguesa de Desportos».

В первой половине 1840-х годов иммиграция из немецких земель временно приостановилась, что было связано с политической нестабильностью в Бразилии и втягиванием бразильских немцев в местные сепаратистские движения. В частности, среди немцев было немало сторонников движения фаррапос, о чем, например, свидетельствует то, что в 1836 году Херманн фон Салиш (Hermann von Salisch) начал издавать газету «O Colono Alemão», которая активно использовалась для популяризации идеи отделения Риу-Гранди-ду-Сул и Санта-Катарины²²¹. Во второй половине иммиграция возобновилась, возникли новые компактные немецкие поселения – Блуменау (Blumenau) и Джойнвилл (Joinville) в Санта-Катарине.

К концу существования Империи большинство бразильских немцев, которые, как правило, принадлежали к среднему классу проживало на территории Риу-Гранди-ду-Сул²²², а так же в Санта-Катарине, Паране, Сан-Паулу, Минас-Жерайсе. Немецкие иммигранты в период Империи оказали значительное влияние на Бразилию, активно участвуя в модернизации страны, что проявлялось в создании предприятий, которые использовали наиболее современные для того времени технологии.

Значительное влияние бразильские немцы в имперский период оказали на развитие культуры. В городах Империи многие дома были построены в немецком стиле, активно работали немецкие архитекторы. По своей структуре и архитектуре многие немецкие колонии в Бразильской Империи внешне напоминали немецкие города в тех регионах, откуда

²²¹ О колонизации немцами Риу-Гранди-ду-Сул см.: Cunha J.L. Rio Grande do Sul und die deutsche Kolonisation. Ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-brasilianischen Auswanderung und der deutschen Siedlung in Südbrasilien zwischen 1824 und 1914 / J.L. Cunha. – Santa Cruz do Sul, 1995; Roche J. A Colonização Alemã e o Rio Grande do Sul / J. Roche. – Porto Alegre, 2004.

²²² О немцах в Риу-Гранди-ду-Сул см.: Meyer D. Identidades traduzidas. Cultura e docência teuto-brasileiro-evangélica no Rio Grande do Sul. Tese de Doutorado em Educação / D. Meyer. – Porto Alegre, 1999; Schäffer N.O. Os Alemães no Rio Grande do Sul: dos números iniciais aos censos Demográficos / N.O. Schäffer // Os Alemães no Sul do Brasil. – Canoas, 2004.

прибыли иммигранты. Некоторое влияние немцы оказали на кулинарную культуру бразильцев, что, в частности, выразилось в потреблении пива. Первые бразильские пивоварни на территории Бразильской Империи были построены немцами. Отношение к пиву, культуре его потребления оставалось одним из консолидирующих немецкое сообщество факторов. В частности, в Бразильской Империи по инициативе немцев начал проводиться Oktoberfest, который на протяжении XIX века оставался национально маркированным праздником в виду того, что ассимиляция имела поверхностный характер²²³, а бразильские немцы сохраняли язык и принесенные из Германии традиции.

Подводя итоги настоящего раздела, следует акцентировать внимание на нескольких аспектах.

Подобно другим европейским империям XIX столетия Бразильская Империя не была гомогенным с этнической точки зрения государством. Наибольшее отличие от империй Европы и Азии состояло в том, что относительно компактные районы проживания нелузо-бразильцев возникли не как результат завоевания и территориального расширения империи. Эти сообщества возникли уже после появления Империи на политической карте в результате проведения имперским правительством политики, направленной на приток иммигрантов из Европы.

Вероятно, для властей Бразильской Империи не было ничего предосудительного в том, что многие новые бразильцы не говорили по-португальски, а до переезда в Империю могли и вовсе не знать о ее существовании и местонахождении. Миграционные потоки из Европы были призваны заполнить пустые и ненаселенные лакуны в Империи. С другой стороны, привлечение иммигрантов из европейских стран служило делу европеизации Бразилии: все приезжавшие были носителями индоевропейских языков и имели белый цвет кожи, что было немаловажно в процессе формирования общественной поддержки со стороны Империи, где существовало рабство в отношении негров, а основу политической элиты составляли именно белые бразильцы европейского (лузо-бразильского) происхождения.

Участие бразильских немцев в антиимперских движениях, вероятно, является исключением, нежели правилом. В целом, уровень лояльности в немецких, португальских, украинских и итальянских сообществах в отношении Империи был высоким, особенно – среди образованной части им-

²²³ О развитии немецкой идентичности в Бразильской Империи см.: Rambo A. Teuto-argentino, teuto-brasileiro, teuto-chileno: identidades em debate / A. Rambo // Estudos Ibero-Americanos. – 2005. – Vol. XXXI. – No 1. – P. 201 – 222; Klug J. Wir Deutschbrasilianer. Die deutsche Einwanderung und die Herausbildung einer deutschbrasilianischen Identität im Süden Brasiliens / J. Klug // Tópicos. – 2004. – No 1. – S. 26 – 27. О женском дискурсе в идентичности см.: Santos Cunha M. Traduzindo identidades / M. Santos Cunha // Revista Estudos Feministas. – 2001. – Vol. 9. – No 2.

мигрантов. Поэтому, Империя не нуждалась в выработке специальной стратегии, направленной на ассимиляцию. В этой ситуации имперские власти довольствовались лишь интеграцией национальных сообществ европейского происхождения в имперский культурный, социальный и политический контекст.

Примечателен и тот факт, что для второго бразильского императора, знавшего несколько европейских языков, вероятно, не составило бы труда объясниться ни с немцем, ни с португальцем, ни итальянцем. Педру II не видел смысла в ассимиляции иммигрантов, полагая необходимым использовать их потенциал в развитии экономики, что в итоге и составило основу модернизационных предприятий в Бразильской Империи 1850 – 1880-х годов.

С другой стороны, Бразильская Империя, которая была не национальным, а активно национализирующимся государством, не имевшим четкого национального и политического ядра, не могла ассимилировать европейских иммигрантов не только в виду того, что подобные задачи не ставились, но в силу отсутствия потенциала и опыта проведения политически организованной и массовой ассимиляции. Империя не нуждалась в ассимиляции, понимая, что основная угроза исходит не от иммигрантов, а связана с внутренними политическими вызовами. Задачи ассимиляции были непосильны для Империи – их решение было отложено на несколько десятилетий. Первые попытки ассимиляции меньшинств были предприняты спустя сорок лет, в период правления Жетулиу Варгаса, в рамках авторитарной политической модели.

Дискурс ассимиляции и национализма в Бразильской Империи из сферы политики переместился в литературу. Именно литература дает нам примеры политического национализма и социо-культурного империализма, направленного, в том числе, и против меньшинств.

PRESENÇA INGLESA И INFLUÊNCIA BRITÂNICA: АНГЛИЙСКИЕ МОТИВЫ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ И «ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ» БРАЗИЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Бразильская Империя на протяжении всего периода ее существования функционировала в определенной системе своеобразных интеллектуальных координат, в рамках которой пересеклись европейские – французские, немецкие, британские, американские – влияния²²⁴.

Сферы, где эти влияния были заметны, отличались значительным разнообразием. Немецкое влияние традиционно было сильно в Риу-Гранди-ду-Сул и Петрополисе, где находилась императорская резиденция. Император Педру II свободно читал по-немецки. Французское и британское влияние было сильно в литературе. Французская литературная традиция повлияла на развитие бразильского романтизма.

Англоязычное влияние проявилось в бразильской антропониимии – упомянем такие антропонимы, распространенные среди бразильских интеллектуалов XIX – XX веков как Nelson, Washington... С другой стороны британское и американское влияние гораздо заметнее в политической, а так же в литературной сферах²²⁵. Что касается политической сферы, то уже первый император нанял в качестве одного из руководителей флота британского адмирала Томаса Кохрэйна.

Британское влияние в Бразилии было очень велико – первые его проявления стали заметны еще в бытность Бразилии португальской колонией. В 1808 году британские предприниматели получили право вести бизнес и открывать свои предприятия на территории Бразилии. Одним из первых британцев, кто воспользовался этим правом, был Джон Лаккок²²⁶. Брази-

²²⁴ См. подробнее: Passos G.P. A Poética do Legado: presença francesa em Memórias Póstumas de Brás Cubas / G.P. Passos. – São Paulo, 1996.

²²⁵ Об английском влиянии в Бразильской Империи существует несколько работ, которые сосредоточены на политических и экономических аспектах. Этой проблеме посвящена одна из работ Жилберту Фрейре, где значительное внимание уделено и культурным трендам (Freyre G. Ingleses no Brasil. Aspectos da influência britânica sobre a vida, a paisagem e a cultura do Brasil / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1948). Второе издание книги вышло в 1977 году. Существует так же исследование Э. Мэнчэстэр середины 1960-х годов (Manchester A.K. British Preeminence in Brazil. Its rise and decline / A.K. Manchester. – NY., 1964), в первой половине 1970-х переведенное на португальский и изданное в Бразилии (Manchester A.K. A Preeminência Inglesa no Brasil / A.K. Manchester. – São Paulo, 1973). См. так же: Pantaleão O. A Presença Inglesa / O. Pantaleão // História Geral da Civilização Brasileira / ed. S.B.de Buargue. – São Paulo – Rio de Janeiro, 1976. – Т. II. – Vol. 1. – P. 64 – 99.

²²⁶ Luckcock J. Notas sobre o Rio de Janeiro e partes meridionais do Brasil / J. Luckcock / trad. de Milton da Silva Rodrigues. – Belo Horizonte, 1975.

лия была привлекательной для британцев, которые искали в регионе экономическую независимость и самостоятельность от английских властей.

Обретение независимости простимулировало бразило-британские экономические отношения. В 1825 году Великобритания оказалась среди тех стран, которые одними из первых признали независимость Бразильской Империи. Бразилия посещалась британскими путешественниками²²⁷. В 1850 году под давлением со стороны Великобритании Бразильская Империя запретила ввоз рабов из Африки на территорию страны.

В настоящем разделе речь пойдет не о политическом и экономическом английском влиянии в Бразильской Империи. Мы остановимся на проблемах культурного влияния, попытавшись проанализировать как британские культурные тренды трансформировались и преломлялись в интеллектуальном дискурсе Бразильской Империи, оказывая значительное влияние на развитие и изменение идентичности.

В наибольшей степени своеобразный английский литературный тренд²²⁸ проявился в бразильской литературе²²⁹. В период Империи английские мотивы периодически проявлялись в произведениях бразильских писателей, работавших в жанре романа²³⁰. Отношение к Англии в среде бразильских интеллектуалов отличалось разнообразием. На фоне признания, того, что Империя нуждается в использовании британского экономического опыта звучали и скептические голоса, которые выражали в некоторой степени негативное отношение, касавшееся британского влияния.

В частности один из героев Машаду дэ Ассиза²³¹, Кинкас Борба, выражал именно эту точку зрения: «...Enjoara muito a bordo, como todos os outros passageiros, exceto um inglês ... Que os levasse o diabo os ingleses! Isto não ficava direito semirem todos eles barra fora. Que é que a Inglaterra podia fazer-nos? Se ele encontrasse algumas pessoas de boa vontade, era obra de uma

²²⁷ Graham M. *Diário de uma Viagem ao Brasil* / M. Graham. – São Paulo, 1990; Graham M. *Jornal of a Voyage to Brazil and Residence there, during part of the years 1821, 1822, 1823* / M. Graham. – L., 1824.

²²⁸ Об английской литературе того времени см.: Block A. *The English Novel 1740-1850 (A Catalogue)* / A. Block. – L., 1961.

²²⁹ См. подробнее: Candido A. *Formação da Literatura Brasileira (Momentos Decisivos)* / A. Candido. – São Paulo, [n.d.]

²³⁰ Vasconcelos S. *British contributions to the making of the Brazilian novel* / S. Vasconcelos // *Connecting Continents: Latin America and Britain in the Nineteenth Century* / eds. R. Forman, R. Aguirre. – Amsterdam, 2007.

²³¹ Об английских мотивах и влияниях в творчестве Машаду дэ Ассиза см.: Gomes E. *Machado de Assis. Influências Inglesas* / E. Gomes. – Rio de Janeiro, 1976; Massa J.-M. *La bibliothèque de Machado de Assis* / J.-M. Massa // *Revista do Livro*. – 1961. – No 21 – 22. – P. 195 – 201.

noite a expulsão dos tais godemes...»²³². В произведениях Машаду дэ Ассиза мы находим лишь некоторые английские образы и мотивы.

Вероятно, наибольшее влияние со стороны англоязычной литературной традиции испытал бразильский романтизм²³³ в лице его крупнейшего представителя – Жозэ дэ Аленкара²³⁴. В частности, в описании природы и в создании поведенческих моделей для своих героев бразильский романтик нередко следовал за доступными ему англоязычными образцами. Даниэль Серавалле ди Са предполагает, что Аленкар пребывал под влиянием «европейских стандартов»²³⁵ в то время, когда в Бразильской Империи «европейское» нередко ассоциировалось с «британским» или «английским». Вероятно, «индейские» романы Аленкара могут быть проинтерпретированы не просто в категориях литературы романтизма, но и как произведения готического романа²³⁶, характерного, в том числе, и для британской литературной традиции²³⁷.

Благодаря востребованности и доступности английских литературных текстов в Бразильской Империи в последней сложилась особая «интер-текстуальная модель»²³⁸ литературного взаимодействия и перенесения на бразильский культурный ландшафт британских образов. Наиболее отчетливо влияние Англии, точнее - интерес бразильских носителей «высокой куль-

²³² Vasconcelos S. Formação do Romance Brasileiro: 1808-1860 (Vertentes Inglesas) / S. Vasconcelos // <http://www.unicamp.br/iel/memoria/Ensaios/Sandra/sandra.htm> См. так же: Vasconcelos S. Dez Lições Sobre o Romance Inglês do Século XVIII / S. Vasconcelos. – São Paulo, 2002.

²³³ См.: Candido A. O Romantismo no Brasil / A. Candido. – São Paulo, 2002.

²³⁴ Примечательно то, что 1890-х годов бразильские интеллектуалы почти исключительно «воспринимали» и потребляли английские тексты. В британском культурном дискурсе значительного влияния со стороны культуры Бразильской Империи не просматривается. Произведения, например, Жозэ дэ Аленкара в английском переводе появились после того, как Бразилия стала Республикой. Роману «Гуарани», где британское влияние просматривается наиболее четко, был издан на английском языке в 1893 году. См.: Alencar J. de, The Guarany, a Brazilian novel / J. de Alencar // Overland Monthly magazine. – 1893. – Vol. 21 – 22 (Issue 127 – 131). Немецкий перевод («Der Guarany. Brasilianischer Roman») появился почти на двадцать лет раньше – в 1876 году. О Жозэ дэ Аленкаре см.: Magalhães R. de. José de Alencar e a sua época / R. de. Magalhães. – São Paulo, 1971; Ortiz R. O Guarani: um Mito de Fundação da Brasilidade / R. Ortiz // Ciência e Cultura. – 1988. – Vol. 40. – No 3; Proença M. Cavalcanti. José de Alencar na Literatura Brasileira / M. Proença. – Rio de Janeiro, 1966.

²³⁵ О влиянии английской «готической литературы» на культурный дискурс эпохи существования Бразильской Империи см. подробнее: Serravalle de Sá D. “Tropical Gothic”. The supernatural and the demoniac in a 19th century Brazilian novel / D. Serravalle de Sá // <http://www.tropicalgothic.ciberarte.com.br>

²³⁶ <http://www.tropicalgothic.ciberarte.com.br>

²³⁷ О «количественном» измерении распространения английской литературы, в том числе – и готического романа, см.: Summers M. A Gothic Bibliography / M. Summers. – L., 1941.

²³⁸ <http://www.tropicalgothic.ciberarte.com.br>

туры»²³⁹ (основных потребителей продукции книжного рынка в Бразильской Империи²⁴⁰ и первых создателей личных библиотек²⁴¹) - к английской литературной традиции замечен в литературной сфере.

О значительном интересе к Англии свидетельствует, например, то, что основанный в 1828 году «Jornal do Comércio»²⁴² значительное внимание уделял публикациям переводов произведений английских писателей. В частности, именно благодаря этому изданию и другим позднее появившимся журналам²⁴³, образованные бразильцы, как правило – «носители высокой культуры» – политические деятели и / или интеллектуалы, близкие к политическим кругам, в Империи познакомились с произведениями Дэниэла Дэфо, Волтэра Скотта и Энн Рэдклифф.

Вероятно, на раннем этапе существования Бразильской Империи круг потребителей переводов с английского и тем более – оригинальных текстов, совпадал с пределами доминирования именно «высокой культуры». В этой ситуации весьма сложно проанализировать гендерный состав²⁴⁴ потребителей английской литературы как в переводах, так и на языке оригинала.

Даже такая форма распространения текстов как «подписная библиотека», основанная в Рио-де-Жанейро в 1826 году, значительную часть изданий в которой составляли переводы на португальский с английского языка, была, скорее всего, рассчитана именно на элиту, а не на массового потребителя. О преимущественно «элитном» потреблении английской литературы в Бразильской Империи 1820 – 1830-х годов свидетельствует и то, что часть произведений английских прозаиков дошла до бразильского читателя не в португальских, а во французских переводах²⁴⁵.

²³⁹ О «высокой культуре» см.: Chartier R. A história cultural: entre políticas e representações / R. Chartier. – Lisboa, 1990; Mornet D. Les Origines intellectuelles de la Révolution française 1715 – 1787 / D. Mornet. – Paris, 1967; Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / Р. Шартье. – М., 2001.

²⁴⁰ О циркуляции книги как культурном явлении и феномене см.: Hallewell L. Books in Brazil. A History of the Publishing Trade / L. Hallewell. – NY., 1982; Hallewell L. O Livro no Brasil / L. Hallewell. – São Paulo, 1985; Vianna H. Contribuição à História da Imprensa Brasileira (1812-1869) / H. Vianna. – Rio de Janeiro, 1945.

²⁴¹ См. подробнее: Moraes R.B. Livros e Bibliotecas no Brasil Colonial / R.B. Moraes. – Rio de Janeiro, 1979.

²⁴² Об этом издании см. подробнее: Dimas F. Jornal do Comércio: a notícia dia a dia (1827-1987) / F. Dimas. – Rio de Janeiro, 1987.

²⁴³ Doyle P. História de revistas e jornais literários / P. Doyle // Revista do Livro. – 1968. – Vol. 32. – No 1.

²⁴⁴ Об этом в контексте «женской истории» см.: A mulher no Rio de Janeiro no século XIX / ed. M. Leite. – São Paulo, 1982; Zilberman R. Leitoras de Carne e Osso: A Mulher e as Condições de Leitura no Brasil do Século XIX / R. Zilberman // Revista de Estudos de Literatura. – 1993. – Outubro. – P. 31 – 47.

²⁴⁵ О французских переводах как источниках и посредниках английского влияния см.: Mackillen A. Le roman terrifiant, ou roman noir, de Walpole à Radcliffe et son influence sur

Несколько большему распространению английских текстов способствовало появление в Империи библиотек. В частности, в одной из первых библиотек²⁴⁶ Сан-Пауло большинство «английских» книг представляли португальские и / или французские переводы произведений Волтера Скотта и Чарлза Диккенса²⁴⁷. Но и круг потребителей этой, систематизированной и специально предназначенной для чтения, книжной продукции оставался незначительным.

В бразильском культурном дискурсе нашлось место для разных английских авторов за исключением Джонатана Свифта и цикла его произведений, посвященных Гулливеру. Отторжение было вызвано, вероятно, высоким уровнем религиозности и приверженностью к религиозным нормам и традициям. Поэтому, интеграция, образов, связанных с Гулливером, в бразильский интеллектуальный и культурный контекст состоялась уже в республиканский период²⁴⁸.

Устойчивый интерес к английской литературе в португальских переводах сохранялся на протяжении всего существования Бразильской Империи. В частности, тексты английского писателя Вильяма Энсворта были востребованы в одинаковой степени и в 1850-е и в 1870-е годы в португальских²⁴⁹ и французских²⁵⁰ переводах. Наличие некоторых его текстов в оригинальных версиях зафиксировано в библиотеках Бразильской Империи²⁵¹.

la littérature française jusqu'en 1840 / A. Mackillen. – Paris, 1915; Streeter H.W. The Eighteenth-Century English Novel in French Translation. A Bibliographical Study / H.W. Streeter. – NY., 1963.

²⁴⁶ Важным источником информации об английском влиянии и наличии английских книг и / или их переводов в библиотеках Бразильской Империи являются библиотечные каталоги: Catálogo da Biblioteca do Gabinete Português de Leitura do Maranhão. – Maranhão, 1867; Catálogo da Biblioteca Municipal do Rio de Janeiro. – Rio de Janeiro, 1878; Catálogo da Livraria de B.J. Garnier nº 23. – Rio de Janeiro, 1865; Catálogo dos livros da Biblioteca Fluminense. – Rio de Janeiro, 1866; Catálogo das obras existentes no Gabinete Português de Leitura da Bahia. – Bahia, 1868; Catalogue of the Rio de Janeiro Subscription Library. – L., 1842.

²⁴⁷ Vasconcelos S. Romances ingleses em circulação no Brasil durante o séc. XIX / S. Vasconcelos // <http://www.unicamp.br/iel/memoria/Ensaios/Sandra/sandraleiv.htm>

²⁴⁸ Об этом см. подробнее: Vieira A.S. Viagens de Gulliver ao Brasil. Estudo das adaptações de Gulliver's Travels por Carlos Jansen e por Monteiro Lobato / A.S. Vieira. – Unicamp, 2004.

²⁴⁹ Ainsworth W.H. O Bandido de Londres / W.H. Ainsworth / versão de Fernando d'Aquino. – Lisboa, 1877.

²⁵⁰ Ainsworth W.H. La Chambre étoilée. Roman historique / W.H. Ainsworth / Traduction de Madame Mazet-Lebègue. – Bruxelles, 1855.

²⁵¹ Ainsworth W.H. The Miser's Daughter. A Tale / W.H. Ainsworth. – L., [n.d.]; Ainsworth W.H. Old Saint Paul's: a tale of the plague and the fire. New edition / W.H. Ainsworth. – L., [n.d.]. Эта книга хранилась в Gabinete Português de Leitura в Рио-де-Жанейро. Издание, вероятно, следует датировать не раньше 1840 года.

Некоторые авторы были доступны носителям «высокой культуры» в Империи исключительно в оригинальной версии или при посредничестве французского перевода. Это, например, относится к текстам Шарлотты Бронте²⁵². В 1850 – 1870-е годы в рамках бразильского общества в Империи оказались востребованы переводы Вилки Коллинз (1824 – 1889)²⁵³, что свидетельствует о расширении числа потребителей и читателей английской литературы и кризисных тенденциях в «высокой культуре». Среди наиболее востребованных текстов – произведения В. Скотта²⁵⁴, Д. Дефо²⁵⁵ и Ч. Диккенса²⁵⁶, книги, которых читались, вероятно, носителями «высокой культуры», так как значительная часть изданий в библиотеках Бразильской Империи зафиксирована на французском языке.

В заключение настоящего раздела акцентируем внимание на нескольких аспектах, связанных с английскими мотивами в культурном дискурсе Бразильской Империи.

Сфера доминирования, точнее – потребления английских текстов, в Бразильской Империи отличалась значительной узостью. Пределы востребованности «английского», вероятно, совпадали с теми границами, в рамках которых доминировал бразильский тип высокой культуры.

Кризис Империи в конце 1880-х годов и установление Республики стали и кризисом бразильской модели «высокой культуры», положив начало новым модернистским культурным и литературным трендам, что означало победу серийной культуры над сингулярной. На смену культурной уникальности пришла массовость и серийность. Это привело к смене парадигм в рамках развития бразильского национализма и связанной с ним идентичностной модели.

Национализм из явления элитарного переместился в область культуры широких политизированных масс, которых английские / британские сюжеты почти не интересовали. На смену интереса элит к «английскому»

²⁵² Charlotte Brontë, *Jane Eyre, an Autobiography* / Charlotte Brontë. – L., 1847; Charlotte Brontë, *La Maitresse d'anglais ou le pensionnat de Bruxelles* / Charlotte Brontë. – Bruxelles – Leipzig, 1849.

²⁵³ Collins W. *Armada* / W. Collins. – Lisboa, 1873; Collins W. *Basil* / W. Collins. – Leipzig, 1862; Collins W. *A dama branca* / W. Collins. – Laemmert, 1899; Collins W. *O Fantasma Branco* / W. Collins. – Lisboa, 1876.

²⁵⁴ В библиотеках Империи зафиксировано несколько десятков изданий романов В. Скотта на английском и французском языках, а так же их португальские переводы. См.: Scott W. *O Abade* / W. Scott. – Lisboa, 1844; Scott W. *Anna de Geierstein, ou a donzela do nevoeiro* / W. Scott. – Lisboa, 1843; Scott W. *O Castelo Perigoso* / W. Scott. – Lisboa, 1842.

²⁵⁵ Defoe D. *Aventuras de Robinson Crusoe* / D. Defoe. – Paris, 1836. Зафиксировано наличие и португальского издания: Defoe D. *Vida e aventuras admiráveis de Robinson Crusoe* / D. Defoe. – Lisboa, 1816

²⁵⁶ В библиотеках Бразильской Империи зафиксировано более десяти изданий Ч. Диккенса на английском языке в то время, как число переводов незначительно: Dickens Ch. *Canticos do Natal* / Ch. Dickens. – Lisboa, 1873; Dickens Ch. *Scenas da vida inglesa e uma Loa de Natal em prosa* por Carlos Dickens / Ch. Dickens. – Lisboa, 1864.

пришли попытки национализации масс на основе бразильских политических и национальных нарративов. В этой ситуации «английское» постепенно покидает дискурс культуры, смещаясь в сферу экономики.

ЧАСТЬ 4

ИМПЕРИЯ: ДЕТСТВО, ГЕНДЕР, ИДЕНТИЧНОСТЬ

IMPÉRIO INFANTIL: ДИСКУРС ДЕТСТВА В КОНТЕКСТЕ «ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ» В БРАЗИЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

На протяжении двух десятилетий современная российская гуманитарика, в том числе – и латиноамериканистика, переживает сложные времена, связанные с поиском новых исследовательских методик²⁵⁷. Одним из востребованных направлений стало изучение истории в человеческом измерении – историческая антропология. Историческая антропология представляет собой несколько исследовательских трендов, связанных с изучением истории ментальностей, интеллектуальной истории (истории идей), женской (гендерной) истории.

Одним из этих трендов являются исследования, связанные с историей детства. История детства – междисциплинарная сфера гуманитарного знания, которая возникла усилиями европейских и американских исследователей. В американской версии история детства пересекается с психоисторией и психоисторическими исследованиями²⁵⁸. В современной российской гуманитарике, за исключением ряда переводов с английского и французского языка²⁵⁹, не так много примеров применения методов детской истории.

Что касается современной российской латиноамериканистики, то это направление гуманитарного знания развивается в сознательной и искусственной самоизоляции. В российских латиноамериканских исследованиях доминирует нормативная (описательная) историография, методологически

²⁵⁷ Автор уже указывал на эту проблему в своих работах. См.: Кирчанов М.В. Российская латиноамериканистика: между традициями норматива и вызовами дискурса / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти Сергея Ивановича Семенова / А.А. Слинько (ред.), М.В. Кирчанов (сост.). – Воронеж, 2008. – Вып. 3 (в печати); Кирчанов М.В. *Ordem e progresso*: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008. – С. 19 – 31 (раздел «Все ли кошки убиты? Постмодернистские перспективы российской латиноамериканистики»).

²⁵⁸ См. подробнее: Демоз Л. Эволюция детства / Л. Демоз // Де Моз Л. *Психоистория* / Л. Демоз. – РнД., 2000. – С. 14 – 110.

²⁵⁹ Часть работ французских авторов переведена на португальский, что интегрировала их в португалоязычный (в том числе – и бразильский) научный дискурс. См. например: Chartier R. *A história cultural* / R. Chartier. – Lisboa, 1990.

связанная со старым советским исследовательским дискурсом и методологическим инструментарием советской эпохи.

Современная российская латиноамериканистика 1990 – 2000-х годов, в отличие от бразильской гуманистики²⁶⁰, к сожалению, почти не знает новаторских исследований, теоретически и методологически связанных с западными исследовательскими трендами. Настоящий раздел в этой монографии станет попыткой проанализировать некоторые проблемы, связанные с историей Бразильской Империи, в контексте истории детства²⁶¹.

Следует сделать несколько вводных замечаний, касающихся преимущественно источниковой базы этого раздела. В качестве источников мы используем тексты, созданные носителями «высокой культуры»²⁶² эпохи Бразильской Империи. Эти тексты – литературные произведения двух писателей – Машаду дэ Ассиза («Записки с того света», «Дон Касмурро») и Бернарду Гимараэша («Рабыня Изаура»). В этих текстах отражены различные дискурсы, связанные с собственно детством, а так же социальными ролями, насилием, сопротивлением, идентичностями...

Обратимся непосредственно к текстам.

Герой романа «Записки с того света» Машаду дэ Ассиза²⁶³, подобно автору, принадлежал к носителям «высокой культуры»²⁶⁴, представителям политической элиты. Перед его героем открываются самые разнообразные перспективы. Родственники, такие же носители высокой культуры, припи-

²⁶⁰ Мы можем упомянуть несколько исследований, появившихся в Бразилии и выполненных в русле семейной истории, интеллектуальной истории, исторической антропологии. См. например: Araujo Pineiro L. de, *A civilização do Brasil através da infância* / L. de Araujo Pineiro. – Universidade Federal Fluminense, 2003; Cardoso Moreira G.A. “Uma família no Império do Brasil: os Cardoso de Itaguaí”: um estudo sobre economia e poder / G.A. Cardoso Moreira. – Universidade Federal Fluminense, 2005; Ferreira Muaze M. *O Império do Retrato: família, riqueza e representação social no Brasil oitocentista* / M. Ferreira Muaze. – Niterói, 2006. Список далеко неполный и его можно продолжить.

²⁶¹ Автор позиционирует этот раздел как попытку развить идеи, высказанные в одной из своих более ранних теоретических статей. См. подробнее: Кирчанов М.В. Российская латиноамериканистика: между традициями норматива и вызовами дискурса / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти Сергея Ивановича Семенова / А.А. Слинько (ред.), М.В. Кирчанов (сост.). – Воронеж, 2008. – Вып. 3 (в печати).

²⁶² О «высокой культуре» см.: Mornet D. *Les Origines intellectuelles de la Revolution française 1715 – 1787* / D. Mornet. – Paris, 1967; Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / Р. Шартье. – М., 2001.

²⁶³ Andrade G. de, *Pensamentos e reflexões de Machado de Assis* / G. de Andrade. – Rio de Janeiro, 1990; Jobim J.L. *Censorship and Morality: Machado de Assis, Émile Augier and the National Theater Institute* / J.L. Jobim // *Luso-Brazilian Review*. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 19 – 36.

²⁶⁴ См. подробнее: Кирчанов М.В. *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008. – С. 89 – 98 (раздел «Создавая новую идентичность: Машаду дэ Ассиз и ранний бразильский модернизм»).

сывают и / или прогнозируют ребенку различные социальные роли, связанные, например, с религиозным служением: «...он будет каноником... не удивлюсь, если господь вверит ему епископство... да, да епископство, вполне возможно...»²⁶⁵.

Герой романа родился за четырнадцать лет до появления Бразильской Империи – в 1806 году, когда Бразилия все еще оставалась колонией Португалии. С самого рождения ребенка сопровождали носители именно «высокой культуры» – люди по социальному статусу близкие его родителям: «...крестили меня в храме Сан-Домингос... моими крестными родителями были полковник Родригес ди Матос и его супруга, оба они происходили из старинных знатных семейств севера Бразилии и оба были благородны... их предки проливали кровь во время войны с Голландией...»²⁶⁶.

В данном контексте мы имеем дело с исторической рефлексией, попыткой сознательного культивирования идентичности и встраивания бразильцев как исторической нации – со своей историей и своими носителями «высокой культуры», которые эту историю творили. Детство героя – попытки принять свою социальную роль и приспособиться к миру, где значительную роль играют социальные статусы. Именно поэтому, перед знакомыми родители просят его произносить имена крестных («...крестного? Его превосходительство сеньор полковник Паулу Ваз Лобу Сезар ди Андради-и-Соуза Родригес ди Матос, а крестную – ее превосходительство сеньора дона Мария Луиза ди Маседу Резенди-и-Соуза Родригес ди Матос...»²⁶⁷), что ведет к освоению / усвоению и пониманию сложной социальной титулатуры и связанных с ней социальных, экономических, политических и военных ролей.

Социализация героя прошла в свете образа Наполеона, который «когда я родился, сиял в зените власти и славы»²⁶⁸. Образ Наполеона в сознании носителей «высокой культуры» колониальной Бразилии ассоциировался со страхом – страхом потери своего статуса, изменения положения. Именно поэтому, отец героя «питал к Наполеону сильнейшую ненависть»²⁶⁹, что было связано, вероятно, с возникавшим политическим национализмом в Бразилии. Для далекой Бразилии, тогда еще португальской колонии, Наполеон представлялся наибольшей опасностью.

²⁶⁵ См.: Машадо де Ассиз, Записки с того света / Машадо де Ассиз // Машадо де Ассиз, Избранные произведения. Стихи. Записки с того света. Дон Касмурро. Новеллы / Машадо де Ассиз / пер. с порт. А. Богдановского, Е. Голубевой, И. Чежеговой, Т. Ивановой. – М., 1989. – С. 50 – 51.

²⁶⁶ Машадо де Ассиз, Записки с того света. – С. 51. Текст оригинала: «...Meu padrinho? é o Excelentíssimo Senhor coronel Paulo Vaz Lobo César de Andrade e Sousa Rodrigues de Matos; minha madrinha é a Excelentíssima Senhora Dona Maria Luisa de Macedo Resende e Sousa Rodrigues de Matos...».

²⁶⁷ Там же. – С. 51.

²⁶⁸ Там же. – С. 55.

²⁶⁹ Там же. – С. 55.

Социализация ребенка в аристократической семье эпохи, предшествующей Империи или в ранней Империи, в наименьшей степени дело семьи и родителей: «...я вырос, семья не принимала в этом особенного участия, вырос стихийно, естественно...»²⁷⁰. Социализация таких детей была, как правило, связана с прислугой и рабами. Но именно прислуга и рабы играли особые социальные роли рабов, подчиненных, зависимых, обреченных на унижения и издевательства со стороны доминирующего, со стороны господина – даже ребенка: «...как-то я ударил по голове одну нашу рабыню: она не дала мне попробовать кокосового повидла, которое готовила... я бросил в кастрюлю пригоршню золы... я наябедничал матушке будто рабыня испортила повидло нарочно. Было мне тогда шесть лет... негр Пруденсиу постоянно служил мне лошадкой... я влезал ему на спину... хлестал его, гоняя то влево, то вправо... он меня слушался, стонал, но слушался, иногда только скажет: “Ай, миленький”, на что я неизменно возражал: “Заткнись, дурак!”...»²⁷¹.

В этой ситуации герой, придаваясь инфантильному детскому насилию, постепенно трансформируется в личность, социализация которого прошла весьма односторонне, исключительно в рамках модели «высокой культуры». Пагубность подобной социализации осознается и самим героем, который полагает, что «...стал черствым эгоистом, привык смотреть на людей сверху вниз... привык равнодушно взирать на несправедливость, склонен был объяснять и оправдывать ее...»²⁷².

Подобная социализация в детстве породила пассивность значительной части аристократии в период Империи, неспособность отвечать политическим вызовам, что в итоге, вероятно, и предопределило кризис имперской модели развития в Бразилии. Значительную роль в социализации героя сыграло окружение – «среда, дом, родственники»²⁷³. Родственники родителей демонстрируют герою различные поведенческие модели от религиозного служения до «легкомысленной жизни». Первый дядя, каноник, занят раздумьями о спасении души, второго можно увидеть заигрывающим с

²⁷⁰ Там же. – С. 52.

²⁷¹ Там же. – С. 52. Текст оригинала: «Desde os cinco anos merecera eu a alcunha de "menino diabo"; e verdadeiramente não era outra coisa; fui dos mais malignos do meu tempo, arguto, indiscreto, traquinas e voluntarioso. Por exemplo, um dia quebrei a cabeça de uma escrava, porque me negara uma colher do doce de coco que estava fazendo, e, não contente com o malefício, deitei um punhado de cinza ao tacho, e, não satisfeito da travessura, fui dizer à minha mãe que a escrava é que estragara o doce “por pirraça”; e eu tinha apenas seis anos. Prudêncio, um moleque de casa, era o meu cavalo de todos os dias; punha as mãos no chão, recebia um cordel nos queixos, à guisa de freio, eu trepava-lhe ao dorso, com uma varinha na mão, fustigava-o, dava mil voltas a um e outro lado, e ele obedecia, – algumas vezes gemendo, – mas obedecia sem dizer palavra, ou, quando muito, um – “ai, nhonhô!” – ao que eu retorquia: – “Cala a boca, besta!”». <http://www.vbookstore.com.br>

²⁷² Там же. – С. 53.

²⁷³ Там же. – С. 53.

молодыми рабынями или пристающим к ним. Поэтому, в памяти героя религиозные сюжеты чередуются с «непристойными и грязными»²⁷⁴ историями.

Подобные варианты социализации характерны и для других героев-детей бразильской прозы эпохи Бразильской Империи. В частности, персонаж романа «Рабыня Изаура» Леонсио²⁷⁵, который более претендует на роль антигероя, «...с детства он был неуправляемым ребенком, плохо учился, был дерзок и непослушен, он кочевал из одной школы в другую, не особенно обременяя себя занятиями...»²⁷⁶. Таким образом, возникает образ консервативно настроенного среднего носителя «высокой культуры», не очень образованного, не стесняющегося в средствах. Если герои Машаду дэ Ассиза вполне могли дожить до конца Империи, то герои, подобные Леонсио Бернарду Гимараэша, погибли раньше.

Подводя итоги настоящего раздела, следует акцентировать внимание на нескольких аспектах проанализированных выше текстов. Первое, все тексты возникли в недрах «высокой культуры», будучи набором нормативов, связанных с идентичностью политических и интеллектуальных элит. Тексты демонстрирует определенный социальный срез бразильской идентичности эпохи Империи, но не идентичность в целом.

Второе, большинство героев, которые в этих текстах имели детство и проходили социализацию, это герои – мальчики и юноши. Идентичностный дискурс маркирован не только социально, но и гендерно. В этом типе культуре нет места для феминности, но есть пространство исключительно для маскулинности, потенциальной маскулинности.

Третье, тот тип социализации, который представлен в анализируемых текстах, вероятно, является кризисным, неудачной моделью, которая не способна сформировать сообщество индивидов, способных адекватно реагировать на внутренние вызовы. Эта идентичность, основанная на отношениях принуждения и доминирования, связана с традициями высокой культуры старой дворянской (феодальной) аристократии. Параллельно с развитием этого варианта идентичности в Империи имели место и другие процессы, связанные с появлением новых идентичностных дискурсов – менее элитных, менее аристократических, но более массовых и, поэтому, не

²⁷⁴ Там же. – С. 54.

²⁷⁵ См. подробнее: Кирчанов М.В. *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008. – С. 80 – 88 (раздел «Между *casa grande* и *senzala*: интеллектуальные истоки модернизации и литературный текст в Бразилии в середине 1870-х годов»).

²⁷⁶ Гимараенс Б. Рабыня Изаура / Б. Гимараенс / пер. с порт. Е.В. Горбань. – М., 1991. – С. 9. Оригинальный текст: «...*Mau aluno e criança incorrigível, turbulento e insubordinado, andou de colégio em colégio, e passou como gato por brasas por cima de todos os preparatórios, cujos exames todavia sempre salvara à sombra do patronato...*». Текст доступен по адресу: <http://www.vbookstore.com.br>

только современных, но более конкурентоспособных. Имперская модель социализации, вероятно, была бесперспективной.

С другой стороны, именно она породила многие дискурсы идентичности, связанные с традициями «высокой культуры», которые проявились в искусстве литературы, исторического и географического воображения. Все эти дискурсы формировали национализм в Бразильской Империи – культурный и политический.

LINDA MARCELA: ФЕМИННОСТЬ, МУСКУЛИННОСТЬ И КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В БРАЗИЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Национализм, идентичность, литература, взаимные представления... Что объединяет эти явления и понятия? На первый взгляд, вероятно, может показаться, что между ними всеми не существует устойчивой связи. В этом квартете явлений очевидна связь между национализмом и идентичностью. Взаимные представления так же играют не последнюю роль в развитии идентичности и в функционировании национализма, в первую очередь - националистического движения.

Какое отношение к этим трем явлениям имеет литература?

Представим литературу как корпус текстов, созданных, например, в рамках одной страны в разные исторические эпохи и в условиях существования различных политических конъюнктур. Чтобы отойти от абстрактного характера размышлений в качестве страны изберем Бразильскую Империю, существовавшую с 1822 по 1889 год.

Определив географические и хронологические координаты, попытаемся показать ту роль, которую сыграла литература в развитии националистической триады – национализма, идентичности, взаимных представлений. Анализируя эти проблемы, следует принимать во внимание, что развитие Бразильской Империи может быть проинтерпретировано как история «высокой культуры» или мы можем попытаться написать историю Империи в контексте функционирования этого типа культуры и активности бразильских интеллектуалов, связанных с политическими элитами.

Итак, мы определились с кругом носителей националистической идеологии и националистической политической традиции. Интеллектуал и писатель – это, вероятно, одни из важнейших характеристик бразильского националиста в Империи. Литература в этой ситуации – сфера доминирования, развертывания, культивирования и популяризации националистического дискурса.

Взаимные представления и представления одного сообщества о другом (для националиста, вероятно, не столь интересна реакция другого сообщества, чем одобрение своего национализма со стороны той группы, к которой он сам принадлежит) – важный элемент этого националистического дискурса. Взаимные представления связаны с географическим, политическим, культурным, историческим, национальным и / или националистическим воображением.

Сосуществование отдельных сообществ может быть представлено как процесс взаимного воображения, источником которого являются политические и интеллектуальные элиты. Кто пребывал в центре национального воображения (в его различных проявлениях) бразильских интеллектуалов

периода Империи? Два ответа очевидны и лежат на поверхности. Этими сообществами, которые стимулировали воображение со стороны интеллектуалов, были индейцы и негры.

Благодаря первым (точнее – их существованию) в бразильской литературе возникло особое направление – индеанизм. Вторые нашли свое место в качестве героев и действующих лиц значительного числа произведений. Но неграми и индейцами в условиях доминирования лузо-бразильского большинства число других и чуждых сообществ (которые могли обладать своей идентичностью / идентичностями и отличаться, поэтому, от других сообществ) не ограничивалось.

В бразильской литературе эпохи Империи существовали и «невидимые сообщества» – группы, существование которых было заметно в повседневной жизни или, наоборот, чье наличие почти отрицалось, но они смогли попасть на страницы литературных произведений, созданных между 1820-ми и началом 1890-х годов. Вероятно, наиболее крупными «невидимыми сообществами» были немцы и итальянцы, которые в той или иной степени на этапе существования Империи смогли интегрироваться в бразильское общество. Но среди этих сообществ наиболее «невидимым» и незамечаемым были иммигранты из... Португалии и Испании.

Проблема португальцев и испанцев в Бразилии в некоторой степени сходна с опытом британцев в Соединенных Штатах или испанцев, например, в Аргентине. Ряд факторов – общность (или сходство) языка, наличие сходной культуры, идентичные религиозные представления – способствовал быстрой (если не скорейшей) интеграции и ассимиляции португальцев и испанцев в бразильское общество.

С другой стороны, в этом контексте возникает фактор национализма и взаимных представлений. Не исключено, что многие носители «высокой культуры» полагали, что Португалия может представлять угрозу политической независимости Бразильской Империи. Выше мы констатировали, что именно литературные тексты были сферой развертывания националистического нарратива, транслирования взаимных представлений, которые могли обретать форму фобий.

В настоящем разделе мы остановимся на проблеме лузофобии²⁷⁷ или португалобии – неприязни бразильских интеллектуалов к португальцам – выбрав в качестве отправной точки нашего анализа роман Машаду дэ Ассиза «Посмертные записки Бразы Кубаса» («Memórias póstumas de Brás Cubas»)²⁷⁸, который в русском переводе известен как «Записки с того све-

²⁷⁷ Работ, посвященных этой проблеме, немного. См.: Camargo de Godoi R. O Rio lusóphobo de Machado de Assis Análise da personagem Marcela das Memórias Póstumas de Brás Cubas / R. Camargo de Godoi // Revista eletrônica Cadernos de História. – 2006. – No 2. См. так же: <http://www.ichs.ufop.br/cadernosdehistoria>

²⁷⁸ Роман является классическим произведением в бразильской литературе, его интерпретации крайне разнообразны. См.: Facioli V. Um defunto estrambótico: análise e

та». Вероятно, следует сделать вводное замечание: в романе мы не находим элементов этнического национализма²⁷⁹ и, как результат, национального воображения. С другой стороны, действия героев детерминированы социально и культурно²⁸⁰.

Поэтому, текст романа интересен в контексте социального и культурного воображения автора как носителя «высокой культуры» относительно тех героев, которые к этой культурной традиции не принадлежали. Действие романа разворачивается в Бразильской Империи, на его страницах почти нет испано-португальских персонажей. Единственное исключение – Марсела (Marcela). Марсела – проблемный персонаж одновременно в силу ее гендерной²⁸¹ и национальной принадлежности. В оригинальной версии романа имя Марселы упоминается шестьдесят раз, включая и одноименную главу.

Первый раз мы встречаем это имя в главе «Primeiro beijo», когда Браз Кубас признается, что в семнадцать лет «...меня пленила одна испанка, Марсела, “прелестная Марсела”, как справедливо называли ее молодые повесы моего времени...»²⁸². В романе, который представляет своеобразные посмертные воспоминания на фоне социальных отношений в столице Бразильской Империи – Рио-де-Жанейро²⁸³ – и записки Браз Кубаса, принад-

interpretação das Memórias póstumas de Brás Cubas / V. Faciolli. – São Paulo, 2002; Gledson J. Machado de Assis: ficção e história / J. Gledson. – São Paulo, 2003; Elide Valarini Oliver, Some observations on the treatment of individual consciousness and darwinism in Machado de Assis / Elide Valarini Oliver. – Oxford, 2003 (University of Oxford, Centre for Brazilian Studies, Working Paper Series. 2003. No 39)

²⁷⁹ О месте и роли Машаду дэ Ассиза в развитии бразильского национализма и идентичности см.: Magalhães Cidrini L. Sentido de nação na trajetória da literatura brasileira / L. Magalhães Cidrini // Cadernos de História. – Vol. V. – No 1. – P. 73 – 80; Ferreira Martins R.A. Machado De Assis e a Literatura Brasileira do Oitocentos: um Projeto de Literatura Nacional / R.A. Ferreira Martins // Revista de História Regional. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 9 – 32.

²⁸⁰ О социальном тренде в истории бразильской литературы см.: Chalhoub S. Diálogos políticos em Machado de Assis / S. Chalhoub // A história contada: capítulos de história social da literatura no Brasil / eds. S. Chalhoub, L. Pireira. – Rio de Janeiro, 1998; Schwarz R. Um mestre na periferia do capitalismo: Machado de Assis / R. Schwarz. – São Paulo, 2000; Schwarz R. A Master on the Periphery of Capitalism / R. Schwarz. – Durham, 2001.

²⁸¹ Подробнее см.: Heller B. Tuteladas ou letradas? Imagens de mulheres em textos escolares e literários de 1800 a 1930 / B. Heller // <http://www.unicamp.br/iel/memoria/>; Zimbrão da Silva T.V. Mulheres, Cultura e Literatura Brasileira / T.V. Zimbrão da Silva // Ipotesi: revista de Estudos Literários. – Vol. 2. – No 3. – P. 91 – 100.

²⁸² Машадо де Ассиз, Записки с того света / Машадо де Ассиз // Машадо де Ассиз, Избранные произведения. Стихи. Записки с того света. Дон Касмурро. Новеллы / Машадо де Ассиз. – М., 1989. – С. 62.

²⁸³ См. подробнее: Vitorino A.J.R. Escravismo, proletários e a greve dos compositores tipográficos de 1858 no Rio de Janeiro / A.J.R. Vitorino // Cadernos AEL: Sociedades Operárias e Mutualismo. – 1999. – Vol. 6. – No 10 – 11; França J.M. Literatura e sociedade no Rio de Janeiro Oitocentista / J.M. França. – Lisboa, 1998.

лежавшего к числу носителей «высокой культуры», фигура Марселы, как иностранки и женщины, для социального мира и нравственных ориентиров элиты выглядит маргинально, но и предназначение ее, вместе с тем, утилитарно.

Марсела, которой автор дает уничижительную характеристику («Марсела страстно любила роскошь, деньги и мужчин»), маргинальна в силу отсутствия четких социальных связей, ее происхождение запутано, она – носительница нескольких социальных биографий, официальных и неофициальных: «...Марсела была дочерью огородника из Астурии, она сама рассказывала мне однажды в минуту откровенности; по другой, общеизвестной, версии ее отец был мадридским юристом, жертвой наполеоновского нашествия; его, раненого, заключили в тюрьму и там расстреляли, едва Марселе исполнилось двенадцать лет...»²⁸⁴.

Человек без прошлого добровольно от него отказывается. В частности, для Марселы с прошлым ассоциировался Старый Свет. Именно поэтому, она отказывает герою романа сопровождать его в поездку в Европу, мотивируя это следующими словами: «...я не могу дышать европейским воздухом, я там задохнусь. Я слишком хорошо помню моего бедного отца, загубленного Наполеоном...»²⁸⁵. Образы прошлого, стремление сознательно отказаться от своего собственного прошлого выставляют Марселу из ряда других героев, делая ее поведением нетипичным, отличным от принятой нормы.

Марсела – маргинал, выставленный за пределы «высокой культуры» («...веселой, своенравной, лишенной предрассудков “прелестной Марселе” одинаково были чужды и сельская наивность, и строгая мораль...»²⁸⁶), но связанный с ее носителями различными формальными и неформальными связями, но стремящийся подчеркнуть свой особый статус: «...чопорные обычаи того времени не позволяли подобным женщинам открыто щеголять своим легкомыслием, нарядами и экипажами на улицах Рио-де-Жанейро...»²⁸⁷. Вероятно, у некоторых носителей «высокой культуры» подоб-

²⁸⁴ Машадо де Ассиз, Записки с того света. – С. 62.

²⁸⁵ Там же. – С. 68.

²⁸⁶ Там же. – С. 62.

²⁸⁷ Там же. – С. 62. В оригинале этот и приведенные выше фрагменты представлены в следующем контексте: «Marcela, a “linda Marcela”, como lhe chamavam os rapazes do tempo. E tinham razão os rapazes. Era filha de um hortelão das Astúrias; disse-me ela mesma, num dia de sinceridade, porque a opinião aceita é que nascera de um letrado de Madri, vítima da invasão francesa, ferido, encarcerado, espingardeado, quando ela tinha apenas doze anos. *Cosas de España*. Quem quer que fosse, porém, o pai, letrado ou hortelão, a verdade é que Marcela não possuía a inocência rústica, e mal chegava a entender a moral do código. Era boa moça, lépida, sem escrúpulos, um pouco tolhida pela austeridade do tempo, que lhe não permitia arrastar pelas ruas os seus estouvamentos e berlindas; luxuosa, impaciente, amiga de dinheiro e de rapazes. Naquele ano, ela morria de amores por um certo Xavier, sujeito abastado e tísico, – uma pérola». <http://www.vbookstore.com.br>

ные люди могли вызывать отторжение в связи с тем, что были европейскими иммигрантами и в связи с родим их занятий.

Но в ситуации Бразильской Империи нередко именно иммигрантский статус и определял род занятий, который мог в большей или меньшей степени соотноситься с маргинальностью. Первая встреча Браза Кубаса и Марселы происходит в день провозглашения независимости Бразилии: «...Марсела вышла из паланкина – изящная, легкая, разодетая... во всех движениях ее стройного, гибкого тела была какая-то вызывающая грация, которой не приходилось видеть у порядочных женщин...»²⁸⁸.

В этом контексте поведение Марселы не только демонстрирует вариант женской независимости (в 1822 году), но и подчеркивает степень ее маргинальности, показывая ее чуждость официальной нравственности и культурной традиции. Между людьми круга Марселы и носителями «высокой культуры» существовали разнообразные контакты. Представители старшего поколения вводили в этот круг молодых аристократов: «...дня через три дядюшка спросил меня, не хочу ли я поужинать в обществе веселых дам... мы пришли в дом Марселы...»²⁸⁹.

В романе пятнадцатая глава («Marcela») посвящена именно этой героине, складывается картина социальных связей проститутки Рио-де-Жанейро, связанной с носителями «высокой культуры» - представителями политической аристократии. Социальное существование Марселы протекало в условиях постоянного поддержания отношений с несколькими мужчинами (принадлежавших к разным поколениям, но будучи носителями именно «высокой культуры»), у которых она находилась на содержании.

Отношения Марселы с мужчинами не были стабильными и прерывались по мере того, как она находила новых любовников или ее прежние содержатели оказывались вынуждены заниматься своими финансовыми делами. Поэтому, отношения Марселы с Кубасом прервались после того как «истекли пятнадцать месяцев и закончились одиннадцать тысяч рейсов»²⁹⁰. Подобная социальная стратегия привела к тому, что Марсела среди героев «Посмертных записок Браза Кубаса» не являлась самодостаточным персонажем.

²⁸⁸ Там же. – С. 63. Оригинальная версия текста («Via-a sair de uma cadeirinha, airosa e vistosa, um corpo esbelto, ondulante, um desgarre, alguma coisa que nunca achara nas mulheres puras. – Segue-me, disse ela ao pajem. E eu seguia-a, tão pajem como o outro, como se a ordem me fosse dada, deixei-me ir namorado, vibrante, cheio das primeiras auroras») доступна по адресу: <http://www.vbookstore.com.br>

²⁸⁹ Там же. – С. 63. Оригинальная версия текста («...Três dias depois perguntou-me meu tio, em segredo, se queria ir a uma ceia de moças, nos Cajueiros. Fomos; era em casa de Marcela...») доступна по адресу: <http://www.vbookstore.com.br>

²⁹⁰ Там же. – С. 67.

Роль ее сводилась к дополнению мужского общества: «...Марсела щедро вознаграждала меня, она стремилась угадать мои самые сокровенные мысли, бросалась исполнять мое малейшее желание...»²⁹¹. В такой ситуации мужчина выступает в роли нового колонизатора, покорителя, а женщина вынуждена ему постоянно подчиняться. Система отношений между Бразом Кубасом и Марселой развивалась в условиях существования строгой и негласной иерархии ролей и статусов – гендерных и социальных.

Феминность в романе «Записки с того света» превращается в сферу доминирования архаики и традиционности с их культурой насилия и подчинения, зависимости женщины от мужчины, что было, впрочем, характерно не только для культурной традиции Бразильской Империи. В этой системе отношений доминировал всегда очередной мужчина в то время, как роль Марселы была второстепенной. С другой стороны, феминность постоянно подчеркивает то, что мужчины и женщины вынуждены играть различные социальные роли.

Эта различная социальная предназначенность становится очевидной для Кубаса спустя несколько лет после расставания с Марселой. Случайная встреча подчеркивает непостоянство мира социальных ролей и шаткость системы социальных отношений, отношений покровительства и патроната. Браз Кубас понимает, что если раньше он восхищался Марселой, то теперь она кажется ему отталкивающей: «...в глубине за прилавком сидела женщина. В темноте было невозможно сразу разглядеть ее изрытое оспой лицо... оно не было уродливо, в нем виднелись остатки былой красоты, безжалостно унесенной болезнью и преждевременной старостью. Оспины были ужасны, большие рубцы коростой покрывали лицо, образуя бугры и рытвины...»²⁹².

Но и эта встреча в целом вписывается в систему социальных отношений, ролей и связей, показывая ее статичный характер. Кроме этого, к социальным ролям в данной ситуации добавляются и гендерные. В последних сценах, где фигурирует Марсела, Машаду дэ Ассиз словно сознательно «опускает» свою героиню с околобогемных вершин на самое дно. В этом контексте враждебность к иммигрантам, которая констатируется некоторыми исследователями творческого наследия писателя²⁹³, смыкается с мощным чувством культурного и / или социального национализма.

²⁹¹ Там же. – С. 66.

²⁹² Там же. – С. 98.

²⁹³ В частности, Родрижу Комаржу де Годой констатирует в произведениях Машаду дэ Ассиза «неприязнь против португальских иммигрантов» («hostilidade contra imigrantes lusitanos»), которая, по его мнению, была феноменом в одинаковой степени культурным и социальным («fenômeno social e cultural»). См.: Camargo de Godoi R. O Rio lusófono de Machado de Assis Análise da personagem Marcela das Memórias Póstumas de Brás Cubas / R. Camargo de Godoi // Revista eletrônica Cadernos de História. – 2006. – No 2.

Машаду дэ Ассиз словно подчеркивает статичность и стабильность социальных коммуникаций и практик, участниками которых выступают, с одной стороны, мужчины как носители «высокой культуры» и женщины, этой культурной традиции чуждые. В романе Машаду дэ Ассиза замечен некий культурно-социальный империализм, сопряженный со стереотипами, как гендерными, так и, вероятно, национальными.

Герои, мужчины и женщины, носители разных культурных традиций связаны между собой сложной системой формальных и неформальных отношений. За ними стоят различные идентичности, которые влияют на выбор как поведенческих стратегий, так и выполнение социальных ролей. Роли эти могут быть приняты вынужденно или добровольно, или же приписываться тому или иному сообществу, выставляемому за пределы культурного мэйн-стрима.

Социальный империализм героя (или автора?) порождает социальные стереотипы, проецируемые на ситуации, описанные в романе. Поэтому, история Марселы – иммигрантки и проститутки – это история постепенного движения вниз по социальной лестнице, история маргинализации, потери и разрушения формальных и неформальных связей.

Марсела – человек, прикоснувшаяся к «высокой культуре», но не ставшая ее носительницей. Вероятно, виноваты в этой ситуации обе – и бывшая содержанка и сама культурная традиция, с носителями которой она контактировала. Период существования Бразильской Империи – это не только период доминирования «высокой культуры». История Империи – это и время постепенного угасания, упадка и разложения «высокой культуры», на смену которой пришли новые идентичности, менее уникальные и более подвижные, но знающие тот же набор социальных ролей.

Потребление проституции из салонов начало перемещаться в публичные дома еще в период существования Империи. Республика, с присущим ей социальным и гендерным демократизмом, окончательно «добила» традиции «высокой культуры», что привело к существенным переменам в развитии и функционировании социального империализма, проявлявшегося как в национализме, так и в развитии взаимных (преимущественно – социальных) представлений.

В Республике для женщин нашлось место не только на страницах литературных произведений в качестве героинь – история бразильского социального и (пост)модернистского романа XX века знает немало талантливых писателей-женщин. Столь резкая смена социальных ролей является не только результатом модернизационных процессов. Предпосылки для этих радикальных идентичностных сдвигов были заложены в период Бразильской Империи, в том числе – и в произведения Машаду дэ Ассиза.

ФЕМИННОСТЬ В ТЕНИ ДОМИНИРУЮЩЕЙ МУСКУЛИННОСТИ: ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В БРАЗИЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ ИМПЕ- РИИ (НА ПРИМЕРЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ МАШАДУ ДЭ АССИЗА)

В предыдущих разделах, вошедших в состав этой книги, мы констатировали, что развитие культурного дискурса в период существования Бразильской Империи развивалось в условиях, с одной стороны, почти полного доминирования «высокой культуры», и значительной фрагментации с другой. В рамках интеллектуального дискурса мы можем выделить несколько своеобразных полюсов, которые служили своеобразными точками притяжения для бразильских интеллектуалов той эпохи.

Иными словами, существовало несколько тем (часто тесно переплетенных), которые являлись источниками интеллектуальной активности носителей высокой культуры. Эти темы, в большей или меньшей степени, затронуты в различных разделах настоящей книги и в исследовании автора, вышедшем в 2008 году и посвященном проблемам национализма в Южной Америке²⁹⁴.

Речь идет о проблемах, принципиально важных и, поэтому, интересных для бразильских носителей «высокой культуры» эпохи Империи. Двумя проблемами подобного плана были индейцы и негры. С первыми связано возникновение в интеллектуальной жизни Бразильской Империи такого течения как индеанизм. Самый яркий представитель бразильского индеанизма – Жозэ дэ Аленкар²⁹⁵, который внес значительный вклад в становление имперской идентичности, в частности – в том, что касалось создания образа «другого» и «чужого».

Негры тоже нередко попадали на страницы художественных произведений. Роман Бернарду Гимараэша «Рабыня Изаура» насыщен черными персонажами²⁹⁶. С бразильскими неграми мы встречаемся и на страницах произведений Машаду дэ Ассиза²⁹⁷. И Жозэ дэ Аленкар, и Машаду Ассиз, и Бернарду Гимараэш были носителями «высокой культуры», для которых

²⁹⁴ См. подробнее: Кирчанов М.В. *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008.

²⁹⁵ Кирчанов М.В. *Ordem e progresso...* – С. 70 – 79 (раздел «Формирование образа “чужого”: индейские нарративы в творчестве Жозэ де Аленкара»).

²⁹⁶ Кирчанов М.В. *Ordem e progresso...* – С. 80 – 88 (раздел «Между *casa grande* и *senzala*: интеллектуальные истоки модернизации и литературный текст в Бразилии в середине 1870-х годов»).

²⁹⁷ Кирчанов М.В. *Ordem e progresso...* – С. 89 – 98 (глава «Создавая новую идентичность: Машаду де Ассиз и ранний бразильский модернизм»). См. так же раздел «Linda Marcela: феминность, мускулинность и культурно-социальный империализм в Бразильской Империи» настоящего издания. О модернизме см.: Bradbury M., McFarlanr J. *Modernismo: guia geral* / M. Bradbury, J. McFarlanr. – São Paulo, 1989.

был характерен своеобразный социально-культурный империализм, в наибольшей степени, вероятно, проявившийся в произведения Машаду дэ Ассиза.

Этот культурный империализм имел и гендерный бэк-граунд. Между тем, Силвия Уолби констатирует, что в большинстве исследований, посвященных национализму «вопрос пола не ставится как значимый»²⁹⁸. Подавляющее большинство советских и российских исследований о национализме и культуре в Бразилии вообще своеобразно дегендерированны. Попытки ввести гендер в число изучаемых сюжетов имеют спорадический характер²⁹⁹, а некоторые работы откровенно неудачны в силу принадлежности к нормативной и описательной историографии, а так же – приверженности идеологизированным схемам и историографическим клише³⁰⁰. В частности, Жозэ дэ Аленкар³⁰¹, вводя читателя в круг персонажей, замечает, что о женщинах следует рассказать автору в то время, как герои-мужчины расскажут о себе сами.

В романах Машаду дэ Ассиза роль героини-женщины, как правило, роль, протекающая в системе подчинения и несамостоятельности на фоне доминирования со стороны мужчины. Самый «революционный» женский персонаж в бразильской литературе эпохи Империи – это, вероятно, белая рабыня Изаура, но весь ее радикализм (если, конечно, данный термин в этом контексте и значении применим) – результат тех социальных и культурных условий, созданных героями-мужчинами. Изаура на протяжении всего романа выступает в роли вдовой – сюжет развивается вокруг героев-мужчин.

Таким образом, женские образы в бразильской литературе эпохи Империи имели бэк-граунд, проявлявшийся в доминировании мускулинной

²⁹⁸ См. подробнее: Уолби С. Женщина и нация / С. Уолби // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. – М., 2002. – С. 308.

²⁹⁹ См., например, раздел «Революционная femina: радикализация гендера и левая политическая идентичность» в монографии автора 2008 года (Кирчанов М.В. *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008. – С. 130 – 137). См. так же его расширенную, измененную и дополненную версию: Кирчанов М.В. *Раса, феминность, мускулинность и брутальность: дискурсы политизации гендера в Бразилии середины 1950-х годов* / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти Сергея Ивановича Семенова / А.А. Слинько (ред.), М.В. Кирчанов (сост.). – Воронеж, 2008. – Вып. 4 (в печати).

³⁰⁰ В качестве образца подобной научной продукции, выдержанной в духе нормативной историографии см.: Аверина О.В. *Женщина-президент Чили: миф или реальность* / О.В. Аверина // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2006. – С. 38 – 45.

³⁰¹ См. подробнее: Helena L. *A solidão tropical e os pares à deriva: Reflexões em torno de Alencar* / L. Helena // *Luso-Brazilian Review*. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 1 – 18.

политической культуры – культуры участия, разделения и исполнения социальных ролей. Но это вовсе не делает женские образы менее ценными. Подобная стратегия развития «женского» нарратива, артикулируемого писателями-мужчинами представляет значительный интерес в контексте социальной и интеллектуальной истории Бразильской Империи, формирования и развития идентичностей – культурных, гендерных, социальных...

Именно поэтому, в настоящем разделе мы остановимся на женских образах Машаду дэ Ассиза, которые демонстрируют различные спектры социальных и идентичностных отношений в Бразильской Империи, представленных в малой прозе Машаду дэ Ассиза.

Вероятно, следует сделать вводное замечание. В литературе, посвященной национализму и идентичности, неоднократно высказывалось мнение, что женщины играют немаловажную роль в процессе национального строительства и функционировании того или иного сообщества. Мы можем констатировать, что среди обширного корпуса текстов и национализме можно выделить отдельную группу публикаций, в которых обсуждается широкий круг вопросов, связанных с проблемами гендера, насилия и сопротивления, феминности, национализма, идентичности³⁰².

В частности С. Уолби указывает, что можно выделить пять социальных ролей женщины, а именно – 1) участие в биологическом воспроизводстве членов коллектива; 2) воспроизведение границ этнических / национальных групп; 3) центральная роль в воспроизводстве культуры коллектива; 4) воплощение национальных и этнических различий; и 5) участие в политической, социальной, военной борьбе³⁰³.

Вероятно, полный набор этих социальных и культурных ролей характерен для национализмов XX века и национальных государств. Бразильская Империя принадлежала не к национальным, а национализирующимся государствам. В этой ситуации мы можем констатировать только первую роль и полное отсутствие четырех оставшихся. Это вело к тому, что женщина не была участником процессов национального воображения, являясь лишь одним из воображаемых / воображенных образов.

Герои-женщины в новеллах бразильского писателя практически не играли независимых социальных ролей, а их образы представлены в контексте мужских. Например, новелла, названная женским именем «Франсиска»

³⁰² См. например: Cockburn C. *The Space Between Us: Negotiating Gender and National Identities in Conflict* / C. Cockburn. – L., 1998 (существует русский перевод: Кокберн С. *Пространство между нами. Обсуждение гендерных и национальных идентичностей в конфликтах* / С. Кокберн. – М., 2002); Enloe C. *Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics* / C. Enloe. – L., 1989; *Gender and Stratification* / eds. R. Crompton, M. Mann. – Cambridge, 1986; Jayawardena K. *Feminism and Nationalism in the Third World* / K. Jayawardena. – L., 1986; Turner B. *The Body and Society* / B. Turner. – Cambridge, 1987; *Woman – Nation – State* / eds. N. Yuval-Davis, F. Anthias. – L., 1989.

³⁰³ Уолби С. *Женщина и нация*. – С. 310.

открывается фразой, которая словно подчеркивает неравный статус женщины и отсутствие самодостаточности женских образов: «поэт Даниэль любил во Франсиске все – ее душу, ее красоту, юность, невинность и даже имя»³⁰⁴.

Появление героинь-женщин в малой прозе Машаду дэ Ассиза – условие необходимое для развития сюжета, который вращается почти исключительно вокруг мужчин. Мужчинам в книгах Машаду дэ Ассиза соответствует почти исключительно патриархальный тип женщины – «с моральными и физическими данными»³⁰⁵, но предпочтительнее – «послушный, покорный и кроткий»³⁰⁶. В частности Даниэл после возвращения из Минас-Жерайса думает о Франсиске, исключительно в контексте своих собственных планов: «...приехав в Рио-де-Жанейро, он решил разузнать о ней, разведать, верна ли она ему, достойна ли его любви...»³⁰⁷.

Иными словами, женщина в прозе Машаду дэ Ассиза – это не личность, даже – не потенциальная личность. Машаду дэ Ассиз нередко создавал такие образы героинь-женщин, которые не способны на реальные чувства («...отец воспрепятствовал браку... Сесилия не слишком потеряла голову... хотя она и проплакала целый день, наутро встала веселая и спокойная...»³⁰⁸), существование которых протекает автоматически вне времени и вне событий.

Социальный и эмоциональный мир индейцев в произведениях бразильской литературы эпохи Империи богаче чем мир женских образов. По эмоциональным проявлениям некоторые женские персонажи близки в литературе к образам негров-рабов. Степень соответствия тем культурным образцам и нормам, которые женщинам приписывают герои-мужчины, является важнейшим маркером того может ли не может *она* поддерживать отношения с *ним*.

Машаду дэ Ассиз создал образ зависимой от решений родственников (в первую очередь – отца³⁰⁹) Франсиски, выдержанный в категориях традиционности и патриархальности («...Франсиска была воплощением той невинной и целомудренной красы, образцами которой служат Руфь, Виргиния и Офелия... ее опрятность свидетельствовала о чистоте духов-

³⁰⁴ См. подробнее: Машадо де Ассиз, Франсиска // Машадо де Ассиз, Избранные произведения. Стихи. Записки с того света. Дон Касмурро. Новеллы / Машадо де Ассиз. – М., 1989. – С. 431.

³⁰⁵ Машадо де Ассиз, С глаз долой // Машадо де Ассиз, Избранные произведения. Стихи. Записки с того света. Дон Касмурро. Новеллы. – С. 499.

³⁰⁶ Машадо де Ассиз, Хитрости молодого мужа // Машадо де Ассиз, Избранные произведения. Стихи. Записки с того света. Дон Касмурро. Новеллы. – С. 453.

³⁰⁷ Машадо де Ассиз, Франсиска. – С. 433.

³⁰⁸ Машадо де Ассиз, Оракул // Машадо де Ассиз, Избранные произведения. Стихи. Записки с того света. Дон Касмурро. Новеллы. – С. 447.

³⁰⁹ Машадо де Ассиз, Франсиска. – С. 432.

ной...»³¹⁰), словно подчеркивая, что религиозные переживания являются наивысшими чувствами, на которые способна женщина.

В текстах, созданными бразильскими интеллектуалами в период Империи, женщины оказываются в центре семейно-брачных отношений, инициаторами которых выступают мужчины, символизирующие архаичную власть сообщества над индивидом. В новелле «С глаз долой» отношения между Жоаном и Серафиной встраиваются не ими, а их отцами, один из которых дезембаргадор, а второй – комендадор. Логика родителей в этой ситуации проста: «наши семьи общаются»³¹¹. Таким образом, социальные статусы родителей способствуют развитию горизонтальных связей между молодым человеком и девушкой в то время, как гендерный фактор в этом контексте имеет второстепенное значение.

В новелле «Франсиска» отец символизирует авторитарную семейную линию следования ценностям и традициям: «...меня заставили и принудили, отец хотел выдать меня замуж побыстрей... я плакала, просила, умоляла, но все напрасно, он заставил меня выйти замуж...»³¹². Подобный мотив мы находим и в «Хитростях молодого мужа», где «...бедная девушка была примерной дочерью, почитала отца, и воля его была для нее непреклонным законом...»³¹³. Иными словами, в Бразильской Империи на уровне семьи носителей «высокой культуры» доминировала традиционная модель гендерных и отношений и распределения социальных ролей, в рамках которой доминировали мужчины, выстраивавшие эту систему.

За героинями-женщинами носители «высокой культуры» в Бразильской Империи оставили еще и право на страдание. Машадо де Ассиз известен своими женскими болезненно страдающими и измученными женскими образами – например, Марсела, встреченная Бразом Кубасом после многолетней разлуки. Болезни героинь-женщин – это, вероятно, последствия социальной культуры того времени. Поэтому, в повести «Хитрости молодого мужа» одно из первых появлений героини Клариньи отмечено некой болезненностью, проявлявшейся в периодических приступах лихорадки³¹⁴. Не лучше выглядела и Франсиска в одноименной новелле: «...да Франсиска ли это? Ее нельзя было узнать. Перед Даниэлом предстала живая статуя страдания, скрытое, но беспощадное горе точило несчастную женщину...»³¹⁵. Другая героиня, Антония, предстает как «ни уродина, ни красавица, обычное лицо с неправильными чертами лица»³¹⁶.

³¹⁰ Машадо де Ассиз, Франсиска. – С. 431.

³¹¹ Машадо де Ассиз, С глаз долой. – С. 499.

³¹² Машадо де Ассиз, Франсиска. – С. 436.

³¹³ Машадо де Ассиз, Хитрости молодого мужа. – С. 458.

³¹⁴ Там же. – С. 454.

³¹⁵ Машадо де Ассиз, Франсиска. – С. 435.

³¹⁶ Машадо де Ассиз, Ангел Рафаэл // Машадо де Ассиз, Избранные произведения. Стихи. Записки с того света. Дон Касмурро. Новеллы. – С. 538.

В малой прозе Машаду дэ Ассиза женщины нередко играют и деструктивную роль, разрушая планы мужчин и убивая их юношеские мечты и идеалы: поэтому, Даниэл приезжает после многолетнего отсутствия в Рио-де-Жанейро совершенно иным человеком, которого «время заставило позабыть благородные идеалы»³¹⁷. В этом контексте возникает новый образ женщины – не созидательницы, а разрушительницы, которая оказывает деструктивный образ на преимущественно «мужской» социальный мир Бразильской Империи.

Подводя итоги настоящего раздела, следует акцентировать внимание на нескольких аспектах.

Женские образы в бразильской литературе периода Империи – результат сознательной рефлексии представителей интеллектуального сообщества, которые были одновременно и носителями «высокой культуры». «Высокая культура» была культурой гендерно маркированной и детерминированной, развиваясь как культура мужчин, что подразумевало не только преимущественно политическое участие мужчин, но статус мужчины как творца, создателя – в том числе и культурных (литературных) ценностей.

Эти образы, вероятно, соответствовали тому набору социальных и культурных ценностей, которые доминировали в Империи, разделяясь и принимаясь большинством бразильских интеллектуалов. Эти интеллектуалы были не просто носителями «высокой культуры», но и обладали особой и уникальной идентичностью, которая имела ярко выраженный гендерный, мускулиновый, бэк-граунд. Такая ситуация автоматически исключала женщин из числа активных акторов, даже – в воображаемой социальной реальности литературного текста.

Набор социальных ролей бразильской женщины в литературе периода Империи почти не выходил за пределы семьи, материнства и церкви. Вероятно, это были даже не социальные роли, а социальные и культурные предписания, принятые недобровольно, а воспринятые в силу доминирования традиции. Ценности, повлиявшие на формирование женского дискурса в бразильской литературе в период Империи, в значительной степени оставались традиционными, а общество было затронуто модернизационными процессами в незначительной степени.

³¹⁷ Машадо де Ассиз, Франсиска. – С. 444.

ПОРТУГАЛЬСКИЕ (ГАЛИСИЙСКИЕ) ЭМИГРАНТЫ, НЕГРЫ, ЖЕНЩИНЫ, ГОМОСЕКСУАЛИСТЫ И БУРЖУА: СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ И СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В ПОЗДНЕЙ БРАЗИЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Процессы формирования и развития национализма не связаны исключительно с формированием национального самосознания, культивирования воображаемой географии и появлением образов «чужих». Формирование и развитие национализма протекает в определенных социальных условиях, которые определяют контекст формирования различные пластов и дискурсов идентичности, оказывая значительное влияние на развитие своеобразного социально и культурно детерминированного бэк-граунда, на фоне которого и протекает формирование и / или развитие идентичности и национализма.

В исследовательской литературе советского периода доминировала идеологизированная концепция, согласно которой процессы роста национального и классового самосознания в значительной степени отделены друг от друга. В рамках советского дискурса национализм, как правило, осознавался, как крайне негативное политическое явление³¹⁸, в то время как симпатии советских историков всегда были на стороне социальных движений, в которых в угоду политической конъюнктуре они находили элементы движений социалистических или даже коммунистических³¹⁹.

В советской латиноамериканистике сложилась иная ситуация: советские исследователи были вынуждены констатировать, что в некоторых странах региона процессы возникновения, роста и развития движений национальных и социальных могли фактически совпадать. В ряде случаев было непросто отделить национализм от проявлений того, что в советской историографической традиции обозначалось как «классовая борьба». Тогда на помощь советским латиноамериканистам приходила пресловутая

³¹⁸ См. подробнее раздел «Теоретические и методологические подходы к изучению национализма в социальных науках» в монографии автора 2008 года: Кирчанов М.В. Национализм: политика, международные отношения, регионализация / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008 (в печати).

³¹⁹ См. подробнее советские публикации о феномене национализма, которые в настоящее время интересны в контексте интеллектуальной истории советской эпохи, но не изучения национализма. См., например: Вилков Ю. Методологические основы критики буржуазного национализма / Ю. Вилков. – М., 1985; Иванченко И. Буржуазный национализм-средство идеологической диверсии. Критика буржуазных националистических концепций и практика их использования в идеологической диверсии против СССР / И. Иванченко. – М., 1985; Критика национализма – реакционной идеологии современной буржуазии. – М., 1981; Малышко А. Воинствующий национализм / А. Малышко. – Мн., 1971; Трояновский А. Современный национализм на службе антикоммунизма / А. Трояновский. – М., 1981.

советская дихотомия, согласно которой национализм угнетенной нации был явлением в принципе позитивным, а «буржуазный национализм» получал сугубо негативные оценки.

Но разделить различные политические тренды в странах Латиноамериканского региона было непросто и, поэтому, крупнейшее исследование советского периода, посвященное национализму в Южной Америке, страдает от двусмысленности и недосказанности³²⁰. В более сложной ситуации оказались те советские бразилиоведы, которые занимались изучением истории бразильской литературы эпохи Империи и ранней (первой) Республики.

Почти все бразильские писатели периода Империи и первых лет существования Республики были носителями традиций «высокой культуры», коих было сложно объявить «прогрессивными» писателями, осуждавшими пороки буржуазного общества, что советские исследователи делали с более поздними бразильскими авторами. В такой ситуации советские исследователи столкнулись с немалыми сложностями в деле интеграции бразильской литературы (точнее – единичных переводов произведений бразильских писателей на русский язык³²¹) в советский идеологический канон.

Среди писателей, которого в советскую модель восприятия бразильской литературы было непросто интегрировать оказался и Алуизиу Азеведу – один из крупнейших писателей ранней Республики. В настоящем разделе автор планирует уделить внимание двум проблемам: дискурсу социального в поздней Бразильской Империи в интерпретации Алуизиу Азеведу и восприятию самого писателя (точнее, той части его творческого наследия, которая связана с имперскими сюжетами) в советском интеллектуальном дискурсе начала 1960-х годов.

³²⁰ В данном случае речь идет о публикации 1976 года. См.: Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения / ред. А.Ф. Шульговский. – М., 1976.

³²¹ В среднем на русском языке в советский период выходило по одной книге переводов одного бразильского писателя. Появление двух книг с разными текстами – редкое исключение. Наиболее переводимыми были Жоржи Амаду, Жозэ дэ Аленкар, Машаду дэ Ассиз и Афонсу Шмидт. В советском дискурсе Ж. Амаду позиционировался как крупнейший бразильский писатель – поэтому, стало возможно издание его собрания сочинений. Жозэ дэ Аленкар попал в категорию книг для юношества, что облегчило его переводы на русский язык. Машаду дэ Ассиз переводился в силу его статуса классика. Афонсу Шмидт был вынужден довольствоваться статусом крупного «прогрессивного писателя». На этом фоне значительное число писателей-модернистов, постмодернистов, представителей женской прозы второй половины XX века оставались неизвестными советскому читателю. Современная ситуация с переводами бразильской литературы на русский язык не лучше: на рынке до недавнего времени доминировали переводы книг П. Коэльо. Из «новых» авторов, недоступных советскому читателю, упомянем лишь переводы Клариси Лиспектор.

Обратимся в первую очередь к тексту романа, который в оригинальной версии называется «Cortiso» («Улей»), а в русском переводе – «Трущобы».

Действие книги происходит в Бразильской Империи накануне ее падения. В тексте можно выделить несколько дискурсов. Один из дискурсов – это дискурс эмиграции и постепенной ассимиляции или отторжения. В романе мы сталкиваемся, например, с португальскими эмигрантами.

В Бразильской Империи само понятие «португалец» было в значительной степени размыто. Португальцами считались выходцы из собственно Португалии, а так же некоторых регионов Испании – в частности Галисии. Вероятно, в интеллектуальном дискурсе Империи понятия «португалец» и «галисиец» были в значительной степени синонимичными.

Отношение со стороны португальцев к иммигрантам было различно, варьируясь от игнорирования до полного неприятия – в частности, один из героев романа бразилец Фирму в отношении португальцев бросает фразу, что он «этих галисийцев не считает за людей»³²². Позднее в стычке с одним из португальских эмигрантов Фирму начнет с того, что обзовет его «галисийской мордой»³²³.

В итоге Фирму попытается убить португальца, что демонстрирует один из вариантов стратегии бразильцев в отношении иммигрантов – полное отторжение и неприятие. Подобные поведенческие стратегии порождали и ответную реакцию со стороны португальских иммигрантов: трое каменотесов поймали бразильца и мулата Фирму, убили его, а тело сбросили в океан³²⁴.

Городские окраины в Империи были не просто местом обитания наиболее бедных слоев населения, среди которых были и белые бразильцы, и негры, и мулаты, и португальские иммигранты, но и местом столкновений, поводом к которым были национальные противоречия: «...во дворе все усиливалась свалка, раздуваемая грозным ветром национальных распрей. Из общего гула стонов и криков вырывались громкие “Ура Португалия!” и “Ура Бразилия!”...»³²⁵.

Национальные противоречия в поздней Бразильской Империи стимулировались взаимными представлениями тем, что и бразильцы и португальцы имели опыт национального воображения друг друга, наделяя другое сообщество негативными качествами. Если португальцы были готовы броситься на бразильцев, как только слышали слово «галисиец», то со сто-

³²² См.: Азеведу А. Трущобы / А. Азеведу / пер. с порт. Н.Я. Воиновой, ред. И.А. Лихачева. – М., 1960. – С. 108.

³²³ Азеведу А. Трущобы. – С. 134.

³²⁴ Там же. – С. 184 – 185.

³²⁵ Там же. – С. 200.

роны бразильцев следовала аналогичная реакция, если их называли «кабра»³²⁶.

В такой ситуации насилие со стороны большинства порождает и реакцию со стороны меньшинства, в том числе – и сообщества иммигрантов. Социальные пути и стратегии португальских иммигрантов в романе различны. Один из героев романа, выходец из Португалии, Жоан-Роман «с тринадцати до двадцати пяти лет служил приказчиком у одного португальца»³²⁷. Вероятно, Алуизиу Азеведу, подобно другим бразильским авторам того времени, не питал особых симпатий к португальцам.

Португальский эмигрант в интеллектуальном дискурсе поздней Бразильской Империи – это, как правило, человек занятый неквалифицированным трудом. Это – или содержатель трактира, или портовый грузчик, или обитатель трущоб. Существовала и другая социально-культурная роль: португалец как сожитель бразильянки. В частности, соседка Жоана-Романа негритянка Бертолеза «жила с португальцем, промышлявшим перевозкой грузов на ручной тележке»³²⁸. Португалец в этом контексте предстает как потребитель Бразилии и того, что могла предложить ему страна – в первую очередь, женщин. У другой героини романа, Дас Дорес, был тоже португальский сожитель – «красный, лоснящийся от пота, отяжелевший от молодого вина»³²⁹ – почти типичный представитель португальской иммиграции в Бразильскую Империю, пока не решивший, остаться ему в бывшей колонии или вернуться на родину.

По мнению Алуизиу Азеведу, португальцев в Бразилии ожидало две перспективы – возвращение в Португалию или ассимиляция. Важными каналами ассимиляции были бразильские традиции и женщины, при этом вторые нередко выступали в качестве ретранслятора первых. Темпы ассимиляции португальцев, мужчин и женщин, в Бразильской Империи были различны.

Вероятно, случаи полной ассимиляции женщин, связанных с традициями и традиционными отношениями, привезенными из Португалии, в первом поколении были крайне редки. Что касается мужчин, то они, вероятно, ассимилировались быстрее. Дискурс ассимиляции представляет собой семья португальца-каменотеса Жерониму, которого привлекала «американская жизнь и бразильская природа»³³⁰, оказался подвержен ассимиляции в большей степени, чем его супруга.

Постепенно бывший португальский крестьянин начинает превращаться в бразильца. Ассимиляция могла быть и причиной семейных кон-

³²⁶ В бразильском варианте португальского языка слово «сабра» означает «метис». Имеет презрительный и негативный оттенок.

³²⁷ Азеведу А. Трущобы. – С. 13.

³²⁸ Там же. – С. 13.

³²⁹ Там же. – С. 76.

³³⁰ Там же. – С. 102.

фликтов между эмигрантами первого поколения. Именно принятие бразильского образа жизни пугало супругу Жерониму, которая полагала, что «как только ее муж окончательно превратится в бразильца, она станет ему не нужна»³³¹.

Португальский эмигрант предстает как почти неотъемлемый элемент социального ландшафта в поздней Империи, являясь вместе с тем и причиной многочисленных социальных проблем. Хотя численность португальских эмигрантов контролировалось естественным образом ввиду значительной смертности, связанной с социальными условиями эмигрантских кварталов. Но смерть очередного португальского эмигранта остается почти незамеченной: «ее сожитель пробежал три километра с непосильной ношей, упал мертвым на улице, рядом со своей тележкой»³³².

После смерти своего португальского сожителя Бертолеза, которая не является полностью свободной, но вынуждена выплачивать своему господину определенную сумму, идущую в счет ее выкупа, сходится с Жоан-Романом, что показательно на фоне социальных и культурных связей в поздней Бразильской Империи: «Бертолеза, как и всякая другая рабыня, не желала сходиться с негром и инстинктивно искала себе мужчину среди представителей иной расы»³³³. Примечательно и то, что, по мнению негритянки, ее зависимость была если не справедливой, то вполне естественной: «просто судьба у меня такая... он был моим господином и требовал только то, что ему принадлежало»³³⁴.

Окраины бразильских городов периода поздней Империи, вероятно, представляли собой зону доминирования социо-культурной архаики и традиционных отношений. Сожительство с белым в системе, неотъемлемой частью которой были отношения покровительства, является своеобразной формой или попыткой изменения своего социального (и вероятно – культурного) статуса в сторону его повышения.

Среди героев романа есть еще несколько небелых женских персонажей. Среди них – рабыня соседа Жоан-Романа Изаура, которая словно в противовес классической Изауре Бернарду Гимараэша, предстает как «молдая, ленивая и глупая мулатка»³³⁵. Другая рабыня, Леонор, предстает как «знающая понаслышке всю технологию распутства»³³⁶. Вероятно, героини в романе Алуизиу Азеведу играли второстепенные роли, будучи своеобразным феминным бэк-граундом на фоне доминирования героев-мужчин.

³³¹ Там же. – С. 104.

³³² Там же. – С. 14.

³³³ Там же. – С. 15.

³³⁴ Там же. – С. 15.

³³⁵ Там же. – С. 32.

³³⁶ Там же. – С. 32.

В глазах мужчин поздней Империи «женщина представляет собой капитал, а капиталом нельзя пренебрегать». Нередко отношение к женщине подобно отношению к плевательнице: «...эка важность... я пользуюсь ею так, как пользуюсь плевательницей...»³³⁷. В социо-культурном империализме поздней Бразильской Империи заметен и своеобразный гендерно маркированный и детерминированный империализм. Но и подобное отношение порождало ответную реакцию среди женщин, что вело к формированию стихийного протеста, потенциального протофеминизма: «...замуж? Нет... это для чего?... чтобы самой отдать себя в рабство? Муж – это хуже черта, все они уверены, что мы должны быть рабынями...»³³⁸.

Протест женщины (озвученный в этой культурной ситуации писателем-мужчиной) направлен в этой ситуации не против мужчины, но против той системы, в рамках которой именно мужчины направляют социальные процессы, устанавливая социальные роли, отталкиваясь именно от гендерных оснований. Женщина предстает не как актер социальных и культурных отношений, а как только элемент отношений между мужчинами, устанавливающими и направляющими культурные и социальные связи.

Среди персонажей романа мы находим и откровенно маргинальные фигуры – например, гомосексуалиста³³⁹ Албину («женоподобного существа цвета вареной спаржи»³⁴⁰ с «жалкими бедрами лимфатического мужчины»³⁴¹), который любил переодеваться в женскую одежду. Албину был прачкой и стирал белье наравне с женщинами, которые были склонны видеть в нем себя, но не мужчину. Албину – повод для постоянных непристойных шуток со стороны соседей.

Случайные гости, словно издеваясь над ним, ухаживают за Албину как за девушкой³⁴², что в итоге приводит к его «выставлению» за пределы этого нормального гетеросексуального сообщества. Место Албину, который не курил и не употреблял алкоголя, маргинально и в силу того, что его поведенческая модель в радикальной степени отлична от поведения других мужчин.

³³⁷ Там же. – С. 35.

³³⁸ Там же. – С. 68.

³³⁹ В отечественной латиноамериканистике, в отличие от западной, проблема гомосексуалистов и лесбиянок в контексте социальных и культурных отношений и идентичностей в странах Латинской Америки остается темой почти неизученной. В качестве публикации по этой теме мы можем упомянуть лишь перевод рецензии Дж. Н. Грин на книгу А. Приер «Memo's House, Mexico City: On Transvestites, Queens, and Machos». См.: Грин Дж. Н. Переодетые «королевы» рабочих кварталов Мехико / Дж. Н. Грин (пер. с англ. Т. Гарист) // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти Сергея Ивановича Семенова / А.А. Слинько (ред.), М.В. Кирчанов (сост.). – Воронеж, 2008. – Вып. 3 (в печати).

³⁴⁰ Азеведу А. Трущобы. – С. 44.

³⁴¹ Там же. – С. 52.

³⁴² Там же. – С. 77.

Место Албину в обществе поздней Империи маргинально, он отторгается консервативным большинством. Именно поэтому Албину был однажды избит студентами³⁴³. Албину – маргинал и обитатель городского дна, исключенный из социальных и культурных связей. Единственная возможность для него в минимальной степени восстановить или попытаться восстановить разрушенные связи – это участие в ежегодном карнавале – но и на карнавале его роль, роль мужчины, изображающего женщину и одетого в женское платье³⁴⁴, маргинальна.

Сосед Жоан-Романа и Бертолезы, португалец Миранда, «владелец крупного оптового магазина»³⁴⁵, был по своему статусу близок к буржуа и в некоторой степени к носителям «высокой культуры». Целью Миранды было и чисто внешнее приближение к бразильской имперской аристократии – его мечтой было получение баронского титула³⁴⁶. Для него португальский эмигрант и негритянка – люди не просто находящиеся ниже по социальной лестнице. В отношении них он испытывал чувство социального превосходства, своеобразного социо-культурного империализма. Поэтому, о своем соседе он готов отзываться исключительно как о «дряни, которая никогда не носила пиджака, делит стол и постель с негритянкой»³⁴⁷.

Португальский эмигрант нередко выступал в роли экономического эксплуататора («разбогатец, не вылезая из своей грязной бакалейной лавки, затерянной в дальнем углу предместья Ботафаго»³⁴⁸), то есть наделялся теми негативными качествами и чертами, которые в восточно и центральноевропейском дискурсе нередко приписывали евреям, как содержателям трактиров. Для Алуизиу Азеведу так же был характерен своеобразный социо-культурный империализм, важнейшим проявлением которого был социально направленный контент недовольства португальцами в Бразильской Империи.

Подобно той деструктивной роли, которая приписывалась евреям в политическом и культурном воображении восточноевропейских национализмов, у Алуизиу Азеведу влияние португальца так же имеет сугубо негативный характер: португалец предстает как разрушитель традиционных ценностей и отношений, который заставляет бразильца продолжать бизнес, основанный на использовании пороков его соотечественников.

В романе абстрактный португалец предстает, подобно абстрактному еврею в литературах, порожденных восточными европейскими национализмами, как и скрытый угнетатель Бразилии – «страны, существующей

³⁴³ Там же. – С. 45.

³⁴⁴ Там же. – С. 45.

³⁴⁵ Там же. – С. 18.

³⁴⁶ Там же. – С. 31.

³⁴⁷ Там же. – С. 28.

³⁴⁸ Там же. – С. 13.

для обогащения португальцев»³⁴⁹. Именно поэтому, Жоан-Роман превращается в достойного продолжателя дела уехавшего на родину португальца. Именно поэтому, «сделавшись собственником и начав торговать на свой страх, парень с еще большим рвением принялся за работу; его обуревала такая жажда наживы, что он готов был идти на самые тяжкие мучения»³⁵⁰.

И вот появляется образ нового бразильца («...не зная ни воскресений, ни других праздников, не пренебрегая возможностью завладеть тем, что плохо лежит, стараясь не заплатить всякий раз, как представлялся случай, и никогда не упуская возможности получить лишнее, обманывая покупателей... Жоан-Роман смог купить часть каменоломни...»³⁵¹), которым «всецело овладела лихорадка стяжательства»³⁵², и для которого доживавшая последние дни Империя кажется не архаичной, а просто – ненужной.

Выше мы констатировали то, что в Советском Союзе издание переводной, в том числе – и бразильской, литературы было подчинено требованиям идеологического канона. Вероятно, следует уделить внимание восприятию текста Алуизиу Азеведу в советском дискурсе начала 1960-х годов.

Первое, некоторое удивление вызывает сам факт перевода этого романа на русский язык. Текст, с одной стороны, демонстрирует крайне неприятную и непривлекательную социальную реальность. С другой, в нем нет всех тех атрибутов прогрессивности, которые были символически важны для советского канона – мы не находим ни классового сознания, ни классовой борьбы.

Второе, текст демонстрирует нетолерантную модель отношений между различными этническими группами в поздней Бразильской Империи, что так же выделяет его на фоне советской традиции цензуры, стремившейся не допустить огласки существовавших в СССР национальных противоречий. На этом фоне русский перевод романа – явление знаковое: в Советском Союзе вышла книга без правильного классового финала на фоне социального и национального конфликта. Вероятно, именно поэтому в 1960 году Государственное издательство художественной литературы проводило русский перевод романа идеологически правильным и выдержанным предисловием³⁵³, пытаясь доказать, что роман этот – книга, клеймящая пороки капиталистического общества.

³⁴⁹ Там же. – С. 34.

³⁵⁰ Там же. – С. 13.

³⁵¹ Там же. – С. 19.

³⁵² Там же. – С. 24.

³⁵³ Воинова Н., Плавский Н. Алуизиу Азеведу и его роман «Трущобы» / Н. Воинова, Н. Плавский // Азеведу А. Трущобы / А. Азеведу / пер. с порт. Н.Я. Воиновой, ред. И.А. Лихачева. – М., 1960. – С. 3 – 10.

Подводя итоги этого раздела, остановимся на нескольких тенденциях, связанных с развитием социальных и гендерных отношений в поздней Бразильской Империи.

Роман Алуизиу Азеведу – это текст, в центре которого кризис не просто Бразильской Империи, но своеобразной имперской идентичности и политической лояльности самой идее империи. Эта в значительной степени традиционная идентичность к концу 1880-х годов пребывала в размытом состоянии, было невозможно определить, где начинаются и заканчиваются ее пределы. Это было связано с двумя процессами, которые динамично развивались в Бразильской Империи, начиная с 1850-х годов. Речь идет о начавшейся модернизации и связанным с ним кризисом «высокой культуры».

Вероятно, именно сами идеи «высокой культуры», связанные с функционированием политической элиты, лежали в основе успешного функционирования бразильской модели имперского государства. Модернизация вылилась не просто во внешние изменения, но и привела к значительным переменам в социальной и национальной структуре населения Империи, нуждавшейся в новых трудовых ресурсах, которые могла поставить Европа, в первую очередь – Португалия, Испания и Италия.

В такой ситуации города Империи постепенно теряют свой лузо-бразильский облик, наполняясь выходцами из упомянутых европейских стран, которые соседствовали со свободными и полусвободными неграми и мулатами. Новые социальные и культурные, формальные и неформальные, отношения между европейскими иммигрантами и бразильскими неграми только в значительной степени усложняли систему социо-культурных связей и коммуникаций городских окраин. Именно эти иммигранты и негры составили основу рынка рабочей силы, в котором так нуждалась поздняя Империя, где в рамках модернизации более активно начинают развиваться капиталистические отношения, триумф которых вел к разрушению традиционных социальных связей и практик культурной коммуникации, ранее доминировавших в «*cortiso*».

На смену отношениям традиционности шли новые, более современные тенденции, которые делали систему социо-культурных связей открытой и восприимчивой к социальным и культурным влияниям извне. На смену традиционным идентичностям, основанным на преданности и лояльности, возникали новые, современные, идентичности, которые в качестве бэкграунда опирались на более массовое участие и разрушение традиционных ролей, как гендерных, так и социальных.

ГЕНДЕР И СЕКС, РАСА И ПРИНУЖДЕНИЕ: «A CARNE» ЖУЛИУ РИБЕЙРУ КАК УЧАСТОК СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ПОЗДНЕЙ БРАЗИЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Для развития бразильской литературы в период Империи характерна своеобразная динамика, связанная со сменой парадигм (определенных Аффраниу Каутинью как «движения специфические для XIX столетия»³⁵⁴), которые отражали творческие искания бразильских писателей, как правило, носителей «высокой культуры», отражая одновременно и основные тенденции формирования, развития и трансформации идентичностей – социальных и культурных. Эти идентичности формировали то, что в культурном и интеллектуальном дискурсе Империи постепенно начинает обозначаться термином «*brasilidade*».

Различные модели культивирования и популяризации этой бразильской идентичности мы находим в произведениях Жозе дэ Аленкара, Бернарду Гимараэша, а так же крупнейшего националиста периода Бразильской Империи – Машаду дэ Ассиза. Бразильский проект в Период Империи формировался и функционировал как сложный, многоплановый и разноуровневый, феномен, в рамках которого сосуществовали различные тренды – политические, социальные, культурные. Особое место в процессе развития современной (современной) бразильской идентичности играли гендерные тренды. Бразильская Империя была не национальным, а национализирующимся государством.

Националистическое движение, политический национализм были в такой ситуации своеобразными модернизационными проектами, в рамках которых актуализировались в том числе – и проблемы гендера. XIX век нередко в исследовательской литературе называют столетием национализма. Националистические движения наиболее активно развивались на территории Центральной и Восточной Европы. В европейских национализмах доминировали почти исключительно политики мужчины. Вероятно, исключением является украинский национализм, в рамках которого во второй половине XIX – начале XX века было немало ярких писателей, которые одновременно были и националистами, актуализируя гендерный дискурс, связанный с формированием образа Родины как матери.

В национализмах Южной Америки доминировали политики-мужчины. «Высокая культура» в Бразильской Империи почти полностью исключала женщину из сферы политического. Поэтому, женские образы, проблемы гендера в процессе трансформации бразильской идентичности

³⁵⁴ См. подробнее: Cautinho A. Introdução à literatura no Brasil / A. Cautinho. – Rio de Janeiro, 1959. – P. 192. См. так же: Cautinho A. Conceito de Literatura brasileira / A. Cautinho. – Rio de Janeiro, 1960.

актуализировали писатели-мужчины. В предыдущих разделах мы анализировали проблемы гендерных дискурсов идентичности в произведениях Машаду дэ Ассиза и Алуизиу Азеведу. Из них Машаду дэ Ассиз – типичный представитель и носитель традиции «высокой культуры», который сделал политическую карьеру в Империи, пережил ее, оставшись при этом не только признанным политиком, но и уважаемым писателем. Алуизиу Азеведу, подобно Машаду, так же пережил Империю, но его произведения интересны именно в контексте отражения поздней имперской идентичности, ее трансформации и постепенного разложения в условиях растущих темпов модернизации. В наследии Алуизиу Азеведу социальные, культурные, гендерные дискурсы переплетены самым тесным образом. Поэтому, сложно выделить доминирующий тренд.

Современником Машаду дэ Ассиза и Алуизиу Азеведу был Жулиу Рибейру (1845 – 1890), автор двух романов, наиболее известный из которых «A Carne» вышел в 1888 году³⁵⁵. Спустя год Бразильская Империя перестала существовать. Если в литературном контексте Бразилии Жозэ дэ Аленкар имеет репутацию романтика, Алуизиу Азеведу – реалиста, Машаду дэ Ассиз – реалиста и почти модерниста³⁵⁶, то Жулиу Рибейру, вероятно, один из первых бразильских натуралистов, чье творчество имеет немало соприкосновений с модернизмом.

В отличие от Машаду дэ Ассиза, Ж. Рибейру – не носитель «высокой культуры». Рибейру родился в смешенной семье: его мать была бразильянской, а отец – американцем. Рибейру пытался стать офицером, но, проучившись три года в военном училище, он бросил его, занявшись литературой и журналистикой. Значительное влияние на формирование Рибейру-писателя оказала французская литература, в первую очередь – Эмиль Золя.

В творческом наследии Машаду дэ Ассиза гендерный тренд никогда не был доминирующим. Гендер – лишь одна из форм, которая отражала процессы трансформации идентичности. В романе «A Carne», на котором мы остановимся в настоящем разделе, в центре именно гендерные аспекты идентичностных трансформаций и перемен в поздней Бразильской Империи. Обратимся к тексту, попытавшись выяснить и проанализировать основные дискурсы, связанные с трансформацией гендера в контексте идентичностных перемен на излете Бразильской Империи.

³⁵⁵ Русский перевод был опубликован в 2007 году. См.: Рибейру Ж. Плоть / Ж. Рибейру. – СПб., 2007. В настоящем разделе цитаты приводятся по электронной версии, доступной на сайте <http://litres.ru>

³⁵⁶ Относительно раннего этапа развития модернизма в бразильской литературе единой точки зрения не существует. Например, Жозэ Кастеллу предложил наиболее общую дефиницию бразильского модернизма, что значительно усложняет его периодизацию. Кастеллу писал, что «мы определяем модернизм как широкое движение обновления бразильской литературы... связанное с национальными корнями». См.: Castello J. Jose Lins do Rêgo: Modernismo e Regionalismo / J. Castello. – Rio de Janeiro, 1961. – P. 19.

Рибейру позиционировал свой роман как своеобразное подражание произведениям Эмиля Золя, о чем он, в частности, пишет в небольшом посвящении французскому писателю, констатируя (на французском языке), что «Не дерзаю идти по Вашим стопам; я лишь осмеливаюсь, следуя Вашему примеру, написать скромный этюд в духе натурализма. Вам невозможно подражать – Вами можно только восхищаться»³⁵⁷. Издание романа стало одним из первых и наиболее ярких манифестов бразильского натурализма. Комментируя появление натуралистского тренда в литературной жизни Бразилии Озориу де Оливейра констатировал, что «воспроизводя факты во всей их жесткости, как это делалось в натуралистических романах, книги... показывали поэтическое ощущение жизни, которое шло от... модернизма»³⁵⁸.

Один из героев романа – доктор Лопес Матозу – юрист, носитель новых культурных традиций, которые отличают его от героев Машаду дэ Ассиза. В отличие от персонажей Машаду Матозу не был с детства окружен именитыми родственниками и черными рабами: «Доктор Лопес Матозу был не из тех, кого можно было бы назвать счастливым. На девятнадцатом году жизни, едва отучившись, он потерял отца, а через несколько месяцев – и мать. Опекуном ему стал друг семьи полковник Барбоза, убавивший его продолжить учиться на юриста»³⁵⁹. Лопес Матозу сформировался как личность не в условиях доминирования высокой культуры политических элит. Матозу – герой новой, буржуазной, формации. За ним стоит принципиально иной культурный и идентичностный бэк-граунд, который, в отличие от идентичностей персонажей Машаду дэ Ассиза, более склонен и подвержен социальным и культурным трансформациям.

Существование героя в романе Ж. Рибейру – это не история жизни, что мы, в частности, находим в «Записках с того света» Машаду дэ Ассиза. Рибейру создает модель не существования и социального функционирования героев. Социальное бытие героев «Плоти» – в значительной степени биологично, будучи противостоянием человека с природой – природой ок-

³⁵⁷ <http://litres.ru> Оригинальный текст: «Je ne suis pas téméraire, je n'ai pas la prétention de suivre vos traces; ce n'est pas prétendre suivre vos traces que d'écrire une pauvre étude tant soit peu naturaliste. On ne vous imite pas, on vous admire». Португалоязычная версия романа доступна на <http://www.bibvirt.futuro.usp.br>

³⁵⁸ См. подробнее: Oliveira O. de, História breve da literatura brasileira / O. de Oliveira. – Madrid, 1958. – P. 107.

³⁵⁹ <http://litres.ru> Оригинальный текст: «O doutor Lopes Matoso não foi precisamente o que se pode chamar um homem feliz. Aos dezoito anos de sua vida, quando apenas tinha completado o seu curso de preparatórios, perdeu pai e mãe com poucos meses de intervalo. Ficou-lhe como tutor um amigo da família, o coronel Barbosa, que o fez continuar com os estudos e formara-se em direito». Португалоязычная версия романа доступна на <http://www.bibvirt.futuro.usp.br>

ружающего мира и своей собственной – с «imparcialidade brutal da natureza» («брутальной беспристрастностью природы»³⁶⁰).

В романах Машаду дэ Ассиза нередко доминирует городской культурный дискурс и события вписаны в урбанизированный ландшафт бразильского города периода зрелой Империи. Жулиу Рибейру, в отличие от своих современников, создает мир, основанный на дихотомии аграрных и городских культурных контекстов. Отношения этих двух миров, мира города и мира сельской периферии, развиваются нередко как противостояние, связанное с функционированием различных идентичностных и поведенческих моделей.

Аграрная периферия, бразильские фазенды – это своеобразные социальные резервации, в которых в романе «Плоть» скрывались бывшие городские аутсайдеры, герои-мужчины, жизнь которых в городе сложилась неудачно и они добровольно обрекли себя на изгнание из него. Подобный герой – сын полковника Барбозы – «...с ними, правда, жил еще их единственный сын, но это был уже зрелый мужчина, женатый, хотя и давно разъехавшийся с женой, заядлый охотник, чужак, ушедший в себя и в свои книги...»³⁶¹. Социальный мир, в котором живут подобные герои, представлял собой сферу доминирования «высокой культуры». Для ее носителей было крайне важно подчеркнуть свою сопричастность с европейскими культурными традициями. Одной из форм приобщения к европейскому для бразильских аристократов Империи были обучение и поездки в Европу. Например, сын полковника в Европе прожил десять лет, «где только не был: в Италии, в Австрии, в Германии, во Франции. Довольно долго прожил в Англии – учился там у какого-то проходимца, который утверждает, что мы, мол, те же обезьяны»³⁶² и после возвращения «по-португальски двух слов связать не мог»³⁶³.

Помимо этого городского и европеизированного мира носителей «высокой культуры» в Империи существовали и другие социальные миры. Мир аграрной периферии – это почти всегда идиллия, которая способствует духовному развитию героев, скрывшихся от мира города: «...дела Матозу складывались благополучно, поэтому он переехал в загородный дом, где, удалившись от всего света, делил свое время между чтением серьезных книг и заботами о дочери. Та же, благодаря опытности приставленной к ней няни, росла здоровой и крепкой, внося радостную нотку в творческую жизнь отца. Знакомые посещали его редко, да он и не приветствовал визиты, ибо никогда не отличался особой общительно-

³⁶⁰ <http://litres.ru>

³⁶¹ <http://litres.ru> Оригинал: «...que com eles só morava um filho único, homem já maduro, casado, mas desde muito separado da mulher, caçador, esquisitão, metido consigo e com os seus livros...». См.: <http://www.bibvirt.futuro.usp.br>

³⁶² <http://litres.ru>

³⁶³ <http://litres.ru>

стью...»³⁶⁴. Подобная обстановка способствует формированию новой женщины, которая в значительной степени отлична от женских персонажей Машаду дэ Ассиза, у которого женские образы почти всегда развиваются на фоне мужских характеров и не имеют самостоятельного значения.

Героиня Жулиу Рибейру проявляет гораздо больше независимости, чем персонажи Машаду дэ Ассиза, особенно в той сфере, где традиционно доминировали мужчины. Речь идет о семейно-брачных отношениях: поэтому, героиня романа Лениита отказывается от всех вариантов отца, заинтересованного в том, чтобы выдать дочь замуж, полагая, что гораздо лучше сделать это «когда-нибудь, но не теперь»³⁶⁵. В такой ситуации возникает конфликт поколений, который имеет не просто возрастной, но и гендерный бэк-граунд: «...я, кажется, переусердствовал с твоим воспитанием – дал тебе знаний больше, чем следует. В результате ты поднялась на такую высоту, что оказалась в гордом одиночестве. А ведь женщина создана для мужчины, а мужчина – для женщины. И брак – это необходимость, причем не столько социальная, сколько физиологическая...»³⁶⁶.

Примечательна в этом контексте актуализация того, что социальное в функционировании общества не является доминирующим фактором в отличие от биологических потребностей воспроизводства. Отец, в некоторой степени близкий героям-мужчинам Машаду дэ Ассиза, все же приходит к выводу о том, что социализация женщины должна протекать в рамках традиционной модели, ориентируя ее на традиционные роли, а не на то, чтобы самостоятельно выстраивать социальные связи и культурные коммуникации. Выше мы упоминали, что социальный мир романа «Плоть» развивается в двух, почти изолированных, измерениях – городском (центр) и периферийном – мир фазенд бразильских землевладельцев, сфера социального и культурного доминирования полковников³⁶⁷.

Жулиу Рибейру был, вероятно, носителем городской культуры и, поэтому, в тексте «Плоти» относительно мира фазенд замечен некий социокультурный империализм, проявляющийся в частности в описание сельских героев. Обитатель фазенды наделен меньшими социальными добродетелями, чем житель города. Среди таких героев – управляющий фазенды. Он по сравнению с Лениитой не просто стоит на более низкой ступени социальной лестницы, но он – метис, «проявлявший полнейшее невежество во всем, что не касалось сельского хозяйства»³⁶⁸.

Фазенда – это мир социального и культурного доминирования белого над черным, лузо-бразильцев над африканскими рабами. В то время как

³⁶⁴ <http://litres.ru>

³⁶⁵ <http://litres.ru>

³⁶⁶ <http://litres.ru>

³⁶⁷ В Бразильской Империи крупные землевладельцы, как правило, назывались «полковниками».

³⁶⁸ <http://litres.ru>

белые бразильцы занимались охотой и совершали прогулки в лес, социальный быт черного раба был подчинен исключительно обслуживанию белого господина: «наступал день, когда начинали варить сахар. Уже накануне негры сбились с ног – подметали сахароварню, мыли чаны и желоба, драили котлы и перегонный куб, не жалея ни песка, ни соли, ни лимонной кислоты»³⁶⁹. Роман «Плоть» в контексте описания мира фазенды звучит словно воспевание патриархального насилия господина над рабом на фоне пафоса принудительного и несвободного труда: «...телеги подъехали к мельницам. Ловкие негры запрыгнули на повозки и начали их разгружать. Через несколько мгновений тростник уже стоял в снопах, перехваченных посередине собственными листьями. В печи под котлами развели огонь, потом открыли шлюз – и вода бурно хлынула на мельничное колесо, которое тут же завертелось – сперва медленно, потом все быстрее и быстрее. Рассекая завязки снопов ловкими ударами тесака, негр-мельник бросил первую партию тростника меж вращающихся цилиндров. Послышался треск раздавливаемых волокон, извергнутые выжимки забрызгали белым темный чердак, где крутились жернова, сок потек по желобу зеленоватой струей. Описывая дугу, он сливался в большой, бурлящий, булькающий, пенящийся чан...»³⁷⁰.

Наряду с миром белых, носителей «высокой культуры» в романе возникают и новые социально-культурные измерения. Социальный мир фазенды – это мир сензалы – помещения рабов. В романе фазенда постепенно трансформируется в топос принуждения и эксплуатации. Фазенда – фактор, который пробудил в Ленисте природную страсть к насилию: «...в ней пробудилась жестокость – она щипала креолок, тыкала иголкой или перочинным ножиком в животных, попадавших ей на пути. Как-то раз одна собака не выдержала и укусила ее. А был еще случай, когда Лениста поймала канарейку, залетевшую к ней в комнату, оторвала ей лапки, сломала крылышко, а потом выпустила, от души потешаясь, как изуродованная птичка силится взлететь, взмахивая одним крылом и волоча другое, оставляя кровавые следы на дворе, мощенном камнем...»³⁷¹.

Эта склонность к насилию со временем обретает и другие формы: ее начинает интересовать насилие над человеком, еще более привлекает ее насилие над мужчиной, над черным рабом – «...раб, которого она избавила от кандалов, действительно сбежал, как и предсказывал полковник. Его изловили, и два метиса привели его, крепко связав ему руки веревкой. Делать нечего, сказал полковник, на этот раз негру надо всыпать по первое число еще и за то, что он злоупотребил доверчивостью Ленисты. Ее разбирало жгучее любопытство увидеть, как производится порка, увидеть воочию это легендарное, унижительное, жестокое и в то же время любопыт-

³⁶⁹ <http://litres.ru>

³⁷⁰ <http://litres.ru>

³⁷¹ <http://litres.ru>

ное наказание. Она от души радовалась единственному, может быть, представившемуся ей случаю, с необъяснимым, порочным наслаждением предвкушала вид корчащегося от боли, жалобно кричащего несчастного негра, который совсем еще недавно пробуждал в ней сострадание...»³⁷².

Фазенда – сфера доминирования традиционализма и в то время, ели бразильские города в Империи в той или иной степени подвергались модернизации, то, по мнению Ж. Рибейру, аграрная периферия к модернизации была не готова в силу того, что «...до 1887 года глубинка провинции Сан-Паулу жила при подлинном феодализме. Тамошняя фазенда ничем, по сути, не отличалась от средневекового замка. У ее владельца имелась собственная тюрьма, он мог судить своим судом, был неограниченным властителем. Управляя подданными, он руководствовался единственным законом – своим собственным усмотрением. Действительно, для правосудия он был недостижим, закон против него оказывался бессильным...»³⁷³.

Такой мир мог существовать и функционировать только в условиях последовательной иерархизации отношений и социальных, а так же – культурных, ролей. Роль белого почти всегда сводилась к роли фазендейро: «...во всех случаях он рассчитывал на снисхождение со стороны правительства, и даже когда в редчайших случаях ему приходилось предстать перед судом за какое-нибудь чудовищное злоупотребление властью, он с уверенностью мог ожидать оправдательного приговора. Его господство простиралось до того, что иногда он приказывал убивать свободных горожан, выказывал неуважение представителям конституционной власти, мог надавать им пощечин при исполнении ими служебных обязанностей – и все же... бывал оправдан...»³⁷⁴.

В таком мире набор этих ролей не отличался значительным разнообразием, проявляясь в (со)существовании двух статусов-ролей – господина и раба. Эти социальные роли в Бразильской Империи нередко имели и расовый бэк-граунд, хотя известны и исключения, когда в качестве доминирующих господ над черными рабами выступали мулаты или освобожденные негры. Фазенда представляла собой модель мира, где социальные роли и статусы были четко распределены и закреплены, а отношения между неграми и белыми развивались как отношения колонизированного и колонизатора, как раба и господина.

Социальная роль и социальное предназначение негра в романе вполне вписывается в схему социо-культурного империализма, получившего развитие в Бразильской Империи. Жулиу Рибейру конструирует образ негра как образ прирожденного и изначального раба, который сам почти осознает свою неполноценность по сравнению с белым господином. Поэтому, один из негров, обратившихся в Ланите, видит в ней исключительно гос-

³⁷² <http://litres.ru>

³⁷³ <http://litres.ru>

³⁷⁴ <http://litres.ru>

пожу, хотя юридически он не принадлежит ей. В то же время сам негр ставит себя ниже белой девушки, полагая, что «негр есть негр – иногда теряет голову»³⁷⁵. Чувство ущербности и неполноценности усиливается после того как негр «разразился глуповатым смехом»³⁷⁶.

Жулиу Рибейру – автор весьма неблагоприятных образов негров³⁷⁷ (например, восьмидесятилетний старый раб описан им так: «...ужасно выглядел этот негр – лысый, губастый, с отвисшей челюстью. На черном лице сверкали глаза с желтыми белками и полопавшимися сосудами. Сгорбленный от старости, вялый, хромой, когда он вставал и, закутавшись в бурое шерстяное одеяло, делал несколько шагов, то походил на бурую, медлительную, трусливую, свирепую, отвратительную гиену. Руки у него были иссохшие, узловатые; на скрюченных, омерзительных пальцах на ногах ногтей уже не было видно...»³⁷⁸), которые словно были призваны подчеркнуть расовую и культурную неполноценность негров в сравнении с белыми подданными Империи.

Диапазон негритянских образов в романе разнообразен, но они, как правило, негативны. Наряду с неграми, которые в интерпретации Жулиу Рибейру, интеллектуально и культурно стоят на более низкой ступени развития, в романе мы находим и другие образы негров, которые так же, по мысли бразильского писателя, хуже белых господ, но не в силу умственной неполноценности, но в виду социальной и расовой ненависти.

Среди таких черных героев романа – Жоакин Камбинда – восьмидесятилетний негр-старик, который в жизни руководствуется социальным и культурным правилом, сводящимся к следующему: «ты белый, а черный всегда должен вредить белому, когда только может»³⁷⁹. С другой стороны, сами белые склонны видеть в себе именно господ своих черных рабов. На этом фоне слова полковника Барбозы («...какое там к черту варварство! Ничего страшного тут нет. Эта филантропия, все эти нынешние иеремиады об отмене рабства, о равенстве и черт его знает о чем еще – все это выдумки и чушь. Учи ученого! Негра нужно драть как сидорову козу, а не только одевать и кормить. Он же работать не станет, если не увидит над собой надсмотрщика с хлыстом. Я ведь так говорю и делаю не со злобы – наоборот, меня считают добрым. Я – как пахарь, который знает, как обра-

³⁷⁵ <http://litres.ru>

³⁷⁶ <http://litres.ru>

³⁷⁷ Об образе негра в бразильской литературе см.: Brookshaw D. *Raça e cor na literatura brasileira* / D. Brookshaw. – Porto Alegre, 1983; Filho D.P. *A trajetória do negro na literatura brasileira* / D.P. Filho // *Estudos Avançados*. – 2004. – No 18. – P. 161 – 193; Bernd Z. *Negritude e literatura na América Latina* / Z. Bernd. – Porto Alegre, 1987; Bernd Z. *A questão da negritude* / Z. Bernd. – São Paulo, 1984; Soares de Gouvêa M.C. *Imagens do negro na literatura infantil brasileira* / M.C. Soares de Gouvêa // *Educação e Pesquisa*. – 2005. – Vol. 31. – No 1. – P. 77 – 89.

³⁷⁸ <http://litres.ru>

³⁷⁹ <http://litres.ru>

щаться с волами. Ладно – раз уж ты просишь, я велю его расковать. Только он опять удерет: сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит...»³⁸⁰) звучат не просто как попытка оправдать рабство, но как социальная проповедь в защиту рабства, наполненная верой в прогрессивность социального мира фазенды.

Фазенда, точнее – сензала, представляет собой сферу доминирования традиционной и в значительной степени архаичной культуры. Несмотря на то, что большинство негров номинально считались христианами, многие из них посещали колдунов, сохраняли языческие верования, например – веру в сглаз, амулеты, колдовство. В центре этого полуязыческого, полухристианского, но традиционного, сообщества оказывается фигуры Жоакина Камбинды – старого негра и колдуна, который стремится отравить своих господ и белых управляющих. Казалось бы, что негры должны были быть солидарны с ним, но после того, как они узнают, что по вине колдуна умерло несколько негров ситуация меняется радикальным образом. На смену расовой солидарности приходит стихия бунта, расправы негром над человеком, которого совсем недавно они считали членом своего сообщества: «...под этот всеобщий гвалт злодея схватили и поволокли... колдуна мгновенно привязали к телеге, хотя тот и оказывал теперь отчаянное сопротивление – отбивался, брыкался и даже кусался. Принесли мякины и насыпали под телегу. Один негритенок помчался на сахароварню и вскоре вернулся с жестяной банкой, почти до краев наполненной керосином. Кто-то из негров взял ее, залез на телегу и вылил содержимое на Жоакина Камбинду... Несчастный неистово вращал налитыми кровью глазами, скрежестал зубами и пыхтел... Негр соскочил с телеги, взял коробок, наклонился, чиркнул спичкой, прикрывая пламя полусогнутой ладонью, и поднес ее к куче мякины, запалив ее у самой земли... Поднялся густой столб дыма – сверху голубой, снизу цвета ржавчины. Пламя вспыхнуло длинными, прожорливыми языками... Далеко разлетались искры... По воздуху разливался резкий, тошнотворный запах горелого жира и паленого мяса...»³⁸¹.

Сцена расправы негров над стариком-колдуном весьма показательна в контексте социальных перемен в рамках негритянских сообществ в Бразильской Империи, которые постепенно переняли некоторые символические или реальные практики социального и культурного поведения у своих белых господ. В этой ситуации негры, ранее подвергавшиеся насилию (в форме институционализированного наказания) со стороны белых, могли отказывать белым в праве на наказание над черным, которого более не воспринимали как своего.

Мир фазенды удручающе повлиял на Лениду, доведя ее до нервного срыва. Позднее, Ленида в состоянии полусна невольно обращает внимание

³⁸⁰ <http://litres.ru>

³⁸¹ <http://litres.ru>

на статуэтку в комнате: «...ее внимание привлекли мягкие отблески на металле, охваченном светом. Она встала, подошла к столу и пристально посмотрела на статуэтку... Эти руки, эти ноги, эти выпуклые мышцы, эти напряженные сухожилия, эта мужественность, эта стать производили на нее сейчас странное впечатление. Десятки раз любовалась она этим анатомическим чудом и изучала его в мельчайших подробностях, из которых складывалось художественное совершенство,— но сейчас она испытывала то, чего никогда прежде не испытывала. Могучая шея, налитые бицепсы, широкий торс, узкий таз, напряженные мышцы статуэтки, все казалось соответствующим пластическому идеалу...»³⁸².

Именно с этого момента в романе «Плоть», вероятно, возникает натуралистический тренд, который постепенно вытесняет реалистический. В героине словно происходит идентичностный надлом. На смену самостоятельности приходит некое смутное желание испытать на себе силу доминирования: «...ее обуревало стремление к неведомому — неясное, смутное, но настойчивое и острое. Ей представлялось, какое беспредельное наслаждение она бы получила, если бы этот боец бросился на нее, растоптал, избил, разорвал бы ее на кусочки. У нее возникло страстное желание впиться поцелуями в отлитую в бронзе мужскую плоть. Ей хотелось обнять ее и раствориться в ней...»³⁸³.

В сознании Лениды возникает осознание гендерной предопределенности социальных ролей и понимание того, что отношения между мужчиной и женщиной развиваются подобно отношениям господина и раба, колонизатора и колонизированного. Ленида вынужденно для себя приходит к неприятному заключению, что «неординарная женщина, несмотря на свой могучий интеллект и на все свои познания, оставалась в каком-то смысле обыкновенной самкой. И то, что она ощущала, было не что иное, как вожделение, органическая потребность в самце»³⁸⁴.

Этот вывод приводит «феминизированную» героиню в уныние, и в этот момент в ней словно просыпается «классовое» сознание, начинает говорить городская идентичность, которая склонна интерпретировать фазенду, разбудившие ее желания, как сферу доминирования низкой культуры, культуры негров: «...внезапно низвергнуться, словно архангел у

³⁸² <http://litres.ru>

³⁸³ <http://litres.ru> Оригинал: «Sentia-se fraca e orgulhava-se de sua fraqueza. Atormentava-a um desejo de coisas desconhecidas, indefinido, vago, mas imperioso, mordente. Antolhava-se-lhe que havia de ter gozo infinito se toda a força do gladiador se desencadeasse contra ela, pisando-a, machucando-a, triturando-a, fazendo-a em pedaços. E tinha ímpetos de comer de beijos as formas masculinas estereotipadas no bronze. Queria abraçar-se, queria confundir-se com elas. De repente corou até à raiz dos cabelos». См.: <http://www.bibvirt.futuro.usp.br>

³⁸⁴ <http://litres.ru> Оригинальный текст приведено фрагмента: «Conhecera que ela, a mulher superior, apesar de sua poderosa mentalidade, com toda a sua ciência, não passava, na espécie, de uma simples fêmea, e que o que sentia era o desejo, era a necessidade orgânica do macho». См.: <http://www.bibvirt.futuro.usp.br>

Мильтона, с небесной выси в земную грязь, ощутить себя уязвленной жалом плоти, изнывать от похоти, точно невежественная негритянка, точно грязная скотина, точно коза во время течки... Какое падение!...»³⁸⁵.

В этой ситуации у героини не существует выбора: ее ожидает интеграция в мир социальных или культурных коммуникаций, где доминируют мужчины или дальнейшая феминизация на фоне самовлюбленности и нарциссизма, беспричинного любования собой, своим телом и кажущимся физическим совершенством («...как она была прекрасна! Чуть смуглая, высокая, безукоризненно сложенная... Руки и ноги были у нее словно литые, запястья и лодыжки узкие, ладони и ступни аристократически изысканные, ногти на руках и на ногах розовые и необычайно гладкие. Ниже упругих, торчащих грудей тело сужалось, тонкая талия переходила в широкие бедра и твердый, округлый живот, низ которого резко оттенялся густым темным руном. Иссиня-черные волосы коротенькой челкой ниспадали на лоб и прихотливо завивались на затылке. Шея была сильная, идеальной длины, голова небольшая, глаза черные, живые, губы пунцовые, зубы белоснежные, на левой щеке темнела круглая родинка. Лениста удовлетворенно осматривала себя. Собственная плоть сводила ее с ума...»³⁸⁶), что весьма проблематично на фоне доминирования гендерно (мужской) маркированной культурной и политической традиции.

Выше мы констатировали, что в первые недели жизни на фазенде периферия привела Ленисту к нервному срыву, но постепенно фазенда открывалась для нее с другой стороны, как мир социального и культурного доминирования белых над неграми. Это открытие было для нее принципиально важно – она осознала, что может доминировать над черными рабами не просто как белая, но и как женщина. Постепенно в романе возникает образ белой госпожи. Перерождение происходит в момент, когда Лениста наблюдает за наказанием сбежавшего черного раба: «...Ленисту всю трясло от наслаждения. Она побледнела, глаза метали молнии. Ее била лихорадка. Жестокая, ледяная улыбка кривила ей рот, обнажая ослепительно белые зубы и розовые десны. Свист плети, корчи и крики истязуемого, струйки крови опьяняли ее, сводили с ума, доводили до неистовства. Она нервно ломала руки и притопывала ногами. Словно весталке на гладиаторских играх, ей хотелось повелевать жизнью и смертью; хотелось продолжать истязание, покуда жертва не лишится жизни... Она вся дрожала от неведомых прежде ощущений, от болезненного сладострастия. Во рту она чувствовала привкус крови...»³⁸⁷. После этого с Ленистой происходит своеобразное пе-

³⁸⁵ <http://litres.ru> Оригинал: «e cair de repente, com os arcanjos de Milton, do alto do céu no lodo da terra, sentir-se ferida pelo agulhão da carne, espolinar-se nas concupiscências do cio, como uma negra boçal, como uma cabra, como um animal qualquer... era a suprema humilhação». См.: <http://www.bibvirt.futuro.usp.br>

³⁸⁶ <http://litres.ru>

³⁸⁷ <http://litres.ru>

перождение: она словно смирилась со своей новой социальной ролью – ролью любовницы сына полковника («...Ленита соглашалась на все это с покладливостью снисходительной царицы или принимавшей жертву богини. Она милостиво позволяла созерцать себя и благоговейно поклоняться своей плоти...»³⁸⁸), попытавшись интегрироваться в систему социальных и культурных связей, в которой доминировали мужчины.

Но и этот мир, который казался стабильным и устойчивым, доживал последние дни: действие романа происходит в поздней Империи, накануне отмены рабства и провозглашения республики. Вместе с Империей умираю и те, кто вырос в Империи, кто прошел социализацию в условиях доминирования имперской культуры и идентичности. Подобные герои и сами понимают, что в новом мире Республики, где отношения будут не столь архаичны, а социальные связи и культурные коммуникации подвержены иерархизации в меньшей степени, им не будет места. Поэтому, они оставляют себе единственный выбор – самоубийство, которое стало и суицидом «высокой культуры», которая оказалась не в состоянии выиграть в конкуренции с новыми внутренними вызовами, исходившими от новых, альтернативных, идентичностей, предлагавшим их носителям другой набор ценностей.

Эта идентичность не имела элитарного бэк-граунда, основываясь на массовости и серийности. Эти две тенденции оказали значительное влияние не только на развитие расовых отношений, способствуя политизации черного населения. Они в значительной степени повлияли и на гендерные отношения, способствуя либерализации гендера, его выведению из сферы чисто литературной в сферу политическую. Эти тенденции, точнее – ранняя предыстория бразильской феминистской традиции – отражены в романе Жулиу Рибейру «Плоть».

Для бразильского культурного контекста конца 1880-х годов роман оказался очень радикальным. Сложно проследить непосредственные литературные влияния «Плоти» на европейские литературы, но в значительной степени сходные сюжетные тренды мы можем найти у М. Яцкива («Блискивици») и Д.Г. Лоурэнса («Любовник леди Чаттерли»). Но если у М. Яцкива, как и Ж. Рибейру, героями являются представители одного социального класса, то Д.Г. Лоурэнс доводит идею романа Ж. Рибейру до логически социально маркированного финала.

Если у Ж. Рибейру беременная Ленита бросает Барбозу и выходит замуж за мужчину, который по социальному статусу не уступает ни ей, ни ее бывшему любовнику, то у Д.Г. Лоурэнса – Конни выражает свою готовность радикально разорвать социальные связи, сделав выбор в пользу человека, стоявшего гораздо ниже ее по социальной лестнице. Роман «Плоть» и подобные произведения в других европейских литературах

³⁸⁸ <http://litres.ru>

имеют не только очевидный социально-гендерный (в поздней Бразильской Империи – и расовый) бэк-граунд. Во всех подобных произведениях мы сталкиваемся со своеобразным типом литературного героя – человеком естественным.

В романе «Плоть» в первых главах таковой является Ленита, но мир фазенды, насилие, принудительная интеграция в систему социальных и культурных связей-коммуникаций способствует разрушению этой природной чистоты и естественности. Герои-буржуа литературных «наследников» Ж. Рибейру не столь «чисты» как его Ленита. В романе Д.Г. Лоурэнса идея чистоты и естественности социально детерминирована: наиболее «чистым» оказался Мэллорз – любовник Конни – обреченный на то, чтобы играть подчиненную роль в силу своего социального статуса. Примечательно и то, что подобная тенденция к наделению наибольшими социальными и нравственными добродетелями представителей угнетенных наций, начиная с 1930-х годов, проявляется и в бразильской литературе.

Для своего времени книга оказалась спорным произведением, вызвав массу дискуссий относительно правомерности описания отношений между мужчиной и женщиной так, как это сделал Рибейру. Роман не был порнографическим, как пытались доказать оппоненты писателя. Роман лишь в значительной степени отразил те кризисные тенденции, которые были характерны для интеллектуальной жизни поздней Бразильской Империи.

Вместе с тем не следует исключать «Плоть» из литературного контекста Бразилии того времени. Наряду с произведениями Машаду дэ Ассиза, который, подобно Жулиу Рибейру, предлагал новые идентичности, в том числе – и гендерные, роман «Плоть» способствовал кризису традиционной романтической и реалистической модели в бразильской литературе, содействуя рождению в рамках реалистического и натуралистского канона новых литературных трендов, которые составили основу модернизма, возобладавшего в литературе Республики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имперский период – неотъемлемая и принципиально важная часть в национальной истории Бразилии. Именно будучи Империей, Бразилия сделала первые шаги в государственном строительстве, превратившись из бывший португальской колонии в независимое государство, начав играть определенную роль в качестве актора международных отношений в регионе Южной Америки. Вероятно, следует признать период с 1822 по 1889 год как часть национальной истории Бразилии, отвергнув старые советские интерпретации истории Бразильской Империи как нескольких десятилетий, вычеркнутых из истории. С другой стороны, не следует подобно советским историкам сводить имперский период к исключительно социальной и классовой борьбе, а так же попыткам установить республику, свергнув Империю.

Вероятно, имперский период в истории Бразилии следует признать не просто как уникальный этап в национальной бразильской истории. Имперская история Бразилии, имперский политический опыт имеют принципиально важное значение для региона Южной Америки в частности и всей Латинской Америки в целом. Бразилия является единственным государством, которое имеет в Америке столь длительные, развитые и устойчивые традиции не просто монархической, но и имперской государственности. Монархический политический эксперимент в Бразилии развивался вполне успешно и динамично. С другой стороны, монархические политические институты и традиции не прижились в Мексике. Столь длительное существование Бразильской Империи свидетельствует о том, что республиканская политическая модель не просто не доминировала в Америке. Республиканизму существовала реальная политическая альтернатива, которая на протяжении нескольких десятилетий развивалась и реализовывалась в Бразильской Империи.

Бразильская Империя не была, как стремились доказать в советской латиноамериканистской традиции, неким историческим недоразумением и политической случайностью. В XIX веке существовало не так много республик, Республиканские политические устройства доминировали только в Америке. Современницами Бразильской Империи было несколько империй на территории континентальной Европы. Бразильская Империя существовала на том этапе, когда в Европе вполне успешно существовали Российская Империя и Империя Габсбургов. За девятнадцать лет до исчезновения Бразильской Империи в Европе появилась еще одна империя – Германская. Столь успешное функционирования государств имперского типа, вероятно, свидетельствует и о том, что имперский тип государственности обладал немалыми политическими, социальными и экономическими потенциями.

Успешное функционирование Бразильской Империи свидетельствует о том, что имперский тип государственности имел бэк-граунд в виде развития особой имперской идентичности. Имперская идентичность являлась политической, будучи тесно связанной и переплетенной с идеей лояльности и преданности Империи. Проблема этой идентичности состояла в том, что она была незавершенным проектом, сталкиваясь с многочисленными внутренними вызовами, представленными проявлениями сепаратизма и движениями социального и политического антиимперского протеста. С другой стороны, этот тип идентичности обладал значительным потенциалом, о чем, в частности, свидетельствует и то, что имперский тип государственности на протяжении нескольких столетий был в состоянии реагировать на различные вызовы.

Одним из важнейших проявлений развития особого типа политической идентичности в Бразильской империи была «высокая культура», которая представляла собой сложный культурный, интеллектуальный, социальный и политический феномен. Само существование и функционирование этого типа культуры и связанного с ним дискурса идентичности было неразрывно связано с деятельностью бразильских интеллектуалов. Именно эти интеллектуалы, носители «высокой культуры» и нередко представители не просто господствующих социальных классов, но и политической элиты, формировали, воспроизводили, транслировали и популяризировали идентичность. В рамках высокого культурного дискурса формировалась идентичность Империи, связанная именно с идеями уникальности и избранности Бразилии, то есть теми нарративами, которые образовывали комплекс центральных идей бразильского политического национализма.

Бразильская Империя является не только первым этапом в развитии Бразилии как независимого государства. Именно в период Бразильской Империи возникает и делает свои первые шаги бразильский национализм. Национализм Империи, вероятно, был политическим и гражданским национализмом, что связано с социальной базой национального / националистического движения, основу которой составляли представители доминирующих социальных и политических классов. Национализм в Бразильской Империи был тесным образом связан с традициями «высокой культуры». Вероятно, именно поэтому бразильский националистический дискурс имперского периода ограничивался границами формировавшейся бразильской политической (гражданской) нации.

Проблема нации в Бразильской Империи (точнее – нации Бразильской Империи) весьма сложна. Проблема осложняется тем, что имперской эпохи предшествовал весьма продолжительный колониальный период, во время которого территория Бразилии подверглась колонизации выходцами из Европы, как правило – носителями различных диалектов португальского языка. Среди колониального потока преобладали португальцы, которых в то время уже отделяли от испанцев, но еще не отделяли

от галисийцев. Бразилия сформировалась как зона европейской колонизации, куда были перенесены романские (в наибольшей степени португальские, в меньшей – галисийские и в наименьшей – испанские, то есть касильские) языковые и культурные традиции. Бразильская Империя, подобно континентальным европейским империям, не была национальным государством. С другой стороны, для имперского типа государственности характерна своеобразная иерархия наций, негласное или официально закрепленное и узаконенное деление наций на доминирующие и угнетенные. В наибольшей степени эта модель иерархии проявилась в наименее развитой континентальной империи того времени – Империи Романовых.

Особенностью Бразильской Империи, которая в наибольшей степени отличала ее от европейских колониальных Империй, было то, что она являлась национализирующим государством. Процесс национализации традиционных сообществ и формирования современной (модерной) нации в Бразильской Империи отличался от аналогичных процессов в империях, расположенных на пространствах Европы. Если в европейских империях существовали относительно национальные ядра и динамично национализирующиеся периферии, то территория Бразильской Империи, вероятно, знала разделение на центр и периферии исключительно как географические понятия в то время, когда в Европе они были окрашены в цвета местных национализмов и национальных противоречий. Мощнейшим стимулом для национализации Бразилии, для ее трансформации в национальное государство стало само появление Империи на политической карте. С другой стороны, значительный потенциал традиционных институтов и архаичных отношений замедлил процесс национализации. Поэтому, Бразильской Империи было не суждено стать национальным государством. Она функционировала как динамично развивающееся и национализирующееся государство.

Критики империй в своем методологическом арсенале и инструментарии, как правило, имеют «убийственный», по их мнению, аргумент, полагая, что имперский тип государственности представляет собой доминирование традиционности и архаики. Согласно этой ошибочной логике, империя – государство исторически, органически и генетически неспособное к трансформациям, переменам и изменениям. Автор вовсе не отрицает, что для империй характерен консерватизм в политической сфере, а для социальной и культурной жизни – наличие традиционных и архаичных институтов и отношений, которые нередко развивались на локальном уровне, не уровне сообщества, будучи когда-то перенесенными и / или привнесенными из Европы. Эти отношения на протяжении колониального и имперского периода функционировали, подвергаясь различным трансформациям. В период Империи традиционализм доминировал на локальном уровне, в отдельных сообществах, возникших, например, в результате иммиграции. Кроме этого важнейшей сферой доминирования традиционно-

сти, топосом архаики в Бразильской Империи была рабовладельческая фазенда.

Имперский тип государственности связан с традиционностью, но это вовсе не исключает, что империи не подвержены изменениям и модернизациям. Само появление Бразильской Империи было не просто попыткой отказа от португальского колониализма, но и проявлением стремления новых политических элит реформировать и, таким образом, модернизировать политическую сферу. В отличие от европейских континентальных империй, Бразильская Империя была не просто в большей степени подвержена модернизации, но и наиболее последовательно проводила модернизационные преобразования. Сложность европейских имперских модернизаций была вызвана многонациональным составом населения, взаимной конкуренцией национализмов и объективными трудностями, с которыми сталкивался имперский центр, контролируя национальные периферии. В Бразильской Империи отсутствовал вызов модернизации в виде местных национализмов – Империя сталкивалась с политическими вызовами, которые оспаривали ее легитимность. С другой стороны, именно политический характер вызовов, с которыми сталкивалась Империя, стимулировал модернизационные мероприятия в период правления второго бразильского императора.

Нередко эти вызовы имели региональный бэк-граунд, будучи связанными с протестными и внесистемными действиями отдельных провинций, правящие политические элиты которых отказывали Империи в легитимности. Спорадически эти протестные движения выливались в региональные (почти – регионалистские) восстания, которые сопровождались попытками отделения от Бразильской Империи и создания отдельного независимого государства, основанного на республиканской модели развития. Под давлением восстаний и несогласия провинций в Империи постепенно начался процесс регионализации, тесно связанный с модернизацией. Это проявлялось в той стратегии, которой руководствовались имперские власти в отношении восставших и снова взятых под контроль провинций. Европейская модель имперской политики в России, Австро-Венгрии и Османской Империи сводилась к подавлению политического протеста, что сопровождалась репрессиями. Бразильская Империя в этом отношении применяла иную тактику, интегрируя восставшие элиты в правящие элиты. В результате был достигнут консенсус в отношениях между Рио-де-Жанейро и провинциями, что выразилось в постепенной фактической федерализации Империи.

Выше мы неоднократно констатировали, что империи представляют собой особый тип государственности для функционирования которого характерна особая форма политической активности – империализм. Истории континентальных европейских империй изобилуют примерами политики империализма, что проявлялось в перманентном стремлении к захвату но-

вых территорий, культивировании мессианских идей богоизбранности, панславизма (Российская Империя) или пангерманизма (Германская Империя и в меньшей степени – Австро-Венгрия). История Бразильской Империи почти не знает подобных политических тенденций. Война с Парагваем – была войной, вызванной региональными политическими противоречиями, а не империалистическими амбициями Бразильской Империи. Сама тактика, выбранная Империей в отношении побежденного Парагвая, свидетельствует, вероятно, о слабости политического империализма. Слабость политического тренда в империализме вовсе не означает того, что в других сферах империализм отсутствовал.

Из сферы политического империализм переместился в сферу культуры, в сферу функционирования интеллектуального сообщества. В Бразильской Империи основными творцами и теоретиками империализма были интеллектуалы. Вероятно, именно поэтому мы имеем дело с почти неразвитым политическим, но чрезвычайно развитым и динамичным социокультурным империализмом. Проявления социо-культурного империализма в Бразильской Империи были весьма разнообразны, а его развитие определялось тем, что основу интеллектуального сообщества составляли носители «высокой культуры». Именно поэтому в центре интеллектуальной рефлексии социо-культурных империалистов были представители тех социальных групп, которые занимали наиболее низкие ступени социальной лестницы. В данном случае речь идет о черных рабах и европейских иммигрантах. Кроме этого социо-культурный империализм проявился и в отражении гендерных отношений в бразильской литературе эпохи Империи, созданной носителями «высокой культуры».

Подводя итоги, отметим, что Империя была принципиально важным этапом в бразильской национальной истории. Именно в Бразильской Империи возникает политический и гражданский бразильский национализм, а новая бразильская идентичность в условиях национализирующегося государства начинает претерпевать многочисленные изменения, связанные с социальными трансформациями и политической модернизацией. Бразильская Империя не была архаичным типом государственности – Империя была вполне нормальным политическим явлением для Европы XIX века. Замененная в 1889 году Республикой Бразильская Империя, вероятно, продемонстрировала общую тенденцию, характерную и для европейских империй. Империи, как национализирующиеся государства, не выдерживали конкуренции с массовыми национализмами, конструирующими национальные государства. На смену империям приходили новые, более массовые, политические идентичности и национализмы, в развитии которых имперское наследие играло одну из ведущих ролей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001.
- Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Б. Андерсон. – Київ, 2001.
- Балакришан Г. Национальное воображение / Г. Балакришан // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 264 – 282.
- Беккер С. Россия и концепт империи / С. Беккер // Новая имперская история постсоветского пространства / ред. И.В. Герасимов и др. – Казань, 2004. – С. 67 – 80.
- Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // *Ab Imperio*. – 2003. – № 1.
- Викс Т. Мы или они? Белорусы и официальная Россия, 1863 – 1914 / Т. Викс // Российская Империя в зарубежной историографии / сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. – М., 2005. – С. 589 – 609.
- Воинова Н., Плавский Н. Алуизиу Азеведу и его роман «Трущобы» / Н. Воинова, Н. Плавский // Азеведу А. Трущобы / А. Азеведу / пер. с порт. Н.Я. Воиновой, ред. И.А. Лихачева. – М., 1960. – С. 3 – 10.
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации и сознания эпохи Просвещения / Л. Вульф. – М., 2003.
- Грин Дж. Н. Переодетые «королевы» рабочих кварталов Мехико / Дж. Н. Грин (пер. с англ. Т. Гарист) // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти Сергея Ивановича Семенова / А.А. Слинько (ред.), М.В. Кирчанов (сост.). – Воронеж, 2008. – Вып. 3 (в печати).
- Демоз Л. Эволюция детства / Л. Демоз // Де Моз Л. Психоистория / Л. Демоз. – РнД., 2000. – С. 14 – 110.
- Долбилов М.Д. Конструирование образа мятежа. Политика М.Н. Муравьева в Львовско-Белорусском крае в 1863 – 1865 гг. как объект историко-антропологического анализа / М.Д. Долбилов // *Actio Nova*. – М., 2000. – С. 338 – 409.
- Долбилов М.Д. Культурная идиома возрождения Россия как фактор имперской политики в Северо-Западном Крае в 1863 – 1865 гг. / М.Д. Долбилов // *Ab Imperio*. – 2001. – № 1 – 2. – С. 227 – 268.
- Долбилов М.Д. Превратности кириллизации. Запрет латиницы и бюрократическая русификация литовцев в Виленском генерал-губернаторстве в 1864 – 1882 гг. / М.Д. Долбилов // *Ab Imperio*. – 2005. – № 2. – С. 255 – 296.
- Западные окраины Российской Империи / ред. М. Долбилов, А. Миллер. – М., 2006.

- История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века / ред. Н.М. Лавров. – М., 1991.
- Казань, Москва, Петербург. Российская Империя взглядом из разных углов / ред. Б. Гаспаров, Е. Евтухова, А. Осповат, М. фон Хаген. – М., 1997.
- Калмыков Н.П. Бразильская империя (1822 – 1889) / Н.П. Калмыков // История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века / ред. Н.М. Лавров. – М., 1991. – С. 237 – 248.
- Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад / А. Каппелер. – М., 2000.
- Карилья Э. Романтизм в Испанской Америке / Э. Карилья / пер. с исп. М. Деев, ред. В. Маликов. – М., 1965.
- Кирчанов М.В. Дискурсы бразильской регионализации в контексте политической модернизации / М.В. Кирчанов // Геополитика глобализирующегося мира. Материалы международной научной конференции / ред. А.А. Слинько, С.И. Дмитриева. – Воронеж, 2007. – С. 60 – 75.
- Кирчанов М.В. *Ordem e progresso*: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008.
- Кирчанов М.В. Российская латиноамериканистика между традициями норматива и вызовами дискурса / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 (в печати).
- Кирчанов М.В. Раса, феминность, мускулиность и брутальность: дискурсы политизации гендера в Бразилии середины 1950-х годов / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти Сергея Ивановича Семенова / А.А. Слинько (ред.), М.В. Кирчанов (сост.). – Воронеж, 2008. – Вып. 4 (в печати).
- Коваль Б.И. Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса / Б.И. Коваль. – М., 2005.
- Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004.
- Кокберн С. Пространство между нами. Обсуждение гендерных и национальных идентичностей в конфликтах / С. Кокберн. – М., 2002.
- Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // *An Imperio*. – 2003. – № 1.
- Ливен Д. Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада / Д. Ливен // Российская Империя в сравнительной перспективе / ред. А.И. Миллер. – М., 2004. – С. 71 – 93.
- Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? / Т. Мартин // *Ab Imperio*. – 2002. – No 2. – С. 55 – 87.

- Мартынов Б.Ф. «Золотой канцлер». Барон де Рио-Бранко – великий дипломат Латинской Америки / Б.Ф. Мартынов. – М., 2004.
- Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении / А.И. Миллер. – М., 2000.
- Миллер А.И. Внешний фактор и формирование национальной идентичности Галицких русинов / А.И. Миллер // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / ред. О. Хаванова. – М., 1997. – С. 68 – 75.
- Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования / А.И. Миллер. – М., 2006.
- Миллер А.И. Украинские крестьяне, польские помещики, австрийский и русский император в Галиции 1872 года / А.И. Миллер // Центральная Европа в новое и новейшее время / ред. А.С. Стыкалин. – М., 1998. – С. 175 – 180.
- Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств / А. Мотыль. – М., 2004.
- Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения / ред. А.Ф. Шульговский. – М., 1976.
- Никитин М.Д. Черная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций / М.Д. Никитин. – Саратов, 2005.
- Новая имперская история постсоветского пространства / ред. И.В. Герасимов и др. – Казань, 2004.
- Помбу Р. История Бразилии / Р. Помбу / пер. с порт. Ю.В. Дашкевича и В.И. Похвалина, ред. и предисловие А.М. Хазанова. – М., 1962.
- Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества / А.В. Ремнев // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. – СПб., 1997. – С. 142 – 156.
- Ремнев А.В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант / А.В. Ремнев // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – М., 2001. – С. 317 – 344.
- Ремнев А.В. У истоков российской имперской геополитики: азиатские «пограничные пространства» в исследованиях М.И. Венюкова / А.В. Ремнев // Исторические записки. – 2001. – Т. 4 (122). – С. 344 – 369.
- Рибер А. Изучая империи / А. Рибер // Исторические записки. – 2003. – Т. 6 (124). – С. 86 – 131.
- Рибер А. Сравнивая континентальные империи / А. Рибер // Российская Империя в сравнительной перспективе / ред. А.И. Миллер. – М., 2004. – С. 33 – 70.
- Российская Империя в зарубежной историографии / сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. – М., 2005.
- Российская Империя в сравнительной перспективе / ред. А.И. Миллер. – М., 2004.

- Слинько А.А. Переход к демократии в условиях террористической войны и политической нестабильности (политические процессы в Перу) / А.А. Слинько. – Воронеж, 2005.
- Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. – М., 2002.
- Тертерян И.А. Бразильский индеанизм / И.А. Тертерян // Формирование национальных литератур Латинской Америки. – М., 1970.
- Тертерян И.А. Бразильский роман XX века / И.А. Тертерян. – М., 1965.
- Тертерян И.А. Испытание историей: очерки испанской литературы XX века / И.А. Тертерян. – М., 1973.
- Тертерян И.А. Литература Бразилии / И.А. Тертерян // История литератур Латинской Америки: От Войны за независимость до завершения национальной государственной консолидации (1810 – 1870-е годы) / глав. ред. Г.В. Степанов, отв. ред. В.Н. Кутейщикова. – М., 1988.
- Тертерян И.А. Романтизм как целостное явление / И.А. Тертерян // Вопросы литературы. – 1983. – № 4.
- Тертерян И.А. Современный испанский роман / И.А. Тертерян. – М., 1972.
- Тертерян И.А. Человек мифотворящий. О литературе Испании, Португалии и Латинской Америки / И.А. Тертерян. – М., 1988.
- Уолби С. Женщина и нация / С. Уолби // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. – М., 2002.
- Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // Ab Imperio. – 2003. – № 3.
- Хоффер Э. Истинноверующий. Мысли о природе массовых движений / Э. Хоффер. – Мн., 2001.
- Цвиклински С. Татаризм vs болгаризм: «первый спор» в татарской историографии / С. Цвиклински // Ab Imperio. – 2003. – № 2.
- Чаттерджи П. Воображаемые сообщества: кто их воображает / П. Чаттерджи // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 283 – 296.
- Что такое «новая имперская империя», откуда она взялась и к чему она идет? // Логос. – 2007. – № 1. – С. 218 – 238.
- Чубарьян А. Тема империй в современной историографии / А. Чубарьян // Российская Империя в сравнительной перспективе / ред. А.И. Миллер. – М., 2004. – С. 10 – 14.
- Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / Р. Шартье. – М., 2001.

Abreu M.C. O império do divino: festas religiosas e cultura popular no Rio de Janeiro, 1830-1900 / M.C. Abreu. – Rio de Janeiro – São Paulo, 1999.

Abu Alfa Muhammad Shareef bin Farid, The Islamic Slave Revolts of Bahia, Brazil. A Continuity of the 19th Century Jihaad Movements of Western Sudan / Abu Alfa Muhammad Shareef bin Farid. – Pittsburgh, 1418.

Agičić D. Bosna ja naša! Mitovi i stereotipi o državnosti, nacionalnom i vjerskom identitetu te pripadnosti u novijim udžbenicima povijesti / D. Agičić // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 139 – 160.

Aleksov B. Poturica Gori it turčina: srpski istoričari o verskim preobraćenjima / B. Aleksov // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 225 – 258.

Allendorfer F. von, An Irish Regiment in Brazil, 1826-1828 / F. von Allendorfer // IS. – 1957. – Vol. III. – No 10. – P. 18 – 31.

Alvim Z. Brava gente! Os italianos em São Paulo, 1870-1920 / Z. Alvim. – São Paulo, 1986.

Amaral A. Relações perigosas o imaginário freyriano no discurso governamental / A. Amaral // TSRS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 163 – 186.

Anderson B. Comunidades imaginadas, reflexões sobre a origem e a expansão do nacionalismo / B. Anderson. – Lisboa, 2005.

Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. – NY., 1983.

Anderson B. Nação e consciência nacional / B. Anderson. – São Paulo, 1989.

Anderson B. Problemas dos nacionalismos contemporâneos / B. Anderson // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 16 – 26.

Andrade G. de, Pensamentos e reflexões de Machado de Assis / G. de Andrade. – Rio de Janeiro, 1990.

Andrade M.J. A Mão-de-Obra Escrava em Salvador, 1811-1860 / M.J. Andrade. – São Paulo, 1988.

Ansprenger Fr. The Dissolution of Colonial Empires / Fr. Ansprenger. – L., 1989.

Araujo Pineiro L. de, A civilização do Brasil através da infância / L. de Araujo Pineiro. – Universidade Federal Fluminense, 2003.

Araujo R.B. Guerra e Paz: Casa-Grande e Senzala e a obra Gilberto Freyre nos anos 30 / R.B. Araujo. – São Paulo, 1994.

Balakrishan G. A imaginação nacional / G. Balakrishan // Um mapa da questão nacional / ed G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000.

Barickman B.J. A Bahian Counterpoint: Sugar, Tobacco, Cassava, and Slavery in the Recôncavo, 1780-1860 / B.J. Barickman. – Stanford, 1998.

Barman R.J. Brazil: The Forging of a Nation, 1789 – 1852 / R.J. Barman. – Stanford, 1988.

Basto F.L.B. Ex-Combatentes Irlandeses em Taperoa / F.L.B. Basto. – Rio de Janeiro, 1971.

Bastos E.R. Gilberio Freyre e a Questão Nacional / E.R. Bastos // *Inteligência Brasileira* / ed. R. Moreas, R. Ferrante. – São Paulo, 1986.

Bauman Z. Identidade / Z. Bauman. – Rio de Janeiro, 2005.

Behell L. The Decline and Fall of Slavery in Nineteenth Century Brazil / L. Behell // *TRHS*. – 1991. – Vol. 1. – P. 71 – 88.

Benedict Anderson: um inquito observador de estrelas // *TMRON*. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 9 – 15.

Bernd Z. A questão da negritude / Z. Bernd. – São Paulo, 1984.

Bernd Z. Negritude e literatura na América Latina / Z. Bernd. – Porto Alegre, 1987.

Bertonha J.F. Os italianos / J.F. Bertonha. – São Paulo, 2005.

Bivar Marquese R. de, Parron T.P. Azeredo Coutinho, Visconde de Araruama and *Memória sobre o comércio dos escravos de 1838* / R. de Bivar, T.P. Parron // *Revista de História*. – 2005. – Vol.152. – No 1.

Bivar Marquese R. de, The dynamics of slavery in Brazil – Resistance, the slave trade and manumission in the 17th to 19th centuries / R. de Bivar Marquese // *NE*. – 2006. – No 2.

Block A. The English Novel 1740-1850 (A Catalogue) / A. Block. – L., 1961.

Botelho T.R. Censos e construção nacional no Brasil Imperial / T.R. Botelho // *TSRS*. – Vol. 17. – No 1. – P. 321 – 341.

Botelho T.R. População e nação no Brasil do século XIX / T.R. Botelho. – São Paulo, 1998.

Brazil: Empire and Republic, 1822 – 1930. – Cambridge – NY., 1989.

Brookshaw D. Raça e cor na literatura brasileira / D. Brookshaw. – Porto Alegre, 1983.

Bruce D.R. Irish Mercenary Soldiers in Brazil, 1827-1828 / D.R. Bruce // *The Irish Link*. – 1998. – No 3.

Calmon P. Brasil. El Imperio y la República / P. Calmon // *Historia de América* / ed. R. Levene. – Buenos Aires, 1941. – Vol. XIII.

Camargo de Godoi R. O Rio lusófono de Machado de Assis Análise da personagem Marcela das Memórias Póstumas de Brás Cubas / R. Camargo de Godoi // *RECH*. – 2006. – No 2.

Candido A. Formação da Literatura Brasileira (Momentos Decisivos) / A. Candido. – São Paulo, [n.d.]

Candido A. O Romantismo no Brasil / A. Candido. – São Paulo, 2002.

Cardoso de Oliveira R. Identidade, Etnia e Estrutura Social / R. Cardoso de Oliveira. – São Paulo, 1976.

Cardoso Moreira G.A. “Uma família no Império do Brasil: os Cardoso de Itaguaí”: um estudo sobre economia e poder / G.A. Cardoso Moreira. – Universidade Federal Fluminense, 2005.

Carilla E. El Romanticismo en la America Hispanica / E. Carilla. – Madrid, 1958.

- Carilla E. El Romanticismo en la America Hispanica / E. Carilla. – Madrid, 1958.
- Castello J. Jose Lins do Rêgo: Modernismo e Regionalismo / J. Castello. – Rio de Janeiro, 1961.
- Cautinho A. Introdução à literatura no Brasil / A. Cautinho. – Rio de Janeiro, 1959.
- Cautinho A. Conceito de Litaratura brasileira / A. Cautinho. – Rio de Janeiro, 1960.
- Cenni Fr. Os italianos no Brasil / Fr. Cenni. – São Paulo, 2003.
- Censoring History. Citezenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000.
- Chalhoub S. Diálogos políticos em Machado de Assis / S. Chalhoub // A história contada: capítulos de história social da literatura no Brasil / eds. S. Chalhoub, L. Pireira. – Rio de Janeiro, 1998.
- Chartier R. A história cultural: entre políticas e representações / R. Chartier. – Lisboa, 1990.
- Chiavenato J.J. As lutas do povo brasileiro / J.J. Chiavenato. – São Paulo, 1988.
- Chiavenato J.J. Cabanagem, o povo no poder / J.J. Chiavenato. – São Paulo, 1984.
- Cockburn C. The Space Between Us: Negotiating Gender and National Identities in Conflict / C. Cockburn. – L., 1998.
- Costa Brito Ê.J. da, Malandrino B.C. História e Escravidão: Cultura e Religiosidade Negras no Brasil – Um Levantamento Bibliografico / Ê.J. da Costa Brito, B.C. Malandrino // Revista de Estudos da Religião. – 2007. – dezembro. – P. 112 – 178.
- Cunha J.L. Rio Grande do Sul und die deutsche Kolonisation. Ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-brasilianischen Auswanderung und der deutschen Siedlung in Südbrasilien zwischen 1824 und 1914 / J.L. Cunha. – Santa Cruz do Sul, 1995.
- Curtin Ph. D. The Atlantic Slave Trade: A Census / Ph. D. Curtin. – Madison, 1969. Davidson B. The African Slave Trade / B. Davidson. – Boston, 1961.
- De Luca T.R. A Revista do Brasil: um diagnóstico para a (N)ação / T.R. De Luca. – São Paulo, 1999.
- Dias C.M. Balaíos e Bem-te-vis: a guerrilha sertaneja / C.M. Dias. – Teresina, 2002.
- Dimas F. Jornal do Comércio: a notícia dia a dia (1827-1987) / F. Dimas. – Rio de Janeiro, 1987.
- Dolbilov M. Russification and Bureaucratic Mind in the Russian Empire's Northwestern Region in the 1860s / M. Dolbilov // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. – 2004. – Vol. 5. – No 2. – P. 245 – 271.
- Dolbilov M. The Political Mythology of Autocracy: Scenarios of Power and the Role of Autocrat / M. Dolbilov // KEREH. – 2001. – Vol. 2. – No 4. – P. 773 – 795.

Domingos M., Martins M.D. Significados do nacionalismo e do internacionalismo / M. Domingos, M.D. Martins // TMRON. – 2006. – Vol. 2. – No 1. – P. 80 – 111.

Doyle M. Empires / M. Doyle. – Ithaca, 1986.

Doyle P. História de revistas e jornais literários / P. Doyle // RL. – 1968. – Vol. 32. – No 1.

Drescher S. Brazilian Abolition in Comparative Perspective / S. Drescher // HAHR. – 1988. – Vol. 68. – No 3. – P. 429 – 460.

Dynasty, Politics and Culture / ed. R. Kann. – Boulder, 1991.

Eisenstadt S. The Decline of Empires / S. Eisenstadt. – NJ., 1967.

Empires: Perspectives in Archaeology and History / ed. S.E. Alcock. – Camb., 2001.

Enloe C. Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics / C. Enloe. – L., 1989.

Entrevista: John Breuilly // TMRON. – 2006. – Vol. 2. – No 1. P. 12 – 47.

Faciolli V. Um defunto estrambótico: análise e interpretação das Memórias póstumas de Brás Cubas / V. Faciolli. – São Paulo, 2002.

Ferreira Muaze M. O Império do Retrato: família, riqueza e representação social no Brasil oitocentista / M. Ferreira Muaze. – Niterói, 2006.

Ferreira Martins R.A. Machado De Assis e a Literatura Brasileira do Oitocentos: um Projeto de Literatura Nacional / R.A. Ferreira Martins // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 9 – 32.

Ferreira T.M. Palácios de destinos cruzados: bibliotecas, homens, livros no Rio de Janeiro, 1870 – 1920 / T.M. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1999.

Fidelino de Figueiredo, Historia literaria de Portugal / Fidelino de Figueiredo. – Buenos Aires, 1949.

Filho D.P. A trajetória do negro na literatura brasileira / D.P. Filho // Estudos Avançados. – 2004. – No 18. – P. 161 – 193.

França J.M. Literatura e sociedade no Rio de Janeiro Oitocentista / J.M. França. – Lisboa, 1998.

Freyre G. Ingleses no Brasil. Aspectos da influência britânica sobre a vida, a paisagem e a cultura do Brasil / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1948

Freyre G. Interpretación del Brasil / G. Freyre. – Mexico, 1943.

Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // LESSAE. – 2001. – No 1.

Galtung J. The Structural Theory of Imperialism / J. Galtung // JPR. – 1971. – Vol. 8. – P. 81 – 117.

Gauer R.M. A contrução do Estado-nação no Brasil / R.M. Gauer. – Curitiba, 2000.

Gellner E. Nacionalismo e democracia / E. Gellner. – Brasília, 1981.

Gellner E. O advento do nacionalismo e sua interpretação: os mitos da nação e da classe / E. Gellner // Um mapa questão nacional / ed. G. Balakrishnan. – Rio de Janeiro, 2000.

Gender and Stratification / eds. R. Crompton, M. Mann. – Cambridge, 1986.

Gilberto Freyre e os estudos latino-americanos. – Pittsburgh, 2005.

Gledson J. Machado de Assis: ficção e história / J. Gledson. – São Paulo, 2003.

Goldstein I. Granica na Drini – značenje i razvoj mitologema / I. Goldstein // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 109 – 138.

Gomes E. Machado de Assis. Influências Inglesas / E. Gomes. – Rio de Janeiro, 1976.

Graham A.H. Subject Guide to Statistics in the Presidential Report of the Brazilian Provinces, 1830 – 1889 / A.H. Graham. – Austin, 1977.

Graham M. Diário de uma Viagem ao Brasil / M. Graham. – São Paulo, 1990.

Graham M. Journal of a Voyage to Brazil and Residence there, during part of the years 1821, 1822, 1823 / M. Graham. – L., 1824.

Graham R. Causes for the Abolition of Negro Slavery in Brazil: An Interpretive Essay / R. Graham // HAHR. – 1966. – Vol. 46. – No 2. – P. 123 – 137.

Grousset R. The Empire of Steppes / R. Grousset. – New Brunswick, 1970.

Guimarães M.L. Nação e civilização nos tropicos / M.L. Guimarães // EH. – 1988. – Vol. 1. – P. 5 – 27.

Hallewell L. O Livro no Brasil / L. Hallewell. – São Paulo, 1985.

Hallewell L. Books in Brazil. A History of the Publishing Trade / L. Hallewell. – NY., 1982.

Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change / L. Hein, M. Sekden // Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000.

Helena L. A solidão tropical e os pares à deriva: Reflexões em torno de Alencar / L. Helena // LBR. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 1 – 18.

Hobsbawm E. Era dos extremos: o breve século XX: 1914 – 1991 / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1995.

Hobsbawm E. Nações e nacionalismo desde 1780 / E. Hobsbawm. – Rio de Janeiro, 1990 (2002).

Hobsbawm E. Nações e nacionalismo: programa, mito e realidade / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1991.

Hobsbawm E., Ranger T. A Invenção das tradições / E. Hobsbawm, T. Ranger. – Rio de Janeiro, 1984.

Hobson J.A. Imperialism: A Study / J.A. Hobson. – L., 1905.

Hoffer E. The True Believer / E. Hoffer. – NY., 1962.

Hunsche C. O ano 1826 da imigração e colonização alemã no Rio Grande do Sul / C. Hunsche. – Porto Alegre, 1977.

Hunsche C. Obiênio 1824/25 da imigração e colonização alemã no Rio Grande do Sul / C. Hunsche. – Porto Alegre, 1975.

Hunsche C., Astolfi M. O Quadriênio 1827-1830 da Imigração e Colonização Alemã no Rio Grande do Sul / C. Hunsche, M. Astolfi. – Porto Alegre, 2004.

- Jayawardena K. *Feminism and Nationalism in the Third World* / K. Jayawardena. – L., 1986.
- Jilge W. *Historical Memory and National Identity Building in Ukraine since 1991* / W. Jilge // *European History: Challenge for a Common Future* / ed. A. Pok, J. Rugen, J. Scherrer. – Hamburg, 2002. – P. 111 – 134.
- Jobim J.L. *Censorship and Morality: Machado de Assis, Émile Augier and the National Theater Institute* / J.L. Jobim // *LBR*. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 19 – 36.
- Kann R. *A History of Habsburg Empire, 1526 – 1918* / R. Kann. – Berkley, 1974.
- Kent R.K. *African Revolt in Bahia: 24 – 25 January 1835* / R.K. Kent // *JAH*. – 1970. – Vol. 3. – No 4. – P. 334 – 356.
- Klein H.S. *African Slavery in Latin America and the Caribbean* / H.S. Klein. – Oxford, 1986.
- Klein H.S. *The Colored Freedmen in Brazilian Slave Society* / H.S. Klein // *JSH*. – 1969. – Vol. 3. – No 1. – P. 30 – 52.
- Klid B. *The Struggle over Mykhailo Hrushevs'ky: recent Soviet Polemics* / B. Klid // *CSP*. – 1991. – Vol. 33. – No 1. – P. 32 – 45.
- Klug J. *Wir Deutschbrasilianer. Die deutsche Einwanderung und die Herausbildung einer deutschbrasilianischen Identität im Süden Brasiliens* / J. Klug // *Tópicos*. – 2004. – No 1. – S. 26 – 27.
- Koebel W.H. *British Exploits in South America: A History of British Activities* / W.H. Koebel // *Exploration, Military Adventure, Diplomacy, Science, and Trade in Latin America*. – NY., 1917.
- Koebner R. *Empires* / R. Koebner. – NY., 1965.
- Kohut Z.E. *History as a Battleground: Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine* / Z.E. Kohut // *The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia* / ed. S.F. Starr. – NY., 1994. – P. 123 – 145.
- Koliver I.M. *Taquara do Mundo Novo* / I.M. Koliver. – Porto Alegre, 2004.
- Kolstø P. *Procjena uloge historijskih mitova u modernim društvima* / P. Kolstø // *Historijski mitovi na Balkanu* / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 11 – 38.
- Kupchan Ch. *The Vulnerability of Empire* / Ch. Kupchan. – NY., 1994.
- Langer J. *A Cidade Perdida da Bahia: mito e arqueologia no Brasil Império* / J. Langer // *RBH*. – 2002. – Vol. 22. – No 43. – P. 127 – 152.
- Le Caire H. *New States, Old Identities? The Czech Republic, Slovakia and Historical Understanding of Statehood* / H. Le Caire // *NP*. – 2003. – No 1. – P. 437 – 466.
- Lichtheim J. *Imperialism* / J. Lichtheim. – NY., 1971.
- Lopes M.A. *A história do pensamento político dos Grands Doctinnaires à história social de a idéias* / M.A. Lopes // *TSRS*. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 113 – 127.

Luckcock J. Notas sobre o Rio de Janeiro e partes meridionais do Brasil / J. Luckcock / trad. de Milton da Silva Rodrigues. – Belo Horizonte, 1975.

Luiz de Souza R. Método, raça e identidade nacional em Sílvia Romero / R. Luiz de Souza // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 9 – 30.

Luiz de Souza R. Nacionalismo e autoritarismo em Alberto Torres / R. Luiz de Souza. – Sociologias. – 2005. – Vol. 7. – No 13. – P. 302 – 323.

Luna F.V. São Paulo: População, Atividades e Posse de Escravos em Vinte e Cinco Localidades (1777-1829) / F.V. Luna // EE. – 1998. – Vol. 28. – No 1. – P. 99 – 169.

Mackillen A. Le roman terrifiant, ou roman noir, de Walpole à Radcliffe et son influence sur la littérature française jusqu'en 1840 / A. Mackillen. – Paris, 1915.

Magalhães Cidrini L. Sentido de nação na trajetória da literatura brasileira / L. Magalhães Cidrini // CH. – Vol. V. – No 1. – P. 73 – 80.

Magalhães R. de. José de Alencar e a sua época / R. de. Magalhães. – São Paulo, 1971.

Mahdi A. The delivery of Slaves from the Central Sudan to the Bight of Benin in the Eighteenth and Nineteenth Centuries / A. Mahdi // The Uncommon Market: Essays in the Economic History of the Atlantic Slave Trade / eds. H.A. Gemery, J.S. Hodgendorf. – NY., 1979. – P. 163 – 180.

Manchester A.K. A Preeminência Inglesa no Brasil / A.K. Manchester. – São Paulo, 1973.

Manchester A.K. British Preeminence in Brazil. Its rise and decline / A.K. Manchester. – NY., 1964.

Marson A. A ideologia nacionalista de Alberto Torres / A. Marson. – São Paulo, 1979.

Massa J.-M. La bibliothèque de Machado de Assis / J.-M. Massa // Revista do Livro. – 1961. – No 21 – 22. – P. 195 – 201.

Merou M.G. El Brasil intelectual / M.G. Merou. – Buenos Aires, 1900.

Meyer D. Identidades traduzidas. Cultura e docência teuto-brasileiro-evangélica no Rio Grande do Sul. Tese de Doutorado em Educação / D. Meyer. – Porto Alegre, 1999.

Miller A. Shaping Russian and Ukrainian Identities in the Russian Empire during the 19th century: Some Methodological Remarks / A. Miller // JGO. – 2001. – Bd. 49. – H. 4. – S. 257 – 263.

Mommsen W. Theories of Imperialism / W. Mommsen. – NY., 1980.

Mônaco Janotti M. A Balaiada / M. Mônaco Janotti. – São Paulo, 1987.

Moraes R.B. Livros e Bibliotecas no Brasil Colonial / R.B. Moraes. – Rio de Janeiro, 1979.

Mornet D. Les Origines intellectuelles de la Revolution française 1715 – 1787 / D. Mornet. – Paris, 1967.

Motyl A. Imperial Collapse and Revolutionary Change: Austria-Hungary, Tsarist Russia and the Soviet Empire / A. Motyl // Die Wiener Jahrhundertwende / ed. J. Nautz, R. Vahrenkamp. – Vienna, 1993. – P. 813 – 832.

- Motyl A. *Imperial Ends. The Decay, Collapse and Revival of Empires* / A. Motyl. – NY., 2001.
- Motyl A. *Revolutions, Nations, Empires: Conceptual Limits and Theoretical Possibilities* / A. Motyl. – NY., 1999.
- Motyl A. *Thinking about Empire* / A. Motyl // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation Building* / eds. K. Barley, M. von Hagen. – Boulder, 1997. – P. 19 – 29.
- Motyl A. *Why Empires Reemerge: Imperial Collapse and Imperial Revival in Comparative Perspective* / A. Motyl // *Comparative Politics*. – 1999. – Vol. 31. – P. 127 – 145.
- Muldoon J. *Empire and the Order. The Concept of Empire, 800 – 1800* / J. Muldoon. – NY., 1999.
- A mulher no Rio de Janeiro no século XIX / ed. M. Leite. – São Paulo, 1982.
- Nunes Fr.A. *Modernidade, Agricultura e Migração Nordestina: Os discursos e a atuação governamental no Pará do Século XIX* / Fr.A. Nunes // *Revista Eletrônica Cadernos de História*. – 2007. – No 1.
- O'Maidin P. *An Irish Mutiny in Brazil and a Betrayal* / P. O'Maidin // *The Cork Examiner*. – 1981. – May, 21.
- Oliveira L.L. *A questão nacional na Primeira República* / L.L. Oliveira. – São Paulo, 1990.
- Oliveira O. de, *História breve da literatura brasileira* / O. de Oliveira. – Madrid, 1958.
- Ortiz R. *O Guarani: um Mito de Fundação da Brasilidade* / R. Ortiz // *CC*. – 1988. – Vol. 40. – No 3.
- Otávio R. *A Balaiada* / R. Otávio. – Rio de Janeiro, 1942.
- Otávio R. *A Balaiada 1839: depoimento de um dos heróis do cerco de Caxias sobre a Revolução dos "Balaios"* / R. Otávio. – São Paulo, 2001.
- Pantaleão O. *A Presença Inglesa* / O. Pantaleão // *História Geral da Civilização Brasileira* / ed. S.B.de Buargue. – São Paulo – Rio de Janeiro, 1976. – T. II. – Vol. 1. – P. 64 – 99.
- Passos G.P. *A Poética do Legado: presença francesa em Memórias Póstumas de Brás Cubas* / G.P. Passos. – São Paulo, 1996.
- Patterson H.O. *The Sociology of Slavery* / H.O. Patterson. – Rutherford, 1969.
- Pessanha Mary C. *A geografia no Brasil nos últimos anos do Império* / C. Pessanha Mary // *Revista da SBHC*. – 2005. – Vol. 3. – No 2. – P. 156 – 171.
- Pierson D. *Negroes in Brazil* / D. Pierson. – Chicago, 1942.
- Pombo R. *História do Brasil* / R. Pombo (7 edição. Revista e atualizada por Hélio Vianna). – Rio de Janeiro, 1956.
- Prince H. *Slave Rebellion in Bahia: 1807-1835* / H. Prince. – Columbia University, 1972 (PhD Dissertation).
- Proença M. *Cavalcanti. José de Alencar na Literatura Brasileira* / M. Proença. – Rio de Janeiro, 1966.

- Rambo A. Teuto-argentino, teuto-brasileiro, teuto-chileno: identidades em debate / A. Rambo // EIA. – 2005. – Vol. XXXI. – No 1. – P. 201 – 222.
- Rees R. Some Other Place than Here: St. Andrews and the Irish Emigrant / S. Rees. – Dublin, 2000.
- Reis J.C. As itentidades do Brasil / J.C. Reis. – Rio de Janeiro, 1999.
- Reis J.J. Slave Rebellion in Brazil: The African Muslim Uprising in Bahia, 1835 / J.J. Reis. – University of Minnesota, 1983 (PhD Dissertation).
- Roche J. A Colonização Alemã e o Rio Grande do Sul / J. Roche. – Porto Alegre, 2004.
- Santos A.C. A invenção do Brasil / A.C. Santos // RH. – 1985. – No 118. – P. 3 – 12.
- Santos Cunha M. Traduzindo identidades / M. Santos Cunha // REF. – 2001. – Vol. 9. – No 2.
- Schäffer N.O. Os Alemães no Rio Grande do Sul: dos números iniciais aos censos Demográficos / N.O. Schäffer // Os Alemães no Sul do Brasil. – Canoas, 2004.
- Schwartz S.B. Sugar Plantations in the Formation of Brazilian Society: Bahia, 1550 – 1835 / S.B. Schwartz. – Cambridge, 1989.
- Schwarz R. A Master on the Periphery of Capitalism / R. Schwarz. –Durham, 2001.
- Schwarz R. Um mestre na periferia do capitalismo: Machado de Assis / R. Schwarz. – São Paulo, 2000.
- Sewell W. The Concepts of Culture / W. Sewell // Beyond the Cultural Turn / eds. V.E. Bonnell, H. Hunt. – Berkley, 1999.
- Smith A. A identidade nacional / A. Smith. – Lisboa, 1997.
- Smith A. O nacionalismo e os historiadores / A. Smith // Um mapa da questão nacional / ed G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000.
- Snyder J. Myths of Empires / J. Snyder. – NY., 1991.
- Soares de Gouvêa M.C. Imagens do negro na literatura infantil brasileira / M.C. Soares de Gouvêa // EP. – 2005. – Vol. 31. – No 1. – P. 77 – 89.
- Stachey J. The End of Empire / J. Stachey. – NY., 1959.
- Streeter H.W. The Eighteenth-Century English Novel in French Translation. A Bibliographical Study / H.W. Streeter. – NY., 1963.
- Süssekind F., Ventura R. História e dependência: cultura e sociedade em Manoel Bomfim / F. Süssekind, R. Ventura. – Rio de Janeiro, 1981.
- Taagepera R. Expanasion and Contraction Patterns of Large Politics / R. Taagepera // ISQ. – 1997. – Vol. 41. – No. – 475 – 504.
- Taagepera R. Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves / R. Taagepera // SSR. – 1978. – Vol. 7. – P. 180 – 196.
- Taagepera R. Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves, 600 B.C. to 600 A.D. / R. Taagepera // SSH. – 1979. – Vol. 3. – P. 115 – 138.
- Taagepera R. Size and Duration of Empires: Systematics and Size / R. Taagepera // SSR. – 1978. – Vol. 7. – P. 108 – 127.

- Tavares J.N. Autoritarismo e dependência: Oliveira Vianna e Alberto Torres / J.N. Tavares. – Rio de Janeiro, 1979.
- Treadgold W. A History of Byzantine Empire and Society / W. Treadgold. – Palo Alto, 1997.
- Trento Â. Do outro lado do Atlântico / Â. Trento. – São Paulo, 1988.
- Troebst S. “We are Transnistrians”. Post-Soviet Identity management in the Dniester Valley / S. Troebst // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – P. 437 – 466.
- Turner B. The Body and Society / B. Turner. – Cambridge, 1987.
- Vasconcelos S. British contributions to the making of the Brazilian novel / S. Vasconcelos // *Connecting Continents: Latin America and Britain in the Nineteenth Century* / eds. R. Forman, R. Aguirre. – Amsterdam, 2007.
- Vasconcelos S. Dez Lições Sobre o Romance Inglês do Século XVIII / S. Vasconcelos. – São Paulo, 2002.
- Vianna H. Contribuição à História da Imprensa Brasileira (1812-1869) / H. Vianna. – Rio de Janeiro, 1945.
- Vieira A.S. Viagens de Gulliver ao Brasil. Estudo das adaptações de Gulliver’s Travels por Carlos Jansen e por Monteiro Lobato / A.S. Vieira. – Unicamp, 2004.
- Vieira E. Autoritarismo e corporativismo no Brasil / E. Vieira. – São Paulo, 1981.
- Villela Santos M.J. A Balaiada e a insurreição de escravos no Maranhão / M.J. Villela Santos – São Paulo, 1983.
- Viotti da Costa E. The Brazilian Empire: Myths and Histories / E. Viotti da Costa. – Chicago, 1988.
- Vitorino A.J.R. Escravismo, proletários e a greve dos compositores tipográficos de 1858 no Rio de Janeiro / A.J.R. Vitorino // *CAELSOM*. – 1999. – Vol. 6. – No 10 – 11
- “We study Empires as we do dinosaurs”: Nations, Nationalism, and Empire in critical perspective. Interview with Benedict Anderson // *Ab Imperio*. – 2003. – No 3.
- Woman – Nation – State / eds. N. Yuval-Davis, F. Anthias. – L., 1989.
- Zilberman R. Leitoras de Carne e Osso: A Mulher e as Condições de Leitura no Brasil do Século XIX / R. Zilberman // *REL*. – 1993. – Outubro. – P. 31 – 47.
- Zimbrão da Silva T.V. Mulheres, Cultura e Literatura Brasileira / T.V. Zimbrão da Silva // *IREL*. – Vol. 2. – No 3. – P. 91 – 100.

СОКРАЩЕНИЯ

CAELSOM = Cadernos AEL: Sociedades Operárias e Mutualismo
CC = Ciência e Cultura
CH = Cadernos de História
CSP = Canadian Slavonic Papers
EE = Estudos Econômicos.
EH = Estudos Históricos
EIA = Estudos Ibero-Americanos
EP = Educação e Pesquisa
HAHR = The Hispanic American Historical Review
IREL = Ipotesi: revista de Estudos Literários
IS = The Irish Sword
ISQ = International Studies Quarterly
JAH = Journal of African History
JGO = Jahrbücher für Geschichte Osteuropas
JPR = Journal of Peace Research
JSH = Journal of Social History
KEREH = Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History.
LBR = Luso-Brazilian Review
LESSAE = Lietuvos etnologija. Studies in Social Anthropology and Ethnology.
NE = Novos Estudos
NP = Nationalities Papers.
RBH = Revista Brasileira de História
RECH = Revista Eletrônica Cadernos de História
REF = Revista Estudos Feministas.
REL = Revista de Estudos de Literatura
RHR = Revista de História Brasileira
RL = Revista do Livro.
SSH = Social Science History
SSR = Social Science Research
TMRON = Tensões Mundiais. Revista do Observatório das Nacionalidades
TRHS = Transactions of the Royal Historical Society
TSRS = Tempo Social. Revista de Sociologia

Научное издание

Кирчанов Максим Валерьевич

Império, Estado, Nação:
Политические модернизации и интеллектуальные
трансформации в Бразильской Империи
(1822 – 1889)

Монография

ООО Издательство «Научная книга»
394077, г. Воронеж, ул. Маршала Жукова, 3-244
<http://sbook.ru>

Отпечатано в ООО ИПЦ «Научная книга»
г. Воронеж, пр-т Труда, д. 48
тел. (4732) 205-715, 29-79-69
e-mail: ipc@sbook.ru

Тираж: 100